КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XIV.

АПРѢЛЬ.

1886 Г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIV. 1886 г.

Январь, 1886 г.

I. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Кулябки и Ломиковскіе). **А. Лазаревскаго** 1

II. КЪ ВОПРОСУ О ВЛІЯНІИ ГРЕЧЕСКАГО И РИМСКАГО СВАДЕБНАГО РИТУАЛА НА МАЛОРУССКУЮ СВАДЬБУ **Н. Сумцова** 16

III. ОСТРОВЪ ХОРТИЦА НА РѢКѢ ДНѢПРѢ (изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ). **Д. И. Эварницкаго** 41

IV. ИЗЪ ЭПОХИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ НА ЮГѢ РОССІИ (Народные слухи и толки о волѣ и землѣ). **П. Е.** 91

V. ДВѢ ПОѢЗДКИ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **В. Горленка.** 111

VI. ДНЕВНИКЪ НОВГОРОДСКАГО ПОДСУДКА ѲЕДОРА ЕВЛАШЕВСКАГО (1564—1604 года). Съ предисловіемъ **В. Антоновича** 124

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. К. Селѣцкій. Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія, въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—б) Н. Дашкевичъ. Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства. Кіевъ. 1885 года.—*Его-же*—в) К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія. Т. II, вып. I. С.-Петербургъ. 1886 г.—*Его-же.*—г) Угро-русскія народныя пѣсни, собранныя г. де-Волланомъ (Записки импер. русск. геогр. общества по отдѣл. этнографіи, томъ XIII, вып. I). С.-Петербургъ. 1885 г.—*В. Горленка* 161

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Южно-русскій городъ въ началѣ текущаго столѣтія (Изъ «Дневныхъ записокъ» А. С. Пишчевича).—б) По поводу картины художника С. И. Васильковскаго. *Д. Эварницкаго* —в) Двѣ малорусскія оды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ (1807—1812 г.).—*О Лев—го.*—г) Судебная «инквизиція» въ бывшей гетманщинѣ.—Сообщ. *А. Л—скій.* —д) Изъ народной характеристики цыганъ. —*А.*

Р—ва.—е) Еще извѣстіе о московскомъ походѣ Сагайдачнаго.—Сообщ. *А. Л—скій.*—ж) Вирша о сожженіи мліевскаго ктитора Даніила Кушнира.—*Ѳ. Лободы.*—з) Н. В. Гоголь въ гадячской ратушѣ.—*А. Луговаго.* 173

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*). . . . . 257—272

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1886 г.

I. ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. **П. Кузьмичевскаго** 209

II. НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНІЕ КОЛЯДОКЪ И ЩЕДРИВОКЪ. **Н. Ѳ. Сумцова**. 237

III. КЪ ИСТОРІИ ПЕРВАГО КРЫМСКАГО ПОХОДА. **А. Востокова**. 267

IV. ВѢДЬМА (Полѣсскій разсказъ) 279

V. СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА КОША ЗАПОРОЖСКАГО (1734—1763 г.). **А. Скальковскаго** 327

VI. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.), съ предисловіемъ **Ѳ. Н.** 350

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Т. Шевченко. Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластёномъ. Спб. 1886 г.—*В. Г—ка.*—б) Виленскій календарь на 1886 г. Вильна. 1885 г.—*И. Малышевскаго.*—в) Харьковскій календарь на 1886 г. Съ видомъ г. Харькова въ началѣ XIX ст.—*Ѳ. Н.* 371

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминанія г-жи Смирновой о Гоголѣ.—*В. Г—ка.*—б) Бугскіе козаки и украинскіе уланы (замѣтки А. С. Пишчевича).—в) Безсоновское туранство малороссіянъ.—*Семена Тыдытникова.*—г) Изъ записной книжки.—*Н. В.*—Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В. Тарновскаго.—*В. Горленка.*—д) Изъ письма въ редакцію и по поводу его.—е) Отчетъ гласнаго 1865 г.—ж) Библіографическая замѣтка.—Сообщ. *И. Н. Божерянова.* . . . 381

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1886 г.

I. ДОСВѢТКИ И ПОСИДѢЛКИ. **Н. Ѳ. Сумцова** 421

II. ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ (*Окончаніе*). **П. Кузьмичевскаго** 445

III. СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ (Историческое прошлое суджанскаго уѣзда). **Евг. Максимова** . 467

IV. КЪ ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ («Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго», 1593 г.). **Н. Оглоблина** 482
V. КАРМЕЛЮКЪ (переводъ съ польскаго) 495
VI. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.) *(Продолженіе)* 561
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка.—*М. Комарова*— б) Д. И. Багалѣй.—Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства въ XVI—XVIII столѣтіи. Харьковъ. 1886 г.—*В. А.*—в) О. В. Щербицкій. Виленскій свято-троицкій монастырь. Вильна. 1886 г.—*И. Каманина* 570
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ.—*П. Е.*—б) Находка въ области старинной южно-русской письменности.—*О. Левицкаго.*—в) Справка объ авторѣ «Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества».—*Н. Черняева.*—г) Надгробный запорожскій крестъ.—*В Бн—ка.*—д) Какъ судили и рядили въ Сѣчи запорожской.—*А. Скальковскаго.*—е) Изъ записной книжки.—*Н. В.*—ж) Исповѣдь Маргаса.—Сообщ. свящ. *Іоаннъ Борковскій* . . 593
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1886 г.

I. КОЛОМЫЙКИ. **Н. Ѳ. Сумцова** 635
II. ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СТЕПЕЙ. **Пл. Бурачкова** 659
III. ВѢДЬМА (полѣсскій разсказъ). *(Продолженіе)* 684
IV. ТРЕВОГА НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. **И. Билыка** 708
V. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.) *(Продолженіе)* 729
VI. МИХАИЛЪ ЧАЙКОВСКІЙ И КОЗАКОФИЛЬСТВО. . . . 763
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка *(Окончаніе)*.—б) Витебская Старина, т. IV, съ приложеніями и рисунками въ текстѣ. Витебскъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Историческіе матеріалы. Изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 10-й. Кіевъ. 1886 г.—*К. Цыбульскаго.*—г) Исторія Новой Сѣчи или Послѣдняго Коша Запорожскаго. *А. Скальков-*

скаго. Изданіе третье. Часть I. Одесса. 1885 г.—*И. Каманина.*—д) Памятники русской старины, изд. П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ VIII. Холмская Русь Спб. 1885 г.—*Ѳ. Лободы.* 778

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Потребность въ біографическомъ словарѣ южно-русскихъ дѣятелей и нѣсколько словъ о его программѣ.—*П. Е.*—б) Отвѣтъ на вопросъ о малорусскихъ одахъ изъ времени Наполеоновскихъ войнъ.—*С. П.*—в) Изъ записной книжки.—*Н. В.*—г) Волынская бывальщина.—*И. О—въ.*—д) «Нѣчто о дикомъ попѣ».—Сообщ. *Л. Мацѣевичъ.*—е) Дополненіе къ біографіи Адама Киселя.—*Е. Д—каго.*—ж) Памяти преосв. Филарета, архіепископа черниговскаго.—Сообщ. *И. Карнопольцевъ.*—з) Владиміро-волынскій мстиславовскій соборъ XII в. и предстоящее его обновленіе. *Е. Д.* . . 805

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 273—288

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КОЛОМЫЙКИ.

О внѣшней формѣ и содержаніи малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, объ ихъ историческомъ и бытовомъ значеніи составляется сужденіе по имѣющимся въ печати сборникамъ произведеній народнаго поэтическаго творчества, преимущественно по громаднымъ сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Нельзя не признать, что многаго еще не достаетъ для правильныхъ и полныхъ выводовъ и обобщеній относительно малорусской поэзіи, особенно мѣстныхъ, краевыхъ ея проявленій: здѣсь можно указать на два главныхъ препятствія, одно, такъ сказать, географическаго, другое хронологическаго свойства. Далеко не всѣ мѣстности Малороссіи изслѣдованы въ этнографическомъ отношеніи и въ особенности относительно наличнаго матеріала пѣснотворчества. Въ то время какъ народныя пѣсни галицкой и угорской Руси собраны во многихъ сборникахъ, собраны въ послѣднее время, правобережная Малороссія представлена сравнительно старинными сборниками, а нѣкоторые углы и закоулки лѣвобережной Малороссіи, напримѣръ, восточные уѣзды харьковской губерніи, населенная малороссіянами часть воронежской губерніи, значительная часть Екатеринославщины, все Черноморье—terra incognita въ приложеніи къ народнымъ пѣснямъ. Составляя свои мнѣнія и сужденія о малорусской народной поэзіи преимущественно по сборнику Чубинскаго, мы невольно усвоиваемъ ретроспективный взглядъ на народную поэзію и употребляемъ выраженіе «настоящее время», «нынѣшняя пѣсня» въ приложеніи къ времени прошедшему и пѣснямъ забытымъ. Значительное большинство пѣсенъ, вошедшихъ въ сборникъ Чубинскаго, записано въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Многое должно

было измѣниться съ тѣхъ поръ въ жизни и слѣдовательно въ пѣснотворчествѣ народа, особенно въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе, послѣ великаго дня 19 февраля 1861 года и всѣхъ вызванныхъ имъ крупныхъ и мелкихъ измѣненій народнаго быта. Освобожденіе крестьянъ, развитіе заводской промышленности, размноженіе желѣзныхъ дорогъ, сокращеніе срока военной службы, появленіе и размноженіе религіозныхъ сектъ, изъ года въ годъ усиливающійся приливъ нѣмецкихъ колонистовъ, русско-турецкая война за освобожденіе балканскихъ славянъ, еврейскіе погромы, масса другихъ, не столь крупныхъ бытовыхъ явленій новаго времени, все это въ совокупности неизбѣжно должно было затронуть народную мысль, народное чувство, должно было такъ или иначе выразиться въ области словеснаго поэтическаго творчества. Къ сожалѣнію, наука сильно отстаетъ въ опредѣленіи, освѣщеніи и разъясненіи новыхъ явленій жизни, такъ какъ не имѣетъ подъ руками необходимаго матеріала, не имѣетъ записей, сообщеній людей, близко стоящихъ къ народу. Какъ-бы то ни было, многое забыто, многое вновь народилось на свѣтъ Божій. Можетъ быть, новые элементы народной поэзіи похожи на старые, и по внѣшней формѣ, и по внутреннему содержанію, въ силу того, что въ народной жизни новое съ старымъ всегда переплетается и связывается тѣсно.

Сборники галицкихъ пѣсенъ, преимущественно сборникъ г. Головацкаго, открываетъ новую внѣшнюю форму народнаго поэтическаго творчества, форму своеобразную, оригинальную, вызвавшую нѣкоторое измѣненіе самаго содержанія народно-поэтическаго творчества, что вполнѣ естественно, такъ какъ внутреннее содержаніе и выражающая его внѣшняя форма по основнымъ законамъ индивидуальной и народной психологіи тѣсно связаны между собою, и одно другое обусловливаетъ. Новой внѣшней формой народнаго малорусскаго, преимущественно галицко-русскаго поэтическаго творчества представляется коломыйка.

Развитіе коломыйки совершается независимо отъ многообразныхъ событій и явленій южно-русской жизни. Коломыйка—преимущественно галицко-русское созданіе, и потому ни одно изъ перечисленныхъ выше политическихъ движеній русскаго народа не могло оказать на нее достаточно сильнаго вліянія. На возникновеніе и развитіе коломыйки повліяли главнымъ

образомъ, если не исключительно, общее обветшаніе всѣхъ формъ малорусской народной поэзіи, думы, колядки, щедривки, веснянки, свадебной пѣсни. Бандуристы перевелись, лирники окончательно переводятся; парубки и дивчата начинаютъ считать пѣніе колядокъ подъ окнами неприличнымъ, нищенскимъ дѣломъ. Думы забыты; колядки и щедривки вырождаются въ тягучіе и дряблые духовные стихи; веснянки и свадебныя пѣсни въ легкія, любовныя импровизаціи; наступаетъ всеобщее оскудѣніе. Однако, жизнь не терпитъ пустоты, долгаго застоя. Въ замѣнъ угасающихъ формъ жизни нарождаются или должны въ непродолжительномъ времени народиться новыя формы, примѣнительно къ новымъ бытовымъ условіямъ. Естественно возникаетъ вопросъ, представляетъ ли замѣчаемое оскудѣніе пѣснотворчества признакъ крайняго упадка духа и моральнаго вырожденія, или оскудѣніе знаменуетъ наступившій переломъ въ направленіи пѣснотворчества и переходъ къ пѣснѣ новой, соотвѣтствующей бытовой дѣйствительности, съ сохраненіемъ силы и оригинальности самобытнаго духовнаго творчества, другими словами: будетъ ли взята пѣсня изъ-чужа, со всѣми безобразіями искаженія, поддѣлки и фасильфикаціи, или родникъ народнаго духа окажется настолько сильнымъ и свѣжимъ, что изъ него выльется пѣсня свободная, звонкая, чистая. Недалекое будущее отвѣтитъ на эти вопросы. Въ настоящее время неумѣстно пускаться въ догадки и предположенія, забѣгать впередъ и предвѣщать. Самое большое, что можно сдѣлать при современныхъ научныхъ средствахъ—это представить посильное разъясненіе отдѣльныхъ, мелкихъ явленій народной жизни и по возможности опредѣлить ростки будущаго.

Коломыйки весьма распространены въ Галиціи и Буковинѣ. Въ Угорской Руси также много коломыекъ; только здѣсь онѣ слабоваты, безцвѣтны, что вполнѣ отвѣчаетъ дряблости и невзрачности угорско-русскаго народнаго характера вообще и поэзіи въ частности. Коломыйка, какъ опредѣленная пѣсенная форма, встрѣчается въ Малороссіи (у Чубинскаго, напр., въ т. V, стр. 138, 235, 512, 144); но, повидимому, здѣсь неизвѣстно самое названіе «коломыйка».

Найбольшаго развитія коломыйки достигли въ галицкомъ Покутьѣ. Покутье—прекрасный уголокъ Руси, съ сѣверо-востока обрамленный скалистыми берега Днѣстра, съ юго-запада обрѣзанный

карпатскими горами. Въ весеннее половодье днѣстровскія воды заливаютъ обширныя пространства Покутья и, по возвращеніи въ русло, оставляютъ плодородный илъ на поляхъ. Мѣстное населеніе, въ особенности горцы гуцулы, отличается силой характера, предпріимчивостію, подвижностью [1]).

Главный городокъ края Коломыя далъ названіе для пѣсни коломыйки. Это веселый, хорошо застроенный поселокъ, вблизи Чорной горы, упоминаемой въ пѣсняхъ галицкихъ гайдамакъ, опрышковъ. Самое названіе городка Коломыи и протекающей черезъ него рѣчки Коломыйки объясняютъ различно; одни производятъ отъ римскаго слова *colonia*, другіе отъ имени галицкаго князя Коломана, заложившаго городъ въ 1214 году [2]).

Новостью коломыекъ, въ особенности въ Малороссіи, появленіемъ ихъ лишь въ недавно вышедшихъ сборникахъ пѣсенъ и своеобразностью этого рода поэзіи объясняется то крайне ошибочное опредѣленіе коломыйки, которое сдѣлалъ Закревскій въ «Старосвѣтскомъ Бандуристѣ» 1861 г. «Подъ словомъ *коломыйка*, писалъ онъ, разумѣютъ наборъ строфъ одного размѣра и мелодіи, но безъ всякой строгой связи въ отношеніи содержанія» (стр. 62)... «Малороссійская нисенитныця, или наборъ строфъ есть то же, что галицкая коломійка или что у поляковъ краковякъ» (стр. 65). Здѣсь смѣшаны двѣ совершенно различныя формы поэзіи, коломыйка и нисенитныця. Коломыйка представляетъ сконцентрированное выраженіе народнаго поэтическаго творчества, своего рода художественную формулу пѣсеннаго мотива или бытоваго явленія; нисенитныця есть стихотворная чепуха, безсмыслица, словесная игра въ соединеніе предметовъ, не имѣющихъ въ природѣ между собою ничего общаго.

Случайно оброненное Закревскимъ замѣчаніе о тождественности галицко-русской коломыйки и польскаго краковяка даетъ поводъ къ предположенію о возможности генетической связи между ними, о происхожденіи коломыйки изъ краковяка. Предположеніе это, такъ сказать, само собой напрашивается на мысль, въ виду близкаго топографическаго сосѣдства краковяка и коломыйки, общаго ихъ плясоваго характера и продолжительности польскаго вліянія въ Галиціи на мѣстное русское населеніе. Пересматривая

[1]) Сборникъ Головацкаго, т. I, стр. 695 и др.

[2]) Kolberg, Pokucie, 1, 10.

многочисленные краковяки въ 6 томѣ «Lud» Кольберга (стр. 381—498) и сравнивая ихъ съ многочисленными коломыйками въ сборникѣ Головацкаго, нельзя открыть между ними ничего общаго, никакого родства. Въ краковякахъ величина пѣсни, размѣръ, содержаніе, взятые изъ внѣшней природы образцы совсѣмъ особые, чуждые коломыйкамъ. Краковякъ по величинѣ значительно превосходитъ коломыйку. Большинство краковяковъ состоитъ изъ четырехъ или пяти строфъ; часто встрѣчаются семистрофные и одиннадцатистрофные краковяки. Господствующій размѣръ—шестисложный, изрѣдка восьмисложный въ каждой строкѣ, размѣръ, сравнительно съ коломыйками, слишкомъ короткій, слабый. Въ краковякахъ, не смотря на ихъ значительную величину, нѣтъ запѣвовъ, которые всегда указываютъ на разбѣгъ мысли и придаютъ пѣснѣ силу. Краковяки, сравнительно съ коломыйками, очень бѣдны взятыми изъ внѣшней природы образами, обыкновенно придающими пѣснѣ живописность и выразительность. Въ замѣнъ того, въ краковякахъ много отвлеченныхъ сужденій и морально-дидактическихъ замѣчаній: напримѣръ:

Niema nic na świecie
Pod słoncem stałego (425)...

—

Nie panuje teraz,
Słuszność na tym świecie (425).

—

Niech cię urodzenie
Panow nie uwodzi;
Wszakże nas natura
Jedna na swiat rodzi (420).

Въ коломыйкахъ нѣтъ ничего подобнаго. Въ содержаніе краковяковъ входятъ большею частью тѣ-же житейски-бытовые мотивы, что и въ коломыйки, преимущественно любовь молодыхъ людей, но въ такомъ сочетаніи подробностей, что между краковякомъ и коломыйкой относительно содержанія получается полное различіе. Поэтическое и нравственное достоинство краковяка можно охарактеризовать слѣдующими словами самаго краковяка:

Niemasz ci to niema
Jak w krakowskiém polu;

Jedna garść pszenicy,
A druga kąkolu (390).

Большое различіе между коломыйкой и краковякомъ обнаруживается также въ той оцѣнкѣ, какую русинъ даетъ коломыйкѣ, а полякъ краковяку. Для русина коломыйка такая пѣсня, которую можно пѣть всегда и вездѣ, которую слѣдуетъ пѣть въ минуты радости и горя; вообще, русинъ, какъ это будетъ видно въ концѣ настоящей статьи, относится къ коломыйкѣ съ безусловной похвалой; полякъ-же поетъ:

Niedobra jest rzeczą
Krakowiaki śpiewać,
Jedna można bawić,
A drugich rozgniewać (390).

Въ итогѣ сравнительнаго изученія коломыекъ и краковяковъ получается, такимъ образомъ, заключеніе о полной независимости первыхъ отъ послѣднихъ.

Галичанинъ Счастный Саламонъ, издавшій въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сборникъ коломыекъ и шумокъ, говоритъ въ предисловіи: «и вжежъ то изъ всѣхъ напѣвовъ въ Галицкой Руси найбильше разширена коломыйка. Коломыйка, се душа, се вѣрна товаришка галицкаго русина видъ колыски ажъ до могилы; нею все начинае винъ пѣти и все кончитъ. Въ коломыйкахъ бо, въ ихъ нутѣ и напѣвѣ, найбильше отпечатлѣлась меланхолія, тужливость, сумота души, а въ тыхъ то чувствахъ именно сосредоточилась цѣла жизнь несчастливаго народа Руси, который по утратѣ политической своей самостоятельности черезъ пять долгихъ столѣтій (подразумѣвается покореніе Галиціи поляками въ 1340 г.) не малъ ни волѣ, ни доли, а все лишь изнывалъ, стогналъ въ путахъ рабства, пидъ ударами судьбы жестокой. Оттакъ то истинный образъ исторіи нашего народа въ самыхъ напѣвахъ коломыйки». Меланхоличность напѣва нѣкоторыхъ коломыекъ не можетъ служитъ доказательствомъ древности ихъ, а лишь проявленіемъ извѣстнаго душевнаго настроенія. Нельзя упускать изъ виду также того обстоятельства, что новыя пѣсни часто принимаютъ напѣвъ старинныхъ, забываемыхъ пѣсенъ.

Въ сборникѣ г. Головацкаго коломыйки помѣщены въ отдѣлѣ плясовыхъ пѣсенъ. Значительное количество коломыекъ по тону и содержанію дѣйствительно отвѣчаетъ плясовой. Въ [illegible]

ской Руси есть особый танецъ коломыйка. Танцуютъ его такъ: мужчина подбоченясь и устремивъ свой взглядъ на концы ногъ, продѣлываетъ ими всевозможныя движенія; при этомъ онъ кружится около танцующей съ нимъ дѣвушки, которая, не спуская съ него глазъ, съ опущенными руками, приплясываетъ на мѣстѣ; когда мужчина вскрикнетъ и ударитъ въ ладоши, дѣвушка къ нему придвигается; онъ обнимаетъ ее за шею и покачивается вмѣстѣ съ нею взадъ и впередъ, затѣмъ снова выпускаетъ дѣвушку, и танецъ продолжается по прежнему. Въ кругъ никогда не входятъ нѣсколько паръ одновременно, но танцуютъ только по одной парѣ, смѣняя одна другую. Мужчина, желающій танцовать, въ Угорской Руси громко произносятъ: «я выронилъ свою трубку!»; это условный знакъ, по которому пары разступаются и даютъ мѣсто той, которая такимъ образомъ заявила о своемъ желаніи танцовать; натанцовавшись вдоволь, эта пара уступаетъ мѣсто другой [1]).

При всемъ томъ, коломыйка не плясовая пѣсня. Коломыйки въ массѣ представляютъ нѣчто совсѣмъ особенное, серіозное и, за исключеніемъ отдѣльныхъ коломыекъ, не могутъ быть подведены подъ отдѣлъ пѣсенъ плясовыхъ. Во многихъ коломыйкахъ обнаруживается вовсе не плясовое настроеніе духа, отражается грусть, находится сѣтованіе ня горемычную долю, говорится о слезахъ, напримѣръ, въ коломыйкѣ:

Чому очи не плачете, жалю не маете?
Мое серце въ слезахъ стоитъ, а вы не знаете.

Встрѣчаются коломыйки съ отвлеченной, почти фнлософской мыслью, напримѣръ, коломыйка:

Лише рѣчка не вертае у горы землицевъ,
Тилько усе упадае до моря водицевъ

представляетъ сравненіе жизни человѣка съ теченіемъ рѣки. Въ другой коломыйкѣ зарожденіе и развитіе любви сравнивается съ рѣкой, которая сначала течетъ тихо, потомъ впадаетъ въ водоворотъ.

Тече ричка не величка, въ вырынку впадае,
Гирша любовъ видъ болѣсти, хто ю добре знае.

По внѣшней формѣ коломыйка представляетъ небольшую пѣсню, въ четыре или двѣ строки, изрѣдка въ шесть строкъ. Размѣръ—

---

1) Де-Волланъ, Угро-рус. пѣсни, стр. 16.

строго опредѣленный. Каждая строка состоитъ изъ 14 слоговъ, съ цезурой, раздѣляющей строку на двѣ неравныя части, причемъ въ первой части всегда 8 слоговъ, во второй 6 слоговъ, такъ что свойственный коломыйкамъ размѣръ можетъ быть выраженъ формулой 2 (8+6). Коломыйка представляетъ правильно чередующіяся повышенія и пониженія голоса, опредѣленныя числомъ слоговъ, и по отзыву этнографовъ, по отзыву и оцѣнкѣ самаго народа отличается мелодической прелестью. Встрѣчаются большія пѣсни, составленныя изъ коломыекъ, распредѣленныхъ въ порядкѣ, по основной мысли стихотворенія, причемъ каждая коломыйка имѣетъ самостоятельное значеніе, цѣльный смыслъ, и встрѣчается въ отдѣльности. Въ сборникѣ Кольберга «Pokucie», пѣсни составленныя изъ коломыекъ, помѣщены во 2 томѣ на стран. 99, 168 и многихъ другихъ, а въ сборникѣ г. Головацкаго во II т., стран. 380—400. Начало коломыйки, первая строка (8+6 слоговъ), представляетъ обыкновенно образъ, заимствованный изъ природы; дальнѣйшая часть пѣсни представляетъ соотвѣтствующее этому образу уподобленіе въ настроеніи души поющаго, причемъ образъ и уподобленіе составляютъ органическое цѣлое, и второе какъ-бы вытекаетъ изъ перваго. Бываетъ такъ, что образъ въ первой строкѣ, уподобленіе въ остальныхъ трехъ, напримѣръ:

Шкода травки и муравки тому облогови:
Шкода мене молодои тому неробови;
Шкода мене молодои, шкода мого стану,
Та якъ я ся леда бѣдѣ у руки достану
(т. II, стр. 779).

Часто бываетъ, что образъ въ первой строкѣ, уподобленіе во второй, въ третьей опять образъ, очень близкій первому, въ четвертой соотвѣтствующее уподобленіе, напримѣръ:

Ой часъ, мати, жито жати—вже перестигае;
Чому мене, моя мати, замижъ не отдае.
Ой часъ, мати, жито жати—колосъ похилився;
Ой часъ мене замижъ дати—голосъ изминився.

Въ нѣкоторыхъ коломыйкахъ обнаруживается значительное различіе между внѣшними образами первой и третьей строкъ. Это различіе почти всегда указываетъ на составной характеръ четырехъ-

строчной коломыйки изъ двухъ самостоятельныхъ двухъ-строчныхъ коломыекъ; напримѣръ:

Ой спѣвала на былинцѣ якась пташка сива:
Ой котра ще не любила, у Бога счастлива;
Бо не усѣ сады родятъ, котры вже зацвѣли:
Та не усѣ побралися, котры ся любили.

Встрѣчаются изрѣдка коломыйки съ поэтическимъ образомъ изъ внѣшней природы, безъ примѣненія его къ нравственной природѣ человѣка; напримѣръ:

Ой засвѣти, мѣсячеиьку, засвѣти, засвѣти,
Та на то-ти полонины, на хороши цвѣты!

Внѣшній образъ бываетъ такъ обыченъ и типиченъ въ народной поэзіи, что поющій, опуская уподобленіе, можетъ легко его подразумѣвать.

Бываютъ и такія коломыйки, въ которыхъ нѣтъ взятаго изъ внѣшней природы образа, нѣтъ параллелизма, и пѣсня прямо излагаетъ какой-нибудь случай или событіе изъ жизни, по метрическому коломыечному складу; напримѣръ въ коломыйкахъ:

У богача полъ калача, та еще винъ плаче,
А въ сироты нигде корки, еще вона скаче.

А у Львовѣ, славнимъ мѣстѣ, стала ся пригода,
Студенты ся збунтовали, що имъ невыгода:
На старшихъ то нарекали, що ихъ хтѣли бити,
Щобы дѣвчатъ не любити, казали ся вчити.

Ой якъ я си нагадала, якъ мы ся любили,
Не разъ ми ся доливъ окомъ слѣзы покотили.

Связь между образомъ и уподобленіемъ не всегда бываетъ достаточно ясна для интеллигентнаго человѣка, главнымъ образомъ по причинѣ своеобразности народныхъ пріемовъ сравненія и уподобленія, по обилію въ народной поэзіи такихъ установившихся типическихъ внѣшнихъ, взятыхъ изъ природы образовъ любви, разлуки, горя, какіе не встрѣчаются въ обращающихся среди интеллигентнаго общества поэтическихъ произведеній Пушкина, Лермон-

това, Тургенева, не встрѣчаются даже у Шевченка, напримѣръ, коломыйки:

Ой идутъ волы зъ полонины, рогами ся крешутъ,
Отдай, мати, дѣвку зъ хаты, най на ню не брешутъ,

была-бы непонятна, если-бы многія малорусскія и галицкія пѣсни не указывали на наклонность простаго южно-русскаго народа сближать въ поэзіи воловъ и лѣта. Смыслъ коломыйки въ дѣйствительности простъ и ясенъ: дѣвушка старѣетъ; люди начинаютъ надъ ней подсмѣиваться, какъ надъ старой дѣвой, и матери поставляется въ обязанность позаботиться объ отдачѣ ея замужъ. Сближеніе лѣтъ съ волами яснѣе обнаруживается въ другой коломыйкѣ:

Волы мои половыи, чому не орете?
Лѣта мои молодыи; марне зъ свѣта йдете!

Для полноты пониманія послѣдней коломыйки нужно замѣтить, что въ народной поэзіи ораніе поля служитъ иногда символомъ любви; напримѣръ, въ слѣдующихъ двухъ коломыйкахъ:

Не сѣявши, не оравши, не буде родити,
Не дай хлопцю принадоньки, не буде ходити.

—

Усѣ нивки поорани, одна облогуе;
Усѣ дѣвки на мя добри, одна ворогуе.

Ограничиваемся краткимъ объясненіемъ двухъ поэтическихъ образовъ, такъ какъ подробное изложеніе встрѣчающихся въ коломыйкахъ образовъ и уподобленій неизбѣжно должно вывести за предѣлы коломыйки, въ обширную область малорусской народной поэзіи и даже безыскусственной поэзіи другихъ славянскихъ народовъ.

По содержанію коломыйка представляетъ эклектическое явленіе народной поэзіи. Эклектизмъ является обыкновенно въ тотъ періодъ въ жизни народа, когда прогрессивное движеніе пріостанавливается на нѣкоторое время, причемъ возникаетъ потребность прослѣдить весь прежній ходъ цивилизаціи и собрать въ одно цѣлое всѣ добытые факты. Эпоха эклектизма большею частью совпадаетъ съ эпохою промышленнаго развитія, съ преобладающимъ, даже всепоглощающимъ обращеніемъ вниманія на предметы полезные и упо-

требительные въ матеріальной жизни. Эпоха эклектизма выражается обыкновенно перемѣщеніемъ центра тяжести народной жизни, въ слѣдствіе какого-нибудь крупнаго разрыва въ органической преемственности ея основныхъ явленій и фактовъ; однѣ формы жизни быстро вырождаются и на мѣсто ихъ являются другія, съ ними мало сходныя. Исчезаютъ формы жизни, созданныя бурными порывами фантазіи и чувства, порожденные грандіозными историческими народными движеніями, и нарождаются обыкновенно такія формы и явленія, гдѣ господствуетъ болѣе или менѣе сухой разсудокъ, разсчетъ, гдѣ все соразмѣрно, ясно и просто, иногда живо, свѣтло и увлекательно, какъ стихотворенія въ прозѣ Тургенева, иногда натянуто, сухо и мелочно, какъ вирши и грамматики греческихъ ученыхъ александрійскаго періода эллинской образованности.

Эклектическая коломыйка беретъ изъ народной поэзіи все лучшее, въ отдѣльныхъ частяхъ, обрывкахъ, обломкахъ, и будучи сама очень небольшой по величинѣ, удачно сохраняетъ и передаетъ драгоцѣнные элементы народной поэзіи. Въ настоящее время малорусскій, преимущественно галицко-русскій крестьянинъ обращается съ доставшимися ему отъ предковъ пѣснями такъ-же разсчетливо, какъ полторы тысячи лѣтъ назадъ ново-платоническіе философы Плотинъ и Проклъ, какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи французскій философъ Кузенъ обращались съ ученіями Пиѳагора, Платона и Аристотеля, выбираютъ поэтическіе образы и истины изъ различныхъ формъ и родовъ поэзіи, изъ колядки, гаивки, свадебной пѣсни, жатвенной пѣсни, думы, и заботливо складываютъ ихъ въ коломыйку. Въ періодъ духовнаго застоя, нравственной ломки, усиленія разглагающихъ цѣлость міросозерцанія и быта внѣшнихъ вліяній, обнаруживаемый коломыйкой эклектизмъ представляетъ весьма замѣчательное и, въ смыслѣ консервативномъ, утѣшительное явленіе. Если нельзя удержать думъ, колядокъ, щедривокъ, гаивокъ, если имъ суждено въ самомъ непродолжительномъ времени полное забвеніе въ средѣ простаго народа, что несомнѣнно, то по крайней мѣрѣ отдѣльныя ихъ жемчужины будутъ сохранены коломыйкой и переданы его будущимъ поколѣніямъ, какъ матеріалъ, средство, пособіе для дальнѣйшаго духовнаго творчества.

Эклектическими коломыйками представляются, напримѣръ, слѣдующія:

Выйди, выйди, файна любка, не бійся морозу,
А я твои били нижки за пазуху вложу.

Заревили баранчики, зъ полонины йдучи,
Очка ми придивили, миленького ждучи.

Эти коломыйки очевидно представляютъ отрывки изъ распространенныхъ въ Малороссіи и Галиціи любовныхъ пѣсень.

Чисто жатвенной пѣсней представляется слѣдующая коломыйка:

Вечеръ, вечеръ, вечерѣе, сонце надъ вербами,—
Пускай, пане атамане, до дому съ серпами.
Вечеръ, вечеръ, вечерѣе, уже сонце нызько,—
Пускай, пане атамане, до дому не блызько.

Нѣкоторое отношеніе къ галицкимъ свадебнымъ пѣснямъ имѣетъ коломыйка:

Ой по по пидъ гай зелененькій ходыть мій миленькій,
Та тычая за голову розмаринъ дрибненькій;
Ой бо то розмаринъ дрибный росте на каменю;
То-то мому миленькому, якъ иде до дому.

Пѣсня выражаетъ неудачное святовство. Розмаринъ употребляется на свадьбахъ въ Германіи, у западныхъ славянъ и въ Галиціи, причемъ, вѣроятно, заимствованъ славянами отъ нѣмцевъ. У древнихъ германцевъ розмаринъ былъ символомъ Гольды, дѣвственности. Замѣчаніе, что розмаринъ ростетъ на камнѣ, служитъ въ коломыйкѣ намекомъ на неудачное сватовство.

Захватывая отдѣльные поэтическіе мотивы изъ всѣхъ устарѣвшихъ формъ поэзіи, коломыйка въ то же время передаетъ всѣ современныя движенія народной жизни, обрисовываетъ краткими чертами національное самосознаніе галицко-русскаго крестьянина, его отношенія къ нѣмцамъ, полякамъ и евреямъ, его воззрѣнія на австрійскаго императора, его недовольство панщиной и рекрутчиной, мельчайшія проявленія семейной жизни, любовь, разлуку, бракъ, вѣрно передаетъ бытовыя проявленія народнаго юмора въ легкой насмѣшкѣ и шуткѣ надъ слабостями человѣческими. Въ коломыйкахъ есть всего понемножку, и религія, и политика, и мораль, и исторія. Распредѣлить коломыйки на отдѣлы по содержанію—дѣло

трудное, и потому въ сборникѣ г. Головацкаго, гдѣ напечатано нѣсколько тысячъ коломыекъ, распредѣленіе ихъ совершенно произвольно, случайно. Въ отдѣлы коломыекъ внесены всѣ двухъ-строчныя и четырехъ строчныя пѣсни 14-сложнаго размѣра, безъ различія содержанія. Одна и та же коломыйка иногда встрѣчается читателю нѣсколько разъ, на разныхъ страницахъ. Въ сборникѣ коломыекъ Счастнаго Саламона, изданномъ сначала въ 1864 г., потомъ вошедшемъ въ 5 томъ сборника г. Головацкаго, сдѣлана попытка раздѣленія коломыекъ на любовныя, сиротинскія, вояцкія и жартовливыя, причемъ въ любовномъ и шутливомъ отдѣлахъ коломыйки подраздѣлены на молодецкія и дѣвичьи. Это дѣленіе коломыекъ хотя и вноситъ нѣкоторый порядокъ въ распредѣленіе ихъ въ сборникѣ, далеко, однако, не выражаетъ содержанія коломыекъ.

Не имѣя намѣренія подробно излагать содержаніе коломыекъ, что было бы безполезно безъ обращенія ко всему составу малорусской и галицкой поэзіи, мы укажемъ только на болѣе характерныя стороны содержанія коломыекъ. Прежде всего вниманіе читателя привлекаютъ тѣ коломыйки, гдѣ выражена преданность галицкорусскаго крестьянина къ родинѣ, къ горамъ, къ своему округу, селу. Такъ какъ въ созданіи коломыйки главную роль играли жители коломыйскаго округа, то въ коломыйкахъ естественно видное мѣсто занимаетъ восхваленіе Коломыи и коломыйцевъ.

Горы мои высокія, мушу васъ лишити,
Волѣвъ бы-мъ бувъ у васъ гнити, якъ въ чужинѣ жити.

—

Ой не ма то якъ у горахъ дѣвчата спѣваютъ,
Ой не ма то якъ у горахъ молодци гуляютъ.

—

Ой славная Коломыя та й у межи горами.

—

Коломыя—не помыя, Коломыя мѣсто;
Въ Коломыи дивчатонька, якъ пшеничне тисто.

—

Коломыецъ-чорнобрывецъ, та и коломочка:
Якъ була красна неня, а ще краще дочка.

—

А въ гуцулки чорни очи, якъ тернъ на галузѣ,
Биле личко румяненьке, якъ калина въ лузѣ.

Какъ извѣстно, простой народъ внимательно относится къ мелкимъ, краевымъ этническимъ различіямъ въ языкѣ и обычаяхъ и выражаетъ это различіе въ поговоркахъ, пѣсняхъ, разсказахъ, большею частью ироническаго свойства. Въ древности поляне подсмѣивались надъ древлянами, новгородцами; въ новое время курскій крестьянинъ разсказываетъ смѣшной анекдотъ про крестьянина орловской губерніи, тулякъ даетъ москвичу насмѣшливое прозваніе, москвичъ рязанцу и т. д.; напримѣръ: осташи-торгаши, новоторы—воры.

То же самое видимъ въ Галиціи. Въ слѣдствіе гористой мѣстности, здѣсь болѣе своеобразія, особенностей между поселеніями, что выражается, между прочимъ, и въ коломыйкахъ. Бойки издѣваются надъ гуцулами, а гуцулы надъ бойками; напримѣръ:

Ой гуцуле, гуцуленьку, гуцуле небоже,
А ни орешь, а не сіешь, пожаль тя ся, Боже!

—

Гуцулія—кукурія, не хоче робити,
Але иде въ Коломыю мелай дорожити.

—

Ой серака Поланиця кукурузы сѣе,
А упадча Гуцулія на то ся надѣе.

—

Ой гуцуле, гуцуленьку, поганая вѣра:
Твоя жинка у середу солонину ѣла.

—

Якъ гуцула не любити? А въ гуцула вивци,
А въ гуцула за поясомъ писани топорци;
Та якъ зачне жинку бити, бича не пытае,
Та якъ утне межи плечи, ажъ душа минае.

—

Ой гуцулы, гуцуленьки, де-сто бойка [1]) дѣли,
Ци вы его испекли-сте, ци сырого зъѣли?

---

[1]) Въ другой коломыйкѣ „батька“.

Ни мы его испекли-сме, ни сырого зъѣли,
Лише ишовъ черезъ гору, та го волки зъѣли.

Бойко умерь, бойко умеръ, бойкови звонили,
Якъ ся бойко зирвавъ зъ лавы, ледво догонили.

Дала мене моя мати за бойка, за бойка,
А у бойка головонька легонька, легонька.

Любопытно въ галицко-русскомъ крестьянинѣ сознаніе, что въ горахъ ему несовсѣмъ хорошо живется и любопытно въ особенности то, что причиной зла считается нѣмецкій режимъ вообще, въ особенности рекрутчина и польскій гнетъ.

Ой нема въ горахъ добра, та й, вѣдай, не буде,
Доки ся въ насъ по нѣмцеви заваджати буде [1]).

Въ коломыйкахъ открывается своеобразный взглядъ галицкаго русина на «Цесаря»; напримѣръ:

Ой Цесарю, Цесарику, якій же ты глупый,
Убравъ есь мя у камаши, не закрывъ есь дупы [2]).

Пѣсня очевидно создана рекрутомъ, молодымъ солдатомъ, которато нарядили въ костюмъ для русина крайне странный, въ штиблеты и въ такую куртку, которая не закрываетъ задней части тѣла. Вообще, коломыйки очень враждебно относятся къ солдатской службѣ; напримѣръ:

Ой жовнѣръ я, моя мамо, ой жовнѣръ я, жовнѣръ,
Якъ не вѣришь, моя мамо, дывыся на ковнѣръ,
Ой ридный мой, каже, брате, та не дай мя взятн,
Не дай мени молодому ручки извязати!
А якъ мени молодому руки извязали.
Тогда маю матиноньку водой видлывати.

Ой не треба, дѣвчинонько, жовнѣра любити,
Бо онъ мусить Цѣсареви десять лѣтъ служити.

---

[1]) Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 300.
[2]) Тамъ же, стр. 298.

Ой дѣвицѣ молодицѣ скиньтеся по грошу,
Та заплатѣть Цесаревн, няй муидиръ не ношу

Ой Цесарю, Цесареньку, Цесарю Францишку,
Пусти мене до домоньку дѣвкамъ на потишку.

Бодай то-ти карабины отъ сонця згорѣли;
Бо вже въ мене, молодого, плечи заболѣли.

Ой Цесару, Цесареньку, на що насъ вербуешь?
Забравъ турокъ магазины, чимъ насъ выгодуешь?
Ой буду васъ годовати вивсяной половой,
Ой буду васъ высылати цесарской дорогой.
Якъ мы будемъ, Цесареньку, половоньку ûсти,
То мы будемъ дороженькой по воленьки лизти.

Какъ ни тяжела для галичанина солдатская служба, какъ ни противна она ему, еще болѣе тяжелой и противной является въ коломыйкахъ панщина, зависимость отъ польскихъ помѣщиковъ:

Ой волю я, пане брате, Цесарю служити,
Какъ я маю вражимъ ляхамъ панщину робити.

Ой чого ты поскрипуешь, яловая хато?
Нема добра въ нашемъ селѣ, бо панивъ багато [1]).

Бодай ляхи пановали—въ ходакахъ ходили,
Що ся нами, русинами, тяжко наробили!

Породила шевця вивця, а ляха кобыла,
А русняка неборака мати чернобрыва.

Коломыйки обвиняютъ еврея въ спаиваніи и въ разореніи крестьянина:

И я не пью, и ты не пій, та хто буде пити,
Та хто буде на жидивски сироты робити.

Не давно-мь ся, товаришу, стали напивати,
Прійшли жиды, взяли бычки, часъ було впрягати.

[1]) Сборникъ Гукашевича, стр. 138.

Выйдить дѣти на улицю, та заплачте ревне,
Най арендарь одурѣе, та й бычки оберне.

Есть одна прекрасная коломыйка, гдѣ, такъ сказать, подведенъ итогъ причинамъ недовольства галичанина Цесаремъ:

Ой Цесарю, Цесарику, шапочка ти срибна,
Не вважаешь, Цесарику, яка та Русь бидна:
Ой, бидна, кажу, бидна, бо паны зидрали,
Ой мали мы сьмо по коровѣ, й то жиды забрали.
Жиды взяли по коровѣ, Цесарь бере дѣти,
Не маемо, Цесарику, що въ Руси сидѣти!
(Гол. т. III, стр. 474).

Въ послѣдней строкѣ находится своего рода угроза или по меньшей мѣрѣ предостереженіе, угроза, яснѣе выраженная въ слѣдующей коломыйкѣ:

Черезъ тии рекрутоньки, черезъ вражи ляхи,
Покинемо свое село, пидемъ въ гайдамахи.

Въ одной коломыйкѣ находится такое зловѣщее пожеланіе:

Ой, бодай ти, атамане, та и хата згорѣла,
А якъ менѣ молодому панщина доѣла.

Въ другой коломыйкѣ зловѣщее пожеланіе близко къ осуществленію, судя по началу коломыйки: «запалю я крайну хату на всѣ штыри куты».

Большинство коломыекъ отличается строго бытовымъ характеромъ, точнѣе сказать, представляетъ лишь факты и явленія семейной жизни, родственныхъ отношеній и въ особенности возникновенія и развитія любовнаго чувства въ парняхъ и дѣвушкахъ, томленіе влюбленныхъ въ разлукѣ и радость встрѣчи.

Выраженіе любовнаго чувства парубка и дивчины въ коломыйкахъ иногда достигаетъ большой силы; напримѣръ:

Солодка ма бѣлавице, солодка ма душко!
А нужъ сюда мало ближе, най тя шепчу въ ушко!
Рыбка моя золотая; ай меде мій, меде:
Уже намъ ся сего року любитки не веде.

Шумитъ вода, шумитъ вода, по каменью гучитъ:
Кто плакати та й не вміе, люба го научитъ.

Не такъ болить, якъ укусить лютая гадина,
Гôрше болить, якъ счаруе милая дѣвчина;
Якъ укусить гадинонька, знайдешь въ зѣлью лѣки,
Якъ вчаруе дѣвчинонька, пропадешь на вѣки.

Загублюся, моя мати, загублю, загублю,
Видколи мя поциловавъ, видътогды го люблю;
Видколи мя поциловавъ въ личенько биленьке,
Видътогды мени личенько, якъ медъ солоденьке.

Якъ я пришла до церквочки, та й ся роздивила,
Оттакъ смутно свѣчка горить, що милого нема;
Черезъ малу годиночку миленькій уходить,
Оттакъ свѣчка засвѣтила, якъ зирнычка сходить.

Парубокъ обращается къ своей матери съ просьбой:

Мамко моя солодкая, дай ми порадочку,
Ци любити, ци лишити тоту чорнявочку.

Въ другой коломыйкѣ находится отвѣтъ матери:

Даю я ти, милый сыньцю, таку порадицю,
Кедь ти мила, роботлива, возьми чорнявицю.

Въ другихъ коломыйкахъ совѣтъ матери измѣняется:

Ой не бери багацкои, бери си убогу!
Багацкая гордовита, ще до того пышна,
Убогая прихильная, якъ у саду вишня.

Теши, сыну, ясенину, то буде клинье:
Возьми сыну сиротину, то буде газдине!
Не зъ кождои ясенины клинье ся удае,
Не зъ кождои сиротины газдине бувае.

Главнымъ препятствіемъ для женитьбы является недостатокъ денежныхъ средствъ.

Радъ бы-мъ я ся оженити, радъ бы-мъ жену мати,
Прійде зима великая, нѣчимъ зимовати.

Подобнаго рода мысль выражается во многихъ коломыйкахъ; напримѣръ:

Оженися не журися, гараздъ тобѣ буде,
Будешь мати цѣловати, а хлѣба не буде.

Оженися, не журися, будешъ газдовати,
Ты самъ будешь свини пасти, жона завертати.

Во многихъ коломыйкахъ выражается жалоба дѣвушки на отсутствіе ея милаго, высказывается желаніе полетѣть зозулей, поплыть рыбой, и вернуть его, сѣсть около него, разсказать ему всю правду, разсказать о заискиваніяхъ нелюба. Какъ Ярославна въ «Словѣ о полку Игоревѣ», дѣвушка въ коломыйкѣ спрашиваетъ у вѣтра о мѣстопребываніи ея милаго:

Пытала-мъ ся того вѣтру, що зъ тыхъ сторонъ вѣе:
Скажи мени, де мій милый, та що ся съ нимъ дѣе?

Вызванное отсутствіемъ милаго горестное чувство выражается различнымъ образомъ; напримѣръ:

Очка мои сивенькіи, то-жъ то вы блудите,
Ой нема вже того тутки, кого вы любите!
Очка мои сивенькіи, въ голову-сте впали.
Вы бы сте вже слёзоньками все море зальяли!

Сумна гора безъ явора, безъ зелененького,
Ще сумнѣйше дивчиноньцѣ та безъ миленького.

Иногда дѣвушка овладѣваетъ своей тоской, перемогаетъ ее.

Я милого утратила, та и не журюся,
Хоть велику тугу маю, а не поддаюся;
Та хоть бы-мъ ся якъ журила, жура не поможе,
Ино мою головоньку билыше рознеможе.

Душевное успокоеніе можетъ быть обусловлено вѣрой въ судьбу, въ Божью волю:

Ой тамъ въ полѣ конопельки, верхомъ зелененьки,
Мене милый покидае,—вороги раденьки.
Не тѣшьтеся, вороженьки, що зъ вамъ зъ того буде?
Та що кому Господь судивъ—не розсудятъ люде.

Значительное количество коломыекъ представляетъ несчастную жизнь въ замужествѣ за вдовцемъ, за которымъ «хлѣбъ готовый, серце засмучено», у котораго «борода коле», одно дитя проситъ ѣсть, другое пить, третье покачать.

Многія коломыйки представляютъ насмѣшку надъ увлеченіями молодыхъ людей и слабостями людей старыхъ; напримѣръ:

Ой любивъ я дѣвокъ сорокъ, а молодиць триста,
Ой у Бога надіечка, що ще душа чиста.

—

Ой косити, молотити я то не змагаю,
А дѣвчата обіймати, то я добре знаю.
Болить мене головонька, болить мя плечима,
Треба, треба ми дохтура съ чорными очима!

—

Надулася дѣвчинонька, якъ жыдивскій индыкъ,
Не озьме и багацькій сынъ, хиба якій винникъ.

—

Въ церкви звонятъ—баба глуха,
Въ корчмѣ граютъ—баба слуха:
А де жъ мои ходачищи?
Я бы-мъ пишла до коршмыщи.

Въ коломыйкахъ часто блеститъ чистая поэзія, проявляющаяся или въ яркости и выразительности взятаго изъ внѣшней природы образа, или въ силѣ и искренности проявленія чувства; напримѣръ:

Уже сонце на запади, уже ся спущае,
Мисяченько на востоцѣ ему ся всмѣхае.

—

Свѣтитъ сонце, свѣтитъ сонце, на хату лиліе,
Ой вже нема та й не буде, на кого надія.

—

Цвѣтутъ въ лѣсѣ красне зѣля, де медъ бере пчола,
Ой я той медъ въ губахъ чую, якъ дѣвча цѣлую.

—

Ой не лѣтай, воробею, по пидъ чорну стелю,
Не пороши миленькому бѣленьку постелю!

Послѣдняя коломыйка нуждается въ объясненіи. Коломыйка запѣта въ курной хатѣ, гдѣ потолокъ закоптился. Воробей, летая, можетъ прикосновеніемъ своихъ крыльевъ струсить сажу на приготовленную для любимаго человѣка постель. Прекрасный поэтическій образъ!

Ой засвѣти, мѣсяченьку, та й ты зоре ясна,
Передъ тыми воротами, де дивчина красна!

—

Оѣ засвѣти, мѣсяченьку, тыми долинами,
Куда иде мій миленькій на ничъ изъ волами.

—

Ой заходить то сонечко за терновый садокъ:
Не знаешь ты, мій миленькій, килька въ мене гадокъ.
Ожъ бы усѣ звѣзды зъ неба писарями стали,
Та еще бы мои гадки не переписали.

—

Ой Боже жъ мій милостивый, яка я несчасна,
Уже жъ моя зоря ясна на небѣ загасла!
Моя зоря уже згасла, друга засвѣтила,
Ой Боже-жъ мій милосердный, якъ я несчастлива.

—

Завѣй же ты, вѣтросеньку, по полю, по полю,
Та розвѣй же, та рознеси мою пусту долю!
Завѣю ти, дѣвчинонько, та й попередъ хаты,
Не розвѣю, не рознесу, шо ти мавъ Богъ дати.

Галицко-русскій народъ очень дорожитъ коломыйкой, какъ такой пѣсней, котаря услаждаетъ и веселитъ «засмученое сердце», прогоняетъ тугу, иногда заставляетъ задуматься, иногда вызоветъ тихія, успокаивающія сердце слезы, иногда уноситъ мысль, чувство и воображеніе въ «свѣти далекіи». Все это выражено въ самыхъ коломыйкахъ:

Якъ-бы не тѣ коломыйки, бувъ бымъ вже загинувъ,
Бувъ бымъ зъ горя та зъ недоли давно свѣтъ покинувъ;
Но якъ серце мое тужитъ, горюе, сумуе,
Та якъ собѣ заспѣваю,—уже не бануе.

—

Нема танцю на всѣмъ свѣтѣ, якъ та коломыйка;
Она душу вырывае зъ моего серденька,
Якъ заграю, заспѣваю, туга исчезае,
Бо то наша коломыйка таку силу мае.

—

Заграй же мени, музыченьку, бѣлыми пальцами,
Най я собѣ потанцюю зъ чорными бровами!
Ой у тебе, музыченьку, руки золотыи,
Тожъ ты душу потягаешь въ свѣти далекіи.

—

Гей плыву я по Дунаю,
И такъ се думаю:
Нема кращихъ спѣваночокъ,
Якъ у нашимъ краю!
Ой нема-жъ то, ой нема-жъ то,
Якъ руська краина,
Тамъ спѣвае коломыйки
Каждая дѣвчина.

—

Руська наша коломыйка, хоть она дрибойка,
Она мила, а все щира—мени солодойка,
Якъ я начну коломыйки спивати, спивати,
Затужишь ты и заплачешь, та й станешь думати.

Такая высокая оцѣнка коломыйки, сдѣланная самимъ народомъ, представляетъ тѣмъ болѣе любопытное явленіе, что ранѣе народъ не объектировалъ своихъ поэтическихъ произведеній настолько, чтобы самостоятельно ихъ оцѣнить въ пѣснѣ-же. Фактъ самостоятельной оцѣнки коломыйки галицко-русскимъ народомъ свидѣтельствуетъ о большой силѣ его поэтическаго творчества и самосознаніи.

Нельзя не пожелать въ заключеніи статьи о коломыйкахъ, что-бы современное состояніе народнаго пѣснотворчества было приведено въ извѣстность. Необходимо притомъ, что-бы собираніе на-

мятниковъ народнаго пѣснотворчества было распространено въ Россіи повсемѣстно, съ соблюденіемъ научныхъ требованій относительно сохраненія и вѣрной передачи всѣхъ чертъ и особенностей, даже искаженій и ошибокъ, въ словахъ и въ размѣрѣ. Въ научномъ отношеніи важно знать областныя, краевыя проявленія пѣснотворчества. По весьма основательному замѣчанію А. Н. Пыпина, «при общихъ мотивахъ преданіе (или пѣсня) чрезвычайно разнообразно, представляетъ множество варіацій; каждая мѣстность, каждый отдѣлъ племени несетъ свой оттѣнокъ старины, свой мѣстный складъ обычая и поэтическаго творчества, и именно изученіе этого разнообразія бытовыхъ и поэтическихъ явленій можетъ принести наукѣ любопытнѣйшіе результаты, какъ слѣдъ старой народной исторіи». Собираніе, записываніе пѣсенъ, преданій, разсказовъ изъ народныхъ устъ идетъ нынѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и, между прочимъ, въ Малороссіи, хотя совершается людьми различнаго образованія, различной научной подготовки, по различнымъ мотивамъ, большею частью въ силу пробудившагося въ обществѣ стремленія къ изученію народнаго быта. Въ спеціальныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», появляются время отъ времени небольшія, но цѣнныя по точности, записи народныхъ пѣсенъ. Недавно П. В. Шейнъ въ этнографическомъ отдѣленіи русскаго географическаго общества обратилъ вниманіе на двухъ молодыхъ собирателей памятниковъ народнаго творчества, В. Н. Добровольскаго, записавшаго въ 6 уѣздахъ смоленской губерніи болѣе 3000 пѣсенъ, сказокъ, заговоровъ и т. п., и Н. Е. Бера, занимающагося не только записываніемъ, но и переложеніемъ пѣсенъ на музыку («Свѣтъ» 1886 г. № 27). Д. И. Эварницкій года три назадъ записалъ въ харьковской губерніи много пѣсенъ. Харьковское историко-филологическое общество два года назадъ пріобрѣло покупкой отъ г. Манжуры объемистый сборникъ народныхъ пѣсенъ, преданій и разсказовъ. П. В. Ивановъ собралъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи много дѣтскихъ пѣсенъ и игръ. Все это еще ждетъ изданія. Но если желательно, чтобы собираемый матеріалъ не залеживался въ частныхъ рукахъ и въ рукописныхъ сборникахъ обществъ, то еще болѣе желать надо, что бы онъ былъ издаваемъ съ необходимыми комментаріями, съ указаніемъ сходнаго или тождественнаго въ двухъ сборникахъ, дабы не повторился

случай, бывшій при изданіи «Pokucia» Кольберга, который, упустивъ изъ виду громадный сборникъ г. Головацкаго, привелъ массу пѣсенъ, тождественныхъ съ пѣснями, изданными г. Головацкимъ. Отдѣльнымъ труженикамъ собирателямъ пѣсенъ нельзя ставить въ обязанность приводить ихъ въ систему и выдѣлять варіанты. Это дѣло трудное, требующее значительной научной подготовки, хорошихъ книжныхъ пособій; успѣшное его выполненіе возможно только при доставляемыхъ столичными библіотеками книжныхъ средствахъ и при совокупныхъ усиліяхъ многихъ лицъ или ученыхъ обществъ. Въ западной Европѣ дѣло собиранія и изданія памятниковъ народнаго поэтическаго творчества и ритуала хорошо поставлено. Достаточно указать на общество Folk—lare, ученое братство, своего рода цехъ, не только издающій этнографическія изслѣдованія и матеріалы, но и поддерживающій между самими научными дѣятелями начала взаимной помощи и содѣйствія. Въ славянскихъ земляхъ въ сходномъ направленіи дѣйствуютъ академіи и матицы, въ Россіи—географическое общество. Въ послѣдней книжкѣ Извѣстій этого общества (1885 г. т. VI стр. 480—500) въ любопытной статьѣ А. Н. Пыпина «о задачахъ русской этнографіи» читаемъ: «Прежнее этнографическое собираніе, всего чаще случайное, диллетантское, частичное, иногда просто крохоборное, должно смѣниться организованнымъ изслѣдованіемъ, простирающимся на всѣ основные типы и мѣстности населенія и производиться людьми научно приготовленными... Многостороннее и правильное... (этнографическое) изученіе необходимо не только для цѣлей чистой науки, но и для внутренняго и практическаго самосознанія; успѣхи этого изученія считаются теперь требованіемъ и условіемъ самого національнаго достоинства». А. Н. Пыпинъ высказываетъ при этомъ пожеланія, къ которымъ нельзя не присоединиться, именно чтобы въ университетахъ слушателямъ предлагались теоретическія наставленія о правильномъ собираніи народной старины, чтобы основалось спеціальное изданіе, посвященное этнографіи, основаны и расширены были музеи, а этнографическое отдѣленіе географическаго общества взяло на себя трудъ организаціи ученыхъ экспедицій, съѣздовъ, сосредоточенія и изданія крупнаго матеріала, библіотечныхъ работъ и т. д.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СТЕПЕЙ.

Въ настоящее время трудно сказать, на какомъ основаніи, кромѣ случайнаго созвучія въ названіяхъ, составилось у нашихъ первоклассныхъ историковъ убѣжденіе въ томъ, что древнее Олешье находилось на мѣстѣ теперешнихъ Алешекъ, въ устьяхъ Днѣпра. На повѣрку выходитъ, что ближе другихъ къ истинѣ былъ Татищевъ, сказавшій, что «Алеши урочище на Днѣпрѣ, но гдѣ, неизвѣстно, можетъ быть близъ пороговъ, гдѣ и печенѣги обыкновенно на русскихъ купцевъ нападали». Н. И. Надеждинъ въ своемъ «Опытѣ исторической географіи» замѣтилъ, что изученіе исторіи должно начинаться съ изученія ландкарты; но относительно Олешья и онъ не избѣгнулъ ошибки предшественниковъ. Понятно, что историки, увлекаясь изложеніемъ хода событій, не находятъ времени взглянуть на карту; но въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ разработкѣ древней географіи Россіи, поразительно встрѣчать свѣдѣнія, не согласныя ни съ источниками, ни съ природою мѣстности. Не мудрено послѣ этого, что покойный Ф. К. Брунъ отождествлялъ Сугровъ половецкій съ Судакомъ [1]), упустивъ изъ виду, что въ лѣтописяхъ о Сугровѣ сказано: «въ среду поидоша къ Сугрову... а въ четвергъ поидоша съ Дона». Какимъ-же образомъ русскіе на другой день по приходѣ въ Крымъ могли очутиться у Дона?

Въ минувшемъ 1885 г. профессоръ Барсовъ издалъ исправленные и дополненные очерки русской исторической географіи и въ нихъ повторяетъ, что Олешье находилось на мѣстѣ Алешекъ что о. Аиферія есть теперешній о. Березань и что изъ Днѣпра

[1]) Матеріалы для исторіи Сугдеи, стр. 10.

былъ водоходный путь въ Азовское море [1]). При этомъ почтенный профессоръ, увлекаясь предположеніями, утверждаетъ, что рѣки на югѣ Россіи во время составленія начальной лѣтописи были шире, глубже и удобнѣе для судоходства, по причинѣ обилія лѣсовъ [2]). Хотя потомъ г. Барсовъ (стр. 221 и 222) и дѣлаетъ оговорку, что онъ не останавливается на вопросѣ о лѣсахъ, но онъ же указываетъ по этому поводу на сочиненіе г. Голубовскаго о южно-русскихъ степяхъ, давшаго будто-бы новую постановку вопросу о значеніи лѣсовъ.

Обращаясь къ сочиненію Голубовскаго, находимъ, что у него дѣйствительно говорится о лѣсахъ въ окрестностяхъ Алешекъ со ссылкою на показаніе Ф. К. Бруна. Такимъ образомъ и г. Голубовскій отождествляетъ Олешье съ Алешками [3]). Но послѣ того, какъ въ предисловіи было заявлено имъ, что выводы его основаны на источникахъ первой руки, зачѣмъ было ему ссылаться на разсказы старожиловъ херсонской губерніи [4]) о многоводности и обширности рѣкъ въ недавнюю старину на югѣ Россіи [5]).

Ограничиваясь въ настоящихъ замѣткахъ краткими указаніями, мы прежде всего обращаемся къ вопросу объ Олешьѣ.

Оба вышеназванные изслѣдователи показываютъ, что они знакомы съ трудами профессора Васильевскаго, въ особенности выставляетъ это г. Голубовскій, затронувшій вопросъ о запискѣ готскаго топарха [6]). Какимъ-же образомъ г. Голубовскій не обратилъ вниманія на отзывъ профессора Васильевскаго о томъ, что я убѣдительно опровергнулъ мнѣніе о тождествѣ Алешекъ съ Олешьемъ? Неужели письма мои къ покойному Бруну, помѣщенныя въ «Извѣстіяхъ императорскаго географическаго общества», удостоившаго трудъ мой медали, не заслуживали въ глазахъ г. Голубовскаго чести стать на ряду съ показаніями старожиловъ херсонской губерніи? [7])

Но оставляя ихъ въ сторонѣ, какъ источникъ второстепенный, обратимся къ лѣтописямъ и, соображаясь съ картами, займемся

---

1) Очерки рус. ист. геогр., стр. 21.
2) Ibid., стр. 19.
3) Исторія южно-рус. степей, стр. 5, 201 и 204.
4) Ibid., стр. 5.
5) Ibid., ср. стр. 13.
6) Ibid., стр. 202.
7) Ср. Куникъ, Каспій, стр. 688.

вопросомъ относительно мѣстности Олешья. Можно-ли допустить, чтобы два извѣстія лѣтописи, дополняющія другъ друга (подъ 1153 г. говорится: «на ту-же осень посла отецъ Мстислава противу мачесѣ... и ходиша до Олешья», а подъ 1154 г. читаемъ: «посла Изяславъ сына своего второе противу мачесѣ своей, бѣ бо повелъ жену себѣ изъ Обезъ и устрѣте ю Мьстиславъ въ порозѣхъ»), могли относиться къ теперешнимъ Алешкамъ, находящимся въ 293 верстахъ отъ пороговъ? Какое основаніе можно найти для предположенія, что путь изъ Обезъ шелъ къ порогамъ не чрезъ Крымъ или Таманскій полуостровъ, а вокругъ ихъ. Вѣдь только въ этомъ случаѣ мачиха Мстислава могла-бы очутиться въ теперешнихъ Алешкахъ; но тогда какимъ образомъ согласить извѣстія лѣтописныя о путяхъ «залозномъ», «солономъ« и вообще о тѣхъ дорогахъ, шедшихъ изъ Крыма въ Россію, которыя существовали до позднѣйшаго времени подъ именемъ Муравскаго шляха [1])? Если-бы Олешье находилось вдали отъ пороговъ, то зачѣмъ было-бы лѣтописцу упоминать о нихъ при вторичной поѣздкѣ Мстислава для встрѣчи мачихи? Далѣе въ лѣтописяхъ показано: «избиша послы татарскіе князи русстіи и пойдоша противу имъ (татарамъ) и не дошедше Олешья и сташа на Днѣпрѣ... тогда-же кн. Мстиславъ пребродися Днѣпръ на сторожи татарскіе, побѣди я... Слышавше се князи поидоша вси за Днѣпръ... а выгонцы галичьскіе... возведоша порогы и сташа у рекы Хортици на бродѣ на Протолочьи. Преидоша-же вси люди р. Днѣпръ и поидоша на конехъ въ поле половецкое и оттуда идоша 8 дней до р. Калкы».

Спрашивается, какимъ образомъ татары, шедшіе на встрѣчу съ русскими чрезъ поле половецкое, находившееся вблизи пороговъ, могли очутиться у теперешнихъ Алешекъ? Хотя въ лѣтописяхъ и сказано, что русскіе остановились не дошедши Олешья, но здѣсь представляется вопросъ, одинаковый съ предшествовавшимъ по случаю встрѣчи мачихи: для чего было-бы лѣтописцу упоминать объ Олешьѣ, если-бы оно находилось вдали отъ пороговъ, тогда какъ извѣстно, что въ немъ пребывали греческіе купцы и что половцы здѣсь именно «пакостили гречникамъ»? Что половцы кочевали въ этихъ мѣстахъ и на путяхъ залозномъ и соляномъ, доказательствомъ тому

[1]) Барсовъ, стр. 150, 151.

служатъ указанія лѣтописныя 1170 г., а при описаніи походовъ 1183 г. говорится объ Иижиръ бродѣ и далѣе въ 1190 году о Протолчи. По объясненію академическаго словаря, *протолча* означаетъ сжатое рѣчное русло, а по татарски *инджé* значитъ тонкій, исхудалый, слѣдовательно русское и татарское или половецкое названіе брода относятся къ одному и тому-же мѣсту, откуда начиналось половецкое поле въ 1224 г.

При описаніи похода на половцевъ за Днѣпръ чрезъ «протолчи» въ 1103 году упоминается о Сутѣнѣ: «идоша въ полѣ 4 дни и придоша на Сутинъ (Сутѣнь)». Не подлежитъ сомнѣнію, что Сутѣнь есть р. Молочная, называвшаяся у татаръ «Сутъ-су», или просто »сютъ», т. е. молочная, находящаяся на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ четырехъ дняхъ разстоянія отъ мѣста переправы русскихъ у Протолчи въ 1103 г. [1]). Съ этой точки зрѣнія оказывается, что лѣтописцы, пользовавшіеся изустными сообщеніями, употребляли одинъ разъ русскія, а въ другой разъ тюрко-монгольскія названія рѣкъ и урочищъ, передѣлывая ихъ по своему. Поэтому кажется намъ, что г. Барсовъ напрасно сопоставляетъ «Сутень» съ Сутескомъ и т. п. русскими названіями (стр. 88) и не желаетъ найдти другаго источника для ихъ объясненія. Если русскіе о сю пору извѣстный г. Карасу-базаръ называютъ Карасъ-базаромъ, то что же удивительнаго въ передѣлкѣ нашими предками Сютъ-су въ Сутень? Въ свою очередь половцы, кочевавшіе въ области Днѣпра, передѣлывали также по своему русскія названія и р. Хортицу (отъ греческаго χόρτος или χορταῖος) передѣлали въ р. Хирію 1183 года, а лѣтописецъ, не узнавши въ ней знакомую ему Хортицу, занесъ ее на страницы лѣтописи подъ именемъ Хиріи. О языкѣ половецкомъ мнѣніе ученыхъ еще не установилось, но во всякомъ случаѣ онъ немного разнился отъ языка ногайскаго или татарскаго [2]). Въ книгѣ Большаго Чертежа р. Сутъ-су названа Молочною Водою, то есть именемъ указывающимъ очевидно на переводъ съ языка инороднаго. Принимая эту точку зрѣнія за руководительную нить, легко можно отыскать и р. Сюурлей, упоминаемую при описаніи похода русскихъ на половцевъ въ 1185 г. По разсказу лѣтописца, она нахо-

[1]) Büschings, Erdbleschreib. Troppau. 1784, s. 368, 373.

[2]) Дорнъ, Каспій. стр. 387.

дилась нв правой сторонѣ Донца, въ сосѣдствѣ съ г. Осколомъ, въ разстояніи отъ него на одну ночь и полдня пути. Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о р. Ерель (Орель), которая у половцевъ могла называться Суерель, а въ русской транскрипціи обратилась въ Сюурлій.

Перейдемъ отъ этихъ соображеній къ другимъ болѣе положительнымъ, а именно къ вопросу о переправахъ за Днѣпръ, не упуская изъ виду убѣжденіл, сложившагося у нашихъ писателей о томъ, что въ отдаленныя времена всѣ рѣки на югѣ Россіи были многоводныя.

Изъ исторіи извѣстно о трехъ переправахъ чрезъ Днѣпръ ниже пороговъ: о первой упоминаетъ Константинъ Багрянородный, назвавшій ее Крарійскою, она находится у теперешняго Кичкаса, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Днѣпра по всему теченію; но брода здѣсь нѣтъ и онъ не возможенъ, а находится ниже, у о. Хортицы. Другая переправа, отстоящая отъ первой на двѣсти верстъ, извѣстная подъ именемъ Бериславской или Таванской, третья, ближайшая къ Алешкамъ, Бургунская или Тягинская. Но о Таванской въ письмахъ Менгли-Гирея къ Іоанну сказано, что она служила для перехода татаръ къ ляхамъ, а о второй, ближайшей къ Алешкамъ, Бопланъ говоритъ, что на ней нужно переходить три глубокіе протока, Конскія воды и два раза глубокій Днѣпръ [1]).

Гдѣ же, какъ не между о. Хортицею и г. Александровскомъ, могли русскіе перейдги чрезъ Днѣпръ на лѣвую сторону, согласно съ показаніемъ лѣтописи: «вся намъ по суху Диѣпръ перешедшимъ», т. е. не замочивши одежды при переправѣ на коняхъ, такъ какъ только здѣсь глубина Днѣпра въ иныхъ мѣстахъ не превышаетъ двухъ футовъ. Изъ этого указанія слѣдуетъ вывести и другое заключеніе, что Олешье, не доходя котораго русскіе повстрѣчали пословъ татарскихъ, находилось невдалекѣ отъ с. Хортицы и брода Протолчья на пути изъ Крыма въ Россію [2]). Переправа здѣсь су-

---

[1]) Ср. Михалона Литв. въ Арх. Калачова, кн. 2, стр. 65.

[2]) Нынѣшніе Алешки, отождествляемые съ Олешьемъ, находятся противу Херсона и ширина Днѣпра съ притоками въ этомъ мѣстѣ составляетъ около восьми верстъ (Зап. Одесск. Общ., т. 3, стр. 217). Слѣдовательно существованіе здѣсь брода немыслимо.

ществовавшая, показана у Боплана на картѣ съ помѣтою: «Большая и удобнѣйшая переправа татарская» [1]). Здѣсь же согласно съ описаніемъ книги Большаго Чертежа проходила и Муравская дорога отъ Перекопа въ Россію [2]).

Напрасно историки наши при отысканіи затерянныхъ городовъ, урочищъ и даже рѣкъ упускаютъ изъ виду указанія археологическія. Такимъ образомъ и относительно Олешья находки доказываютъ, что въ низовьяхъ Днѣпра, на лѣвой сторонѣ его, до нынѣ сохранились слѣды существованія большаго поселенія у с. Знаменки, въ 80 верстахъ отъ о. Хортицы, противу Никополя. Вотъ что сказано у гр. Уварова объ этомъ городищѣ: «мѣсто это и до нынѣ еще такъ удобно для торговли и до такой степени лежитъ на самомъ пути между югомъ и сѣверомъ, что и теперь тутъ пролегаетъ дорога изъ Крыма въ Россію... Съ Никопольскими кучугурами прекращаются всѣ древніе памятники и до самыхъ береговъ Чернаго моря ничто не напоминаетъ о племенахъ, здѣсь такъ долго жившихъ» [3]). Вотъ въ этомъ только мѣстѣ нахожденія монетъ херсонскихъ древняго и византійскаго періодовъ и монетъ восточныхъ могло находиться Олешье, а не въ устьяхъ Днѣпра, у г. Алешекъ, гдѣ не сохранилось слѣдовъ не только древняго, но и запорожскаго поселенія, кромѣ церкви плетеной изъ хвороста [4]). Къ этимъ указаніямъ не лишнимъ считаемъ присоединить извѣстное предписаніе новороссійскаго губернатора Черткова 1772 г., въ которомъ говорится о нахожденіи у Знаменки жилыхъ покоевъ, выложенныхъ мраморомъ (склеповъ?)

Въ книгѣ Большаго Чертежа объ Алешкахъ не упоминается, слѣдовательно запорожцы, поселившіеся здѣсь въ 1711 г., не могли возстановить память о древнемъ Олешьѣ, изчезнувшемъ въ 1224 году со страницъ лѣтописныхъ. Не упоминается и въ описи Днѣпра, представленной запорожцами Петру I въ 1697 г., ни о какомъ городищѣ, носившемъ названіе Олешье, а говорится только о рѣчкѣ Олешкѣ, о бугрѣ Алексѣевомъ и о лугѣ, зовемомъ Олешки.

---

[1]) Бопланъ, стр. 23—25.

[2]) Спасскій, стр. 112; ср. Барсовъ, стр. 22—24.

[3]) Изслѣд. о др. Ю. Р., стр. 20—31.

[4]) Эварницкій, рефер. на Одесс. съѣздѣ 18 августа.

Такимъ образомъ яснымъ становится, откуда произошло названіе теперешнихъ Алешекъ, указывающее на связь съ именами запорожцевъ Алексѣевъ, хозяйничавшихъ здѣсь съ давняго времени [1]). Въ описи Чернаго моря со всѣми городами и гаванями, составленной гр. Толстымъ на основаніи турецкихъ извѣстій, въ 1702 г. Алешекъ не показано; а въ отвѣтѣ Мазепы, данномъ Курбатову въ 1702 г. сказано, что запорожцы если выйдутъ изъ бывшей Сѣчи, то пойдутъ во владѣніе хана и поселятся на Кардашинѣ внизъ Днѣпра къ морю или въ Прогноях». С. Кардашинка о сю пору пору существуетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Алешекъ, здѣсь же вблизи и мѣсто, называемое паланка [2]). Названіе Кардашинка очевидно татарское, происходящее отъ слова кардашъ. Отсюда показаніе Гаммера о поселеніи козаковъ въ лѣсу братьевъ (т. е. Алексѣевъ) становится понятнымъ; но лѣсу здѣсь нѣтъ, кромѣ растущаго въ плавняхъ, въ которомъ запорожцамъ легко было укрываться отъ бдительности турокъ. Вотъ объ этихъ то деревьяхъ, растущихъ въ плавняхъ, казавшихся плывущему по рѣкѣ выходящими какъ-бы изъ воды, и говоритъ Д. Хризостомъ, а не о тѣхъ, которыя росли на материкѣ, какъ думаетъ г. Голубовскій (стр. 5 и 6). А что на мѣстѣ поселенія запорожцевъ въ урочищѣ Алешкахъ лѣсовъ не было, доказательствомъ тому служитъ сказанное у Мышецкаго, что Сѣчь была въ Алешкахъ на крымской сторонѣ, на пескахъ (стр. 10).

Изъ лѣтописей извѣстно, что Владиміръ равноапостольный взялъ изъ Корсуня 2 капища и 4 коня мѣдяныхъ: зачѣмъ-же было ему съ такими тяжелыми вещами ѣхать до теперешнихъ Алешекъ, чтобы возвратиться въ Кіевъ? Нельзя также предположить и того, чтобы мраморъ для украшенія церквей и сооруженій памятниковъ привозили изъ Греціи чрезъ пороги, слѣдовательно и съ этой точки зрѣнія только Знаменка, лежащая на пути изъ Крыма въ Россію, и находимые въ ней мраморъ и монеты византійскія указываютъ на мѣсто, гдѣ было Олешье и гдѣ могли жить и останавливаться для перегрузки греческіе купцы, пріѣзжавшіе въ Россію.

Обратимся отъ Олешья къ другому вопросу, затронутому нашими изслѣдователями—вопросу о многоводности и большей ширинѣ въ древ-

[1]) Мышецкій, стр, 3; Маркевичъ, т. IV, стр. 155, 326.

[2]) Зап. Одесс. Общ., т. III, стр. 218.

ности рѣкъ, протекавшихъ на югѣ Россіи. Само собою разумѣется, что въ основу подобнаго предположенія должно быть положено несомнѣнное свидѣтельство о томъ, что въ древнее время въ степяхъ Новороссіи падало болѣе снѣгу и дождей, питавшихъ рѣчные источники, которые должны были находиться подъ защитой древесной растительности. Но историкъ, допускающій возможность подобнаго предположенія, не становится ли въ явное противорѣчіе съ указаніями историческими? Припомнимъ замѣчаніе Геродота о томъ, что въ Скиѳіи весною дождей почти не бываетъ [1]). Подобное свидѣтельство о бездождіи находится и въ письмѣ хозарскаго кагана, владѣнія котораго простирались до Днѣпра [2]), а въ лѣтописяхъ отечественныхъ упоминается неоднократно объ этомъ явленіи; такъ напримѣръ въ годъ нашествія татаръ на Россію была такая засуха и жара, отъ которой «боры загарахуся». Мы не можемъ не указать г. Голубовскому на эти доказательства историческія, такъ какъ онъ не принимаетъ въ соображеніе свидѣтельства естествоиспытателей при рѣшеніи вопросовъ историческихъ.

Описаніе днѣпровскихъ пороговъ, сдѣланное Константиномъ Багрянороднымъ около 950 г., такъ отчетливо, что и теперь не многое можно было-бы прибавить къ нему. Изъ этого описанія явствуетъ, что и тогда днѣпровскіе пороги не были покрыты водою на столько, чтобы чрезъ нихъ возможно было свободное судоходство, такъ какъ ихъ можно было переходить (δι-έρχομαι). Въ нашихъ лѣтописяхъ есть также указаніе о мелководіи Днѣпра въ порогахъ при описаніи прохода чрезъ нихъ Перуна, котораго нужно было отрѣвать отъ берега, нарочно посланными людьми изъ Кіева. А существованіе бродовъ чрезъ Днѣпръ, не только внизу его, но и вверху, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, окончательно подрываетъ довѣріе ко всякимъ утвержденіямъ о многоводности въ древности рѣкъ, протекавшихъ въ предѣлахъ южной Россіи. Для большаго убѣжденія въ несостоятельности подобнаго предположенія можно еще указать на городища Ольвіи, Тираса, Танаиса съ остатками сохранившихся пристаней, доказывающихъ до очевидности, что уровень воды въ рѣкахъ Бугѣ, Днѣстрѣ и Донѣ нисколько не измѣнилея

---

[1]) Lib. IV, pag. XXVII.

[2]) Vambéry, Magiar., стр. 70, 71.

и повышается только временно при половодіи, идущемъ отъ вершинъ рѣчныхъ изъ глубины лѣсовъ. Что же касается до существованія въ южной полосѣ Россіи, въ степяхъ, глубокихъ балокъ, рытвинъ и долинъ, указывающихъ будто-бы на высшій противу прежняго уровень воды въ рѣкахъ вслѣдствіе обилія источниковъ, то подобное предположеніе не согласуется съ выводами науки [1]). Въ ряду другихъ доказательствъ, приводимыхъ сторонниками утвержденія о многоводности рѣкъ, протекавшихъ на югѣ Россіи во времена отдаленныя, нельзя не вспомнить объ указаніи на средневѣковыя карты, доказывающія будто-бы, что Днѣпръ изливался въ Черное море двумя рукавами [2]). Но подобное воззрѣніе можетъ раздѣлять только тотъ, кто совершенно незнакомъ съ нивеллировкою новороссійскаго края, такъ какъ при возвышенномъ положеніи Днѣпра надъ уровнемъ Чернаго и Азовскаго морей Днѣпръ никогда не могъ бы дойти до теперешняго своего истока и прорѣзаться въ порогахъ чрезъ гранитное ложе.

Покойный Брунъ говоритъ, что извѣстіе о водяномъ сообщеніи, существовавшемъ въ древности между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и Перекопскимъ заливомъ сохранилось до временъ Константина Багрянороднаго, и вотъ какое мѣсто изъ сочиненія Константина объ управленіи имперіею указываетъ въ доказательство истины выведеннаго изъ этого извѣстія предположенія. «Къ сѣверу отъ Меотійскаго озера протекаетъ Днѣпръ, изъ котораго Росы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію... этотъ заливъ Меотиды простирается до Некропилъ, которыя отстоятъ отъ Днѣпра около четырехъ миль и тамъ съ нимъ соединяются, гдѣ древніе переправлялись въ море посредствомъ канала, проведеннаго поперекъ Херсона, областей и земли Босфора, но, засыпанный дѣйствіемъ времени, онъ превратился въ густой лѣсъ и представляетъ двѣ только дороги, чрезъ которыя печенѣги отправляются въ Херсонъ, Воспоръ и области [3]). Приведенный у Бруна въ сокращенномъ видѣ отрывокъ этотъ самъ по себѣ дѣйствительно подаетъ поводъ къ недоразумѣнію, но, присоединивъ къ нему другія указанія Констан-

---

[1]) Леваковскій, Спб. Образ. долинъ ю. Р., стр. 21—34; ср. 39, 45, 46.

[2]) Брунъ, Черноморье, ч. I, стр. 100, 126—128.

[3]) Черноморье, т. I, стр. 100.

тина изъ той-же 42 гл. объ управленіи имперіею, увидимъ другое: 1) Константинъ говоритъ, что Меотійское озеро, называемое моремъ по величинѣ своей, начинается отъ Воспора и что р. Днѣпръ протекаетъ на сѣверѣ отъ этого моря; а такъ какъ между моремъ или озеромъ и пазухою ихъ (κόλπος) есть большая разница, то гдѣ-же у Константина находится извѣстіе о существованіи сообщенія между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ или Перекопскимъ заливомъ, составляющимъ часть Чернаго, а не Азовскаго моря? 2) Константинъ показываетъ, что большой заливъ, называемый Некропила, начинается по выходѣ изъ Днѣпра, въ четырехъ миляхъ отъ него по направленію къ Херсонесу, слѣдовательно между о. Тендрою (Адара) и материкомъ. Само собою разумѣется, что этотъ заливъ не могъ находиться противу Перекопа, т. е. противу Сиваша; но по направленію къ Перекопу, по другую сторону о. Тендры, есть такой же заливъ, образуемый о. Джарылгачемъ, который также назывался Некропила до позднѣйшаго времени и показанъ на всѣхъ италіанскихъ картахъ. Вотъ къ этой-то части Некропилъ относится показаніе Константина о томъ, что Меотійскій заливъ, т. е. Сивашъ находится противу Некропилъ, которыя въ нижней части своей смѣшиваются съ Днѣпромъ, впадающимъ въ Черное море. Такое объясненіе показанія Константина о Некропилахъ подтверждается и самымъ заглавіемъ 42 гл., въ которомъ сказано, что Некропилы находятся при Понтѣ, близъ р. Днѣпра.

Другое-же показаніе Константина, относящееся къ каналу, представляется необъяснимымъ и поэтому не можетъ служить доказательствомъ для постройки на немъ достовѣрнаго предположенія, достойнаго современной исторіи. Константинъ говоритъ, что «древніе (жители Тавриды?), прорывъ каналъ длиною въ одну милю или болѣе, ѣздили чрезъ него въ море, заградивъ этимъ каналомъ всю землю Херсона, Климатовъ и Воспора; но что по истеченіи многихъ лѣтъ онъ засорился пескомъ и на немъ произрастаетъ большой лѣсъ, чрезъ который пролегаютъ двѣ дороги, служащія печенѣгамъ путями сообщенія съ Херсономъ, Климатами и Босфоромъ». Съ перваго взгляда представляется, что у Константина идетъ рѣчь о каналѣ Перекопскомъ; но каналъ этотъ проведенъ между Сивашемъ и Чернымъ моремъ; а о Сивашѣ у Страбона сказано, что озеро это очень болотисто и едва судоходно для сшитыхъ лодокъ: слѣдо-

вательно Сивашъ и тогда былъ такимъ-же, какимъ нашелъ его Ласси въ 1738 г., перешедши съ арміею по дну его къ Перекопу. При этомъ Страбонъ, упоминая о перешейкѣ, не говоритъ, чтобы здѣсь былъ ровъ, соединявшій Гнилое море съ Понтомъ [1]). Остается предположить, что Константинъ, упоминая о древнихъ, имѣлъ въ виду показаніе Геродота; но у него сказано, что ровъ, выкопанный слѣпыми рабами, простирался отъ Таврическихъ горъ до озера Меотійскаго; слѣдовательно этотъ ровъ былъ сдѣланъ не для судоходства и не могъ находиться у Перекопа [2]). Показаніе Константина о протяженіи рва на одну милю или болѣе также не согласуется ни съ дѣйствительностію (6 в., 472 саж., 5 ф.), ни съ показаніемъ Страбона, опредѣляющаго длину Перекопскаго перешейка въ сорокъ стадіевъ, т. е. почти въ 4 мили. Ровъ Перекопскій могъ дѣйствительно ограждать Херсонисъ, Климаты и Воспоръ со стороны степей приднѣпровскихъ; но не самъ-ли Константинъ показываетъ, что въ его время ровъ не существовалъ, что онъ былъ засыпанъ пескомъ и покрытъ густымъ лѣсомъ? Что-же касается защиты Херсониса, Климатовъ и Босфора, то для степняковъ оставались другія дороги, чтобы ихъ достигнуть: одна чрезъ Геническій проливъ, а другая чрезъ Чонгарскій полуостровъ; слѣдовательно и съ этой стороны показаніе Константина о значеніи рва оказывается не вѣрнымъ. Давая сыну подробныя наставленія о способахъ сношенія съ печенѣгами, въ гл. 1, 6, 7, 8 и 9 Константинъ указываетъ, по какимъ дорогамъ изъ Херсона и Константинополя нужно было ѣхать, чтобы встрѣтиться съ печенѣгами. Возможно-ли предположить, чтобы эти двѣ дороги проходили чрезъ Перекопскій ровъ, да притомъ лѣсомъ, о которомъ, кромѣ Константина, не упоминается ни у одного писателя? Слѣды существованія рвовъ между Чернымъ и Гнилымъ морями на полуостровѣ Крымскомъ сохраняются донынѣ; но песку или лѣса нѣтъ [3]). Остается одинъ Кинбургскій полуостровъ, на которомъ дѣйствительно есть лѣсъ и песокъ, передвигаемый вѣтрами съ одного мѣста на другое, и со-

---

[1]) Strabon, кн. VII, гл. IV, стр. 1.

[2]) Ср. Путеш. Муравьева по Таврид., стр. 257, 258.

[3]) Ср. Кёне, Муз. Кочуб., т. I, стр. 176, 177. Ашикъ, Босфор., т. II, стр. 25.

хранились слѣды рва, проходившаго изъ Днѣпровскаго лимана къ заливу Тендровскому (Некропила Константина). Этимъ протокомъ воспользовались русскіе въ 1559 г. при нападеніи на крымскіе улусы и онъ представлялъ для запорожцевъ возможность выѣзжать въ море, минуя Очаковъ [1]). Предоставляю другимъ видѣть въ этомъ протокѣ ровъ, упоминаемый Константиномъ, также не подходящій къ его описанію; но не думаю, чтобы послѣ приводимыхъ здѣсь соображеній нашлись изслѣдователи географіи южной Россіи, которые стали-бы ссылаться на свидѣтельство Константина Багрянороднаго о существованіи лѣса во рву Перекопскомъ и о сообщеніи Днѣпра съ Азовскимъ моремъ.

Обращаемся къ другимъ доказательствамъ, приведеннымъ у Бруна, для оправданія предположенія о существованіи около 950 г. водоходнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море. Хотя покойный профессоръ и дѣлаетъ оговорку, что «на точность средневѣковыхъ картъ нельзя безусловно полагаться»; однако же онъ ссылается на какую-то генуэзскую карту 1447 года, на которой будто-бы Днѣпръ изображенъ изливающимся однимъ рукавомъ въ Азовское, а другимъ въ Черное море [2]). Указывая на эту карту, Брунъ не объяснилъ значенія ея, какъ памятника самостоятельнаго въ средѣ другихъ подобныхъ; поэтому мы считаемъ не лишнимъ коснуться этого предмета, такъ какъ онъ имѣетъ тѣсную связь съ вопросомъ о рѣкахъ Ипокирисѣ и Герросѣ, соединявшихъ, по словамъ Геродота, Днѣпръ съ тою частію Чернаго моря, которая нынѣ называется Перекопскимъ заливомъ.

Пересмотрѣвши всѣ извѣстныя карты съ 1318 по 1497 г., мы нигдѣ не нашли подтвержденія словъ Бруна [3]); но на древнѣйшихъ картахъ, открытыхъ преосвященнымъ Порфиріемъ и г. Севастьяновымъ въ Ватопедскомъ монастырѣ, показано, что въ Перекопскій заливъ впадаетъ р. Каркинитесъ, имѣющая связь съ Геродотовскимъ Каркинитесомъ, а на средневѣковыхъ картахъ поставлено на этомъ мѣстѣ Cotoluca, очевидно тождественная съ р. Каланчакомъ.

---

[1]) Мышецкій, т. I, стр. 13.

[2]) Черноморье, т. I, стр. 128.

[3]) Ср. его-же, Берегъ Черн. Моря по морск. картамъ, Черноморье, т. I, стр. 74—77.

Еще поразительнѣе ссылка покойнаго Бруна на свидѣтельство Нестора о впаденіи Днѣпра тремя жерелы въ Понтійское море, въ которомъ Брунъ желалъ видѣть море Азовское [1]), тогда какъ у Нестора идетъ рѣчь о теперешнихъ херсонскихъ гирлахъ. Такимъ образомъ оказывается, что покойный ученый напрасно трудился надъ отысканіемъ водоходнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море; для него представлялась болѣе вѣроятная возможность доказать, что Днѣпръ могъ соединяться съ заливомъ Перекопскимъ.

Въ статьѣ о мѣстоположеніи Каркинитеса, увлекаясь мнѣніемъ палеонтолога Эйхвальда, мы сами допускали вѣроятность предположенія о многоводности рѣкъ, протекавшихъ въ древности по южной Россіи и при этомъ указали на р. Бѣлозерку, которая могла впадать въ р. Каланчакъ. Въ этой р. Бѣлозеркѣ мы видѣли р. Герросъ, которая, по словамъ Геродота, отдѣлялась отъ Днѣпра и впадала въ Гипокирисъ (Каланчакъ), слѣдовательно въ Черное море.

Доводы наши показались на столько убѣдительны, что покойный Брунъ принялъ ихъ въ «Опытѣ соглашенія» и при изданіи «Черноморья» измѣнилъ прежнія предположенія о соединеніи Днѣпра съ Азовскимъ моремъ [2]). Принятіе Бруномъ мнѣнія моего о тождествѣ Каланчака съ Гипокирисомъ и Бѣлозерки съ Герросомъ, вызвало порицаніе со стороны профессора Юргевича [3]); но г. Юргевичу не было извѣстно о письмѣ покойнаго Бруна къ В. Е. Тизенгаузену, въ которомъ Брунъ отрекался отъ принятаго имъ мнѣнія моего и видѣлъ въ Каланчакѣ не рѣку, а заливъ Каркинитскій, т. е. часть Чернаго моря [4]). Много времени и трудовъ посвятили мы для изслѣдованія на мѣстѣ возбужденнаго нами вопроса, пока окончательно убѣдились въ томъ, что р. Бѣлозерка есть та рѣка, которая у Геродота названа Герросомъ; но она вытекаетъ не изъ Днѣпра, а изъ озера (Бѣлозерскій лиманъ), находящагося въ четырехъ верстахъ разстоянія отъ Днѣпра и Конки, питающихъ его подземными ключами, проходящими чрезъ возвышенное песчаное

---

[4]) Черноморье, т. I, стр. 126.

[1]) Ср. Зап. Одес. Общ., т. V, стр. 136; Черноморье, т. I, стр. 127, 128; т. II, стр. 48, 49, 67.

[2]) Зап. Одес. Общ., т. XII, стр. 36.

[3]) Труды Москов. Арх. Общ., т. VIII, стр. 185.

плато; подробности эти не могли быть извѣстны Геродоту. По выходѣ изъ озера р. Бѣлозерка протекала по направленію къ Черному морю и соединялась, какъ видно, съ вершиною Каланчака, который при впаденіи въ Черное море (заливъ Перекопскій, онъ-же и Каркинитскій) образуетъ при истокѣ своемъ лиманъ, доступный для судовъ [1]). Но мы не думали доказывать, что р. Бѣлозерка при очевидномъ соединеніи съ Каланчакомъ составляла судоходный рукавъ Днѣпра до Чернаго моря.

Такимъ образомъ, при безуспѣшности со стороны покойнаго Бруна доказать возможность соединенія Днѣпра съ Азовскимъ моремъ, мы позволяемъ себѣ сказать, что отъ доказательствъ его осталось только заглавіе написаннаго имъ разсужденія, взбаламутившаго моря и рѣки, протекающія на югѣ Россіи.

Что же касается дѣйствительнаго уменьшенія количества воды въ степныхъ ручьяхъ, протекавшихъ на памяти старожиловъ, то источникъ этого явленія находится въ зависимости отъ причинъ частныхъ и не можетъ составлять доказательства въ отношеніи рѣкъ судоходныхъ. Вольно же было нашимъ осадчимъ южно-русскихъ степей основывать поселенія у самыхъ рѣчекъ, истреблять на берегахъ ихъ растительную защиту, дозволяя скоту слѣдовавшему на водопой, поднимать за собою тучи придорожной пыли, осѣдавшей въ рѣку, оставлять въ ней скотъ на нѣсколько часовъ для отдыха и отводить часть скудной воды для мельницъ и поливки огородовъ при высокой степени испаряемости въ лѣтнюю пору. Отсутствіе понятія объ устройствѣ барражей для избѣжанія напрасной траты воды по сторонамъ во время ледохода и половодія, загрязненіе ручья стиркою бѣлья и мочкою прядильныхъ растеній, купанье овецъ, способствующее образованію на поверхности воды водорослей и осѣданію ихъ на дно, все это могло имѣть вліяніе на обмелѣніе маленькихъ степныхъ рѣчекъ. Но ни одна изъ выше указанныхъ причинъ не могла дѣйствовать на рѣки судоходныя съ сильнымъ теченіемъ, питающіяся неизсякаемыми притоками, не зависящими отъ дѣйствія атмосферной влаги въ видѣ дождя или снѣга; поэтому онѣ остаются такими же, какими были и въ древности въ историческій періодъ. Въ отношеніи Днѣпра опись его,

[1]) Ср. Зап. Одес. Общ., т. IX, стр. 14, 15, 16, 20, 21, 48.

составленная Коковцевымъ въ 1784 г., служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ. Мы не входимъ здѣсь въ болѣе подробныя соображенія по этому предмету, такъ какъ они завлекли бы насъ далеко за предѣлы бѣглыхъ очерковъ. Пусть сторонники гипотезы о многоводности степей южной Россіи въ древности и судоходности протекавшихъ тамъ маленькихъ рѣчекъ, нынѣ исчезнувшихъ, покажутъ намъ остатки судовъ или снастей въ вершинахъ Самары или Кальміуса, подобные встрѣчающимся въ р. Тясминѣ [1]); тогда мы готовы будемъ признать гадательное теперь предположеніе за достовѣрное, не подлежащее сомнѣнію.

Поставивъ разселеніе славянъ въ тѣсную зависимость съ направленіемъ рѣкъ и состояніемъ лѣсовъ, многіе почтенные изслѣдователи отечественной исторіи, чтобы доказать пребываніе славянъ въ сосѣдствѣ съ Чернымъ моремъ въ степяхъ на югѣ Россіи, утверждали, что рѣки, тамъ протекавшія, были обширнѣе. Въ настоящее время вопросъ объ этомъ, по словамъ г. Барсова, поставленъ на другую точку зрѣнія и теоретикамъ нашимъ пришлось доказывать, что славяне, прибывшіе на югъ Россіи, застали въ нынѣшней губерніи херсонской большее протяженіе лѣсовъ, большую ихъ дремучесть [2]). А такъ какъ въ настоящее время въ степныхъ пространствахъ на югѣ Россіи ихъ нѣтъ, то для объясненія этого противорѣчія съ дѣйствительностію изобрѣтается новое предположеніе, что будто бы сами славяне, какъ народъ земледѣльческій, нуждаясь въ пашняхъ, могли истребить лѣса на югѣ Россіи [3]). Но гдѣ же доказательства въ пользу этой слишкомъ смѣлой гипотезы? Неужели мнѣніе агронома, названнаго ученымъ у г. Голубовскаго, въ состояніи подорвать авторитетъ отца исторіи Геродота, показавшаго, что въ Скиѳіи, кромѣ Гилеи, лѣсовъ нѣтъ [4]). Еще менѣе г. Бауманнъ и послѣдователи его могутъ ослабить показанія такихъ естествоиспытателей, какими были знаменитый Беръ, Щуровскій и Нордманнъ. Барботъ-до Марни въ геологическомъ очеркѣ херсонской губерніи говоритъ, что «микроскопическія изслѣдованія черно-

---

[1]) Шмидтъ. Херс. губ., ч. I, стр. 207. 208.

[2]) Барсовъ, стр. 221, 222; Голубовскій, стр. 13—15

[3]) Голубовскій, стр. 3.

[4]) Lib. IV, pag. 19, 21, 61.

зема, залегающаго въ губерніи херсонской, не открыли въ немъ никакихъ древесныхъ остатковъ, стало быть степи херсонскія также стары, какъ и самая почва ихъ» [1]) При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что приведенное у Голубовскаго мнѣніе Бауманна относится къ землѣ донскаго войска, а не къ степнымъ пространствамъ херсонской губерніи, носившимъ названіе дикаго поля, или къ Перекопскому рву, находящемуся между двумя морями, на которомъ будто-бы во времена Константина Порфиророднаго произросталъ густой лѣсъ, чрезъ который проходили двѣ дороги. Какой-же народъ и когда въ состояніи былъ вынуть изъ этого канала, имѣющаго 7 верстъ протяженія, морскую почву, замѣнить ее прѣснымъ пескомъ, удобрить его и завести на немъ лѣсъ при отсутствіи не только лѣса, но и песку въ окрестностяхъ Перекопа? Слѣдовательно упоминаніе Константина Багрянороднаго о рвѣ, засыпанномъ пескомъ, должно относиться къ другому мѣсту, а не къ теперешнему рву Перекопскому, проведенному изъ Сиваша въ Черное море, куда Ф. К. Брунъ заставлялъ впадать одинъ изъ рукавовъ Днѣпра, помѣщая здѣсь же двѣ дороги [2]).

На сѣверѣ херсонской губерніи, въ александрійскомъ уѣздѣ, дѣйствительно есть лѣсъ, носящій названіе Чернаго; но г. Голубовскій помѣщаетъ его между верховьями Самары, Донца и Оскола, а о Голубомъ лѣсѣ не находитъ никакихъ извѣстій [3]). Между тѣмъ болѣе тщательныя разысканія привели бы его къ Синюхѣ и произрастающему здѣсь лѣсу, также на сѣверѣ херсонской губерніи, въ сосѣдствѣ съ Чернымъ, бывшимъ мѣстомъ побоища въ 1170 г. между русскими и половцами [4]). Въ этомъ сопоставленіи мы видимъ новое доказательство въ пользу высказаннаго мнѣнія, что тамъ, гдѣ дѣйствительно были лѣса, они сохранились до настоящаго времени; но пространство ихъ ограничивается 58 т. десятинъ при 6,584,268 дес. общаго количества земли въ херсонской губерніи.

---

[1]) Стр. 134; ср. Brincken Bewald. der Steppen, стр. 16.

[2]) Черноморье, ч. I, стр. 100. Ср. Baer K. E. Histor. Frag. 1873., стр. 71, 72.

[3]) Стр. 12; ср. 106, 138.

[4]) Въ росписи кн. Гюфякина 131 г. дѣйствительно упоминается о Черномъ лѣсѣ въ 30 верст. отъ Бѣлгорода; но можно ли допустить, чтобы кіевляне въ 1170 г. загнали половцевъ такъ далеко отъ Канева, почти въ глубину Россіи.

Если «Висемъ», упоминаемая въ лѣтописи ипатьевской подъ 1190 г., есть Высь, то гдѣ же искать Черный лѣсъ, какъ не на сѣверѣ херсонской губерніи? Рѣка Высь образуется изъ сліянія большой и малой Высей и протекаетъ вдоль границы херсонской губерніи съ кіевскою: здѣсь же находится и Синюха (Синія воды), служащая также границею херсонской губерніи съ кіевскою и южнѣе подольскою. А при описаніи похода 1170 г., въ которомъ упоминается о Черномъ лѣсѣ, Снопородѣ и р. Углѣ, сказано, что русскіе для нападенія на половцевъ шли до Канева, слѣдовательно до мѣста, находящагося въ сосѣдствѣ съ Синюхою и Чернымъ лѣсомъ. О Синюхѣ упоминается Сарницкимъ въ сборникѣ исторіи Длугоша (изд. 1842 г., стр 1924) и подъ этимъ названіемъ показаны они на картѣ 1592 г. [1]), слѣдовательно названія ихъ были стародавнія. Корень слова Снопородъ (Снепородъ) въ языкахъ турко-татарскихъ отыскать трудно [2]), но позднѣйшее названіе нашей рѣки у поляковъ Синею водою указываетъ очевидно на переводъ съ языка иноземнаго, по примѣру Конскихъ, Овечьихъ, Молочныхъ и Желтыхъ водъ. На картѣ у Боплана Черный лѣсъ показанъ тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно находится, въ верховьяхъ Ингульца и тамъ же означено теченіе рѣкъ Выси и Синюхи. Въ виду этой дѣйствительности вопросъ о значеніи слова Висемь разрѣшается самъ собою; но съ этимъ вмѣстѣ предположеніе г. Голубовскаго о нахожденіи Чернаго лѣса между Самарою и Осколомъ теряетъ достовѣрность. По словамъ лѣтописей, ратною стороною считалась не лѣвая, а правая сторона Днѣпра и погоня за половцами въ 1150, 1155, 1158 и 1193 г. начиналась отъ Канева. Отсюда же изъ Канева, находящагося на правой сторонѣ Днѣпра, русскіе въ 1168, 1170 и 1192 г. сторожили пути греческій и соляный и здѣсь же ожидали, «дондеже взыйде гречникъ и залозникъ»; слѣдовательно мѣсто кочевья половцевъ приднѣпровскихъ было вблизи Канева, на правой сторонѣ Днѣпра. На какомъ же основаніи можно предполагать, что русскіе при нападеніи на половцевъ въ 1170 г. должны были идти по лѣвой сторонѣ Днѣпра до р. Самары? Въ лѣтописи ипатьевской ска-

---

[1]) Ex offic. Tipogr. Bussemechers; ср. Броневскій Март. Описаніе Крыма; Зап. Одес. Общ., т. 6, стр. 334.

[2]) Vambery, Prim. Cult. Turk. Tatar., t. V, стр. 234, 235.

зано, что русскіе настигли половцевъ чрезъ 9 дней по выходѣ изъ Кіева, слѣдовательно, чтобы достигнуть Самары, они должны были пройти 420 в., что представляется само по себѣ невѣроятнымъ [1]), такъ какъ, кромѣ всего, имъ нужно было совершить переправу чрезъ рѣки: Супой, Крапивну, Ирклѣй, Каврай, Сулу, Кагальникъ, Псіолъ, Ворсклу, Орель и другія впадающія въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, а дѣло было весною въ мартѣ во время половодія. Но положимъ, что русскіе дѣйствительно встрѣтились съ половцами у р. Самары, какимъ же образомъ половцы послѣ погрома ихъ могли очутиться въ тылу у русскихъ, убѣгая къ р. Осколу? Въ виду этой несообразности слѣдуетъ заключить, что половцы находились вблизи Синюхи за 120 в., а не на Самарѣ, за 300 в. отъ Канева. Названіе р. Самары не могло быть испорчено лѣтописцемъ до неузнаваемости, такъ какъ оно было извѣстно ему съ 1152 г.; поэтому для отождествленія Снопорода съ Самарою нѣтъ никакой точки опоры. Но принимая въ соображеніе показаніе лѣтописца о Снопородѣ и Голубомъ лѣсѣ въ 1187 г., нельзя не придти къ заключенію, что русскіе въ 1170 г., напавши на половцевъ на правой сторонѣ Днѣпра и взявши вежи, гнались за половцами отъ Чернаго лѣса въ 110 в. отъ Канева, заставили ихъ перейти на лѣвую сторону Днѣпра и преслѣдовали до р. Оскола, впадающей въ Донецъ. Въ 1187 г. стража половецкая находилась на Снопородѣ, и это показаніе лѣтописца само собою лишаетъ насъ возможности отождествлять его съ Самарою, такъ какъ нельзя допустить вѣроятія, чтобы половцы сторожили русскихъ за 300 в. отъ Канева, служившаго для русскихъ наблюдательнымъ постомъ за дѣйствіями половцевъ.

Въ виду приводимыхъ соображеній не будетъ ли ближе къ истинѣ остановиться на томъ выводѣ, что Черный и Голубой лѣса находились на сѣверѣ херсонской губерніи противу Канева и что Снепородъ (Синебродъ) есть р. Синюха, такъ какъ названіе Снепородъ, очевидно исковерканное, кромѣ указаній географическихъ, само по себѣ находится въ большемъ соотношеніи съ Синебродомъ, нежели съ Самарою [2]). При упоминаніи о Черномъ лѣсѣ и Снопо-

[1]) Срав. Барсовъ, стр. 303.

[2]) Нельзя-ли слова Снопородъ объяснить сочетаніемъ древне-славянскихъ словъ *синь* и *породъ* (рай), что значило-бы Синерайскій. Переписчики легко могли слогъ *синь* обратить въ знакомое имъ слово *снемъ* и оставить при немъ *породъ*.

родѣ лѣтописецъ ставитъ при нихъ р. Углу, подразумѣвая Ингулъ, слѣдовательно и половецкая р. Ивла находилась въ херсонской губерніи, въ трехъ дняхъ пути отъ Днѣпра, по направленію къ Черному лѣсу, такъ какъ у Мышецкаго она подъ именемъ Гивленки поставлена рядомъ съ Ингульцемъ [1]). Что же касается названія лѣса Голубымъ, то и теперь, подъѣзжая съ востока къ посаду Новоархангельскому по елисаведградской дорогѣ, глазамъ вашимъ представляется на западѣ голубая полоса, стелящаяся надъ лѣсами, растущими по возвышенной границѣ херсонской губерніи съ кіевскою. Цвѣтъ синій, примѣненный къ рѣкѣ и къ морю въ «Словѣ о плъку Игоревѣ», не много разнится отъ голубого и легко могъ быть смѣшиваемъ одинъ съ другимъ въ народномъ понятіи, подобно тому, какъ синій замѣнялъ черный: «синій яко сажа бывающе». По этому нельзя не придти къ заключенію, что названіе лѣса Голубымъ поставлено лѣтописцемъ только для отличія его отъ Чернаго лѣса [2]).

Въ другомъ видѣ представляется вопросъ объ урочищѣ «Уголъ» 1183 года. Многіе почтенные изслѣдователи предполагаютъ, что въ лѣтописяхъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же мѣстѣ, но, при тщательномъ сопоставленіи извѣстій объ углахъ 1170 и 1183 годовъ, нельзя не придти къ заключенію, что урочище Ерель, называвшееся у русскихъ Уголъ, находилось вблизи Протолчи, такъ какъ при описаніи стоянія русскихъ на мѣстѣ Ерель упоминается о переправѣ за Днѣпръ на лѣвую сторону по теченію. Такимъ образомъ оказывается, что мѣсто Уголъ не имѣетъ ничего общаго съ р. Угла, т. е. Ингульцемъ на правой сторонѣ Днѣпра, но оно находится въ ближайшемъ соотношеніи съ лугомъ или лукою морскою, отъ которой часть половцевъ называлась Лукоморскими въ 1152 г. Слово Ерель, сохранившееся о сю пору на югѣ Россіи въ названіи извилистыхъ рѣчныхъ протоковъ ериками, есть очевидно тюрко-монгольское (арыкъ), принадлежавшее той части Днѣпра или его притоковъ, которые образовывали Великій Лугъ (луку) вблизи г. Александровска

---

1) Мышецкій, стр. 75.

2) Не подлежитъ сомнѣнію, что по географическому положенію названіе лѣса и проходившаго здѣсь-же шляха черными имѣетъ связь съ черными клобуками, подобно тому, какъ названіе дороги муравскою могло произойти отъ слова Моуръ (Черный) въ память о Черной Куманіи и черныхъ болгарахъ, обитавшихъ на мѣстности, чрезъ которую она проходила.

екатеринославской губерніи; о немъ упоминается у Боплана и въ описаніи азовской губерніи 1779 г. [1]). Витсенъ передаетъ, что пустыня, заключавшаяся между Днѣпромъ и Дономъ, называлась въ древности Jugul [2]), и хотя нельзя указать источника, откуда Витсенъ позаимствовалъ это извѣстіе, но во всякомъ случаѣ оно подтверждается нахожденіемъ въ этой мѣстности рѣкъ съ названіями, напоминающими Jugul, напримѣръ: Joungoul, Tchungul и т. п. [3]).

Переходя изъ круга соображеній географическихъ въ область свѣдѣній археологическихъ, мы и съ этой стороны встрѣчаемъ полное согласіе съ выше приведеннымъ заключеніемъ о мѣстѣ борьбы русскихъ съ половцами въ 1152, 1170, 1187, 1190 и 1193 г. по Ипатскому списку. Если показаніе Рюнсбрёка о принадлежности половцамъ каменныхъ истукановъ, извѣстныхъ подъ именемъ бабъ, справедливо, то послѣ мѣстности придонской найбольшее количество ихъ находится въ губерніяхъ екатеринославской, отчасти въ таврической, по направленію отъ Днѣпра къ Сивашу, въ бывшемъ полѣ Половецкомъ и въ херсонской губерніи, по теченію Днѣпра и Ингульца. На Одесскомъ археологическомъ съѣздѣ статистикъ херсонскаго земства А. А. Браунеръ читалъ рефератъ о городищахъ елисаветградскаго уѣзда и въ немъ указалъ, что городища эти состоятъ изъ болѣе или менѣе круглой ямы глубиною до двухъ саженей, окруженной валомъ, имѣющимъ входы [4]). Окружность этихъ валовъ колеблется между 75 и 120 аршинами (засѣданіе 27 августа). Кто же, знакомый съ бытомъ кочевниковъ, принявъ во вниманіе вещи, находимыя въ этихъ окопахъ, при отсутствіи слѣдовъ прочной осѣдлости, не признаетъ принадлежности ихъ народу кочующему? [5]). Остатки

---

[1]) Зап. Одес. Общ., т. III, стр. 293., ср. Списки насел. мѣстъ екатерин. г., стр. XI.

[2]) Noord en ost Tart., стр. 726.

[3]) Peyssonnel, Observat. histor. et géogr. 1765 cart., p. 107, ср. Hist. de Timur-Bec., t. II, p. 363.

[4]) Наука о древностяхъ имѣетъ свою условленную терминологію, на основаніи которой названіе городища не можетъ быть усвоено кургану (Погодинъ, Ист. домонгол. періода, стр. 462; ср. Труды 1-го Арх. Съѣзда, стр. 203). Въ херсонской губерніи въ сосѣдствѣ съ мѣстностію, обслѣдованною г. Браунеромъ, были уже производимы раскопки г. Лишинымъ, также не дающія права, по найденнымъ въ нихъ вещамъ, принимать курганы за остатки городищъ (Труды Моск. Арх. Общ., т. IX, стр. 20—25).

[5]) Ср. Vambéry, Magyar. 1882., стр. 279, 280; ср. 98.

подобныхъ земляныхъ сооруженій кольцеобразной формы, съ ямою или курганомъ по срединѣ, описываетъ Палласъ въ своемъ путешествіи по степямъ киргизскимъ и въ сосѣдствѣ съ Сибирью, отечествомъ кочевыхъ народовъ [1]). Доказательствомъ того, что кочевники, жившіе въ кибиткахъ (вежахъ), окружали дворы свои рвами, служитъ мѣстность днѣпровскаго уѣзда таврической губерніи, гдѣ сохранились они во множествѣ по степямъ, на которыхъ жили ногайцы и киргизскіе татары [2]). Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Голубовскаго, что при разработкѣ вопросовъ историческихъ нельзя обойтись безъ обращенія къ источникамъ первой руки, но они тогда только заслуживаютъ этого названія, когда въ нихъ не встрѣчается очевидныхъ противорѣчій съ природою мѣстности, на которой совершались описываемыя событія.

Показаніе о томъ, что руссы зимовали на островѣ Евферія, не можетъ быть отвергнуто; но чтобы подъ островомъ Евферія разумѣть нынѣшній о. Березань, имѣющій пространство 72 т. кв. саж., для этого нѣтъ никакого основанія. Здѣсь, подобно тому, какъ и при отысканіи мѣстонахожденія Олешья, археологія оказала услугу географіи, такъ какъ при раскопкахъ, произведенныхъ на о. Березани въ 1884 г., никакихъ древностей, указывающихъ на пребываніе здѣсь руссовъ или варяговъ, не отыскалось [3]). Но при пользованіи безусловно источниками первой руки бываютъ ошибки и другого рода; такъ напримѣръ откуда г. Голубовскій заимствовалъ мнѣніе о томъ, что Очаковъ носилъ названіе Сары-Керменъ, когда у Абульфеды ясно сказано, что Сары-Керменъ лежалъ противу Синопа, а изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Сары-Керменомъ назывался у татаръ Херсонисъ [4]).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія соображенія по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ географіи южной Россіи, затронутымъ въ очеркѣ

---

[1]) Путеш. по разн. мѣст. Рос. Имп. Спб. 1786 г., ч. II, кн. 1, стр. 167; ср. 388, кн. 2, стр. 59, 88, 88, 89, 91.

[2]) Не подлежитъ сомнѣнію, что половцы имѣли свои курганы, и память о нихъ сохранилась въ лѣтописи новгородской подъ 1224 г. и въ описаніи Рюнсбрёка (Bergeron, Rec. d. Voyag. Rubruquis, p. 19). Курганы, подобные находящимся въ сосѣдствѣ съ Чернымъ лѣсомъ, описываетъ Ядринцевъ въ своемъ путешествіи по западной Сибири и Алтаю (Труды Моск. Арх. Общ., т. IX, стр. 181—205).

[3]) Журн. Министр. Народн. Просв., ч. 137, отд. 4, стр. 2—4.

[4]) Кеппенъ, Крымск. Сбор., стр. 231.

г. Барсова и въ трудѣ Голубовскаго, мы позволяемъ себѣ по важности предмета остановиться еще на предположеніи о существованіи будто бы судоходнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море посредствомъ рѣкъ Самары Волчей и Міуса или Кальміуса [1]).

Охота была незабвенному Ф. К. Бруну, не справившись съ топографіею края, высказать вышеприведенное предположеніе, сдѣлавшееся научною истиною въ глазахъ новѣйшихъ отечественныхъ историковъ. Можно-ли допустить вѣроятіе, чтобы рѣки Самара и Міусъ или Кальміусъ, имѣющія противоположныя теченія, могли когда нибудь соединяться между собою, при разности уровней и при существованіи между ними возвышеннаго горнаго хребта? Предположеніе свое о возможности подобнаго соединенія рѣкъ г. Брунъ основывалъ будто бы на свидѣтельствѣ Боплана, но не обратилъ вниманія на его карту, въ которой между вершинами Міуса и Кальміуса и притоками Самары Волчей или Кринки показана, согласно съ книгою Большаго Чертежа, проходившая здѣсь Муравская дорога. На повѣрку оказывается, что Бопланъ вовсе не говоритъ о соединеніи этихъ рѣкъ, а упоминаетъ только о томъ, что козаки плавали вверхъ по Міусу, а далѣе отъ сей рѣки до Тавчаводы около мили шли волокомъ: Тавчавода впадаетъ въ Самару, Самара же изливается въ Днѣпръ выше Кайдака [2]). Подъ именемъ Тавчаводы Бопланъ очевидно разумѣлъ Овчуводу, т. е. Овечьи воды, рѣчку показанную въ книгѣ Большаго Чертежа и въ другихъ путеводителяхъ [3]). Можно ли, на основаніи приводимой здѣсь точной выписки изъ Боплана, допустить вѣроятіе, чтобы онъ, упоминая о переводѣ судовъ по мѣстамъ промежуточнымъ между рѣками, подразумѣвалъ здѣсь тѣ суда, которыя строили козаки запорожскіе для морскихъ набѣговъ? [4]) Извѣстно, что для переноса къ рѣкамъ по мѣстамъ сухопутнымъ у запорожцевъ существовали особые челны, устроенные изъ буйволовыхъ кожъ, по приказанію Вишневецкаго, около 1557 г. [5]). На что же было козакамъ запасаться такими

---

[1]) Барсовъ, стр. 21, 223.
[2]) Бопланъ, стр. 67; ср. 18, 19.
[3]) Ср. Майковъ, Замѣтки цо геогр., стр. 24.
[4]) Бопланъ, стр. 62—67.
[5]) Маркевичъ, т. I, стр. 45.

челнами, если бы они имѣли сплошной судоходный путь изъ Днѣпра въ Азовское море? Вопросъ этотъ разрѣшается у Мышецкаго, показывающаго, что козаки, возвращаясь съ моря, «затапливали дубы свои (лодки) для переду, а потомъ брали съ собою малыя лодки, оттягивали ихъ сухимъ путемъ до моря и тамъ пришедши на большія свои затопленныя лодки саживались» [1]). У Серры подъ 1374 г. описано плаваніе жителя Кафы Луки Тариго вверхъ по р. Дону до мѣста сближенія Дона съ Волгою, гдѣ онъ, перенесши судно свое, спустилъ его на Волгу [2]). Неужели на основаніи подобнаго указанія можно утверждать, что Донъ соединялся съ Волгою? [3]) Г. Брунъ изслѣдованіе свое о рѣчномъ пути изъ Днѣпра въ Азовское море написалъ въ 1863 году и вновь повторилъ его въ сборникѣ 1879 года, слѣдовательно тогда уже, когда издана была орографическая карта одесскаго военнаго округа 1866 года, съ показаніемъ на ней профилей и уровня поверхностей относительно морей Чернаго и Азовскаго. Удивляюсь, какимъ образомъ Ф. К. Брунъ, истинно ученый человѣкъ, не обратилъ вниманія на письма мои, помѣщенныя, по уговору съ нимъ, въ Извѣстіяхъ императорскаго географическаго общества за 1875 г. [4]). Если покойному профессору географіи не желательно было справиться съ картою, то и такихъ источниковъ, какъ Бопланъ, книга Большаго Чертежа, Уставъ о сторожевой службѣ, Росписи Ивана Коломнина, Журналъ Тяпкина и Описаніе азовской губерніи 1779 г. [5]), достаточно было-бы для того, что-бы измѣнить редакцію своего первоначальнаго предположенія и, вмѣсто указанія на невозможное соединеніе рѣкъ, сказать, что для водоходнаго пути козаковъ изъ Днѣпра въ Азовское море существовалъ волокъ. Но если козаки и могли пользоваться имъ для своихъ цѣлей, то для коренныхъ русскихъ не представлялось въ немъ надобности, такъ какъ для нихъ существовалъ другой ближайшій путь къ Азовскому морю и Тмуторакану по Дону, имя котораго сохранилось въ народномъ эпосѣ [6]).

---

[1]) Мышецкій, стр. 13, 14.

[2]) Storia, IV; 58.

[3]) Ср. Щегловъ, Журн. Минист. Народн. Просв., ч. 185, отд. 2, стр. 6—7.

[4]) Выпускъ 3, стр. 181—188; Вып. 5, стр. 301—321.

[5]) Тамъ же, стр. 291, 293.

[6]) Ср. Щегловъ, Журн. Мин. Н. Пр., ч. 185, стр. 170.

Вольно же нашимъ изслѣдователямъ, какъ замѣтилъ г. Замысловскій при разборѣ труда г. Барсова, руководствоваться исключительно источниками первой руки и не обращать вниманія на мѣстные сборники, т. е. источники болѣе ясные [1]). У Константина Багрянороднаго упоминается объ архонтѣ Моканѣ, владѣнія котораго находились въ сосѣдствѣ съ Азовскимъ моремъ [2]). Изслѣдователи наши предположили, что здѣсь подразумѣвается Муканская степь, тогда какъ страна Муканъ находится на Кавказѣ въ сосѣдствѣ съ р. Курою [3]). Мѣстныя же записки, на которыя указалъ г. Замысловскій, привели бы изслѣдователя географіи древней Россіи въ губернію екатеринославскую, такъ какъ въ Мѣсяцесловѣ на 1782 г. сказано, что «страна по лѣвую сторону Днѣпра, ниже Орла лежащая, называлась прежде Замоканъ» [4]). Слово это сохранилось до настоящаго времени въ названіяхъ рѣкъ Самотканъ и Домоткань, впадающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны, въ предѣлахъ екатеринославской губерніи [5]) Хотя въ географіи начальной лѣтописи и не упоминается о Моканѣ, но въ «Исторіи южно-русскихъ степей» умолчаніе о немъ у автора, посвятившаго такъ много труда при составленіи этнографическаго очерка, оно составляетъ пробѣлъ, бросающійся въ глаза. Впрочемъ почтенный составитель «Исторіи южно-русскихъ степей», увлекаясь сказаніями восточныхъ писателей, не много отвелъ мѣста для болѣе точныхъ географическихъ показаній Константина Порфиророднаго.

По поводу соображеній, приведенныхъ здѣсь о Моканѣ, вопросъ о Саксимахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ подъ 1229 г., является самъ собою. Очевидно, что названіе это должно имѣть соотношеніе съ Саксиномъ, а не съ Сянземъ, княземъ половецкимъ. Блау предполагалъ, что Саксинъ находился за Дунаемъ въ саксон-

---

[1]) Журн. Минист. Народ. Просв., ч. 177, отд. 2, стр. 461.

[2]) De ceremoniis Aulae B., ed Bonn. 1829 г., Т. I., стр. 688; ср. т. II, стр. 810, 811.

[3]) Dorn, Geogr. Caucas., стр. 523; ср. Каспій, стр. 68; Ханыковъ. Иранъ. Ч. I, стр. 148.

[4]) Собр. сочин. выбран. изъ мѣсяцесл. на разн. годы. Спб. 1790 г., ч. V, стр. 112.

[5]) Павловичъ, Мат. для геогр. и статист. Россіи. Спб. 1861 г., стр. 27.

скомъ Зибенбюргѣ [1]). Но Саксиновъ было нѣсколько и одинъ изъ нихъ, упоминаемый у Ибнъ-даста, лежалъ въ области Днѣпра [2]). Вопросъ о мѣстонахожденіи его былъ уже затронутъ нами въ «Опытѣ изслѣдованія о Куманахъ», но тамъ мы предполагали, что Саксинъ могъ находиться у Знаменки на мѣстѣ Олешья, гдѣ видны слѣды поселенія двухъ различныхъ народностей [3]). Въ настоящее время, принимая въ соображеніе рефератъ Н. И. Васильевскаго на Одесскомъ археологическомъ съѣздѣ объ этнографическомъ значеніи нѣкоторыхъ географическихъ именъ, мы указываемъ на р. Саксагань, но не по отношенію къ народу Сакамъ, а къ Саксимамъ и Саксину. Рѣка Саксагань протекаетъ въ екатеринославской губерніи, но впадаетъ въ Ингулецъ въ предѣлахъ губерніи херсонской [4]).

Если древиее Олешье можно было сопоставить съ Алеска, упоминаемымъ Эдризи и поставленнымъ на картѣ его противу Молзы, гораздо выше теперешнихъ Алешекъ, то мы позволяемъ себѣ думать, что предположенія наши о Маканѣ и Саксинѣ могутъ имѣть за собою болѣе вѣроятія.

Предоставляя судить объ этомъ другимъ, болѣе насъ компетентнымъ, мы въ заключеніе долгомъ считаемъ сказать, что перомъ нашимъ руководила надежда вызвать со стороны почтенныхъ изслѣдователей древней географіи лучшее объясненіе извѣстій о ней, относящихся къ югу Россіи, запуганныхъ различными предположеніями, несогласными съ природою края.

Пл. Бурачковъ.

---

[1]) Leitschr. des. Deutschen Morgenlandis. Geselshaft. Band. 29, s. 21: ср. Szalay, Gesch. Ungar. T. I, стр. 214, 215.

[2]) Дорнъ, Каспій, стр. 32, 35, 36.

[3]) Зап. Одес. Общ., т. X, стр. 131, 132.

[4]) Многіе изслѣдователи предполагаютъ, что половцы имѣли города, и г. Барсовъ, слѣдуя лѣтописямъ, видитъ ихъ въ Сугровѣ и Шуканѣ. Не имѣя другаго подходящаго имени, лѣтописецъ дѣйствительно называетъ ихъ не улусами или юртами, а городами, а между тѣмъ самъ показываетъ, что половцы „бѣша ходящи, яко Угры". (Ср. Vámbéry, Primil. Cult. Turko-Tatar. V. 1879 г., стр. 83, 78, 127—129. Васильевскій, Визант. и Печенѣги, стр. 119—121).

ВѢДЬМА.

(Полѣсскій разсказъ).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

III.

Василина знала множество средствъ для помощи людямъ во всѣхъ елучаяхъ жизни; сама она ни минуты не сомнѣвалась въ дѣйствительности этихъ средствъ и готова была съ каждымъ подѣлиться ими. Однажды испытали это на себѣ одновременно, но различнымъ образомъ, Петръ Джурджа и Яковъ Шишка.

Первый былъ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ хозяевъ въ Сухой Долинѣ Достался-ли лучшій участокъ земли въ надѣлъ его предкамъ, или они были болѣе трезвы и трудолюбивы, чѣмъ другіе крестьяне, но и самъ онъ, и его отецъ, и дѣдъ считались богачами въ селѣ. Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ Петръ выстроилъ себѣ новую хату, похожую на порядочный домикъ, съ трубою, съ двумя большими окнами, крылечкомъ и выбѣленными снаружи стѣнами. Внутри на первый взглядъ нельзя было замѣтить ничего особеннаго; сѣни, просторная хата и такая-же большая комора. Въ хатѣ огромная печь со множествомъ «запичковъ» и «закутковъ», вдоль стѣнъ лавки, столы, ткацкій станокъ, хозяйственная деревяная посуда и ничего больше; все

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“. 1886 г., февр. кн., стр. 279.

также, какъ и въ другихъ хатахъ. Но стоило только заглянуть въ комору, въ хлѣвъ, въ амбаръ и тутъ сразу видна была разница. Въ самый сильный неурожай не было недостатка въ хлѣбѣ, изъ года въ годъ всегда оставался большій или меньшій запасъ и излишки одного года пополняли недостатки другихъ лѣтъ. Въ загонѣ стояли четыре коровы, лошадь и кобыла, которая каждый годъ приводила жеребенка, шесть овецъ, нѣсколько свиней, куры, голуби подъ крышею, въ саду густая роща вишень и дикихъ грушъ, доставлявшихъ на зиму отличныя «гнилички», въ огородѣ вдоволь всякихъ овощей. Въ коморѣ на полкахъ и на полу красовались въ рядъ горшки и мѣшки со всевозможными припасами, одна изъ стѣнъ вся чернѣла отъ развѣшанныхъ на ней мотковъ нитокъ и шерсти, стоявшіе подъ стѣнами сундуки были до верху наполнены мужской и женской одеждой, цѣлыми сувоями полотна и полосатой холстины, вытканныхъ на домашнихъ кроснахъ. Но не только необычный достатокъ наполнялъ хату Петра, въ ней царило также рѣдкое спокойствіе. Петръ самъ былъ человѣкъ флегматичнаго характера, съ медленными движеніями и спокойною рѣчью; жена его была женщина высокая, красивая, кроткаго характера Еще съ молодыхъ лѣтъ она страдала ревматизмами и другими болѣзнями, которыя также дѣлали ее болѣе спокойною и менѣе склонною къ ссорамъ, чѣмъ другія женщины. Она часто вздыхала, долго и пространно жаловалась на свои страданія, прося совѣтовъ противъ нихъ у кого только могла; бывало, когда боли сильнѣе начнутъ донимать ее, она тихонько поплачетъ въ уголку, иногда начнетъ голосить на всю хату, но до брани съ мужемъ, никогда не доходила. Да и ей-ли, безсильной, съ больными ногами, искривленными руками, ей, которая точно барыня нуждалась въ помощницѣ, еще заводить ссоры съ мужемъ? Для нея и то уже было большимъ счастьемъ, что мужъ не выгонялъ ее изъ хаты, не бранилъ за безсиліе, а напротивъ жалѣлъ ее, говорилъ съ нею по людски, сострадательно покачивая головою. Она была настолько разсудительна, чтобы оцѣнить это счастье,

ея въ этомъ отношеніи были весьма просты; она высказывала ихъ сосѣдкамъ въ минуты сердечныхъ изліяній.

— На-що винъ одружився зо мною? Не для посагу бравъ мене, бо въ мене ничого не було, а для того, щобъ мати въ хати добру господыню. А яка-жъ зъ мене господыня? До праци рвусь, якъ той кинь до воды, що тильки здужаю—зроблю, тильки мало що здужаю. Якъ дошкулить хороба, то й руки ни до чого не стоять. А винъ-же мени за те николи ничого, хочъ-бы коли недобрымъ словомъ обизвався. Терпить та мовчить. Ще часомъ и поспытае: може тоби, Гапко, чого треба? може-бъ тебе зновъ завезти до знахарки? Такій добрый чоловикъ. Тожъ я ёму ни въ чимъ не суперечу. Нехай ёму такъ и Господь милосердный не противиться!..

Впрочемъ, не легко было и сопротивляться Петру; у него бывали припадки гнѣва, очень рѣдкіе, но тѣмъ болѣе страшные. Можно-бы подумать, что въ этой тихой и спокойной натурѣ гроза разражалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше и медленнѣе она собиралась. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ покорнымъ сыномъ для своихъ родителей; однако, когда мать его, уже нѣсколько помѣшанная отъ старости и докучавшая ему безпрестанными ссорами съ невѣсткою, однажды заперла передъ нею дверь коморы, такъ что онъ не засталъ ужина, воротившись съ поля, и остался голоднымъ, сынъ въ гнѣвѣ ударилъ ее такъ сильно, что старуха занемогла, пролежала нѣсколько времени на печи и умерла. Можетъ быть она умерла и не отъ побоевъ, потому что и прежде у нея душа едва держалась въ тѣлѣ, но Петръ былъ сильно потрясенъ этою смертью и долгое время ходилъ какъ потерянный. Тогда онъ говорилъ женѣ и куму, котораго очень любилъ, что самъ себя началъ такъ бояться, какъ будто уже продалъ душу чорту. Съ этого времени Петръ сдѣлался очень набожнымъ; чаще другихъ посѣщалъ церковь и говѣлъ, даже идучи за плугомъ иногда шепталъ молитвы, а въ каждый годовой праздникъ жертвовалъ на церковь то хлѣбъ, то цѣлые сувои холста. Казалось, мысль, что нанесенная матери обида

ною тревогою и потребностью оправдаться передъ Богомъ. Съ теченіемъ времени все это обратилось въ немъ въ какую-то склонность къ мистицизму, которой не далъ развиться постоянный тяжелый физическій трудъ, но которая сказывалась въ нѣсколько мечтательномъ выраженіи, съ какимъ его сѣрые глаза смотрѣли на міръ изъ подъ густыхъ бровей, и въ особенномъ пристрастіи его къ разсказамъ о чудесахъ, волшебствахъ и всевозможныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ. Эту склонность еще болѣе усилило одно обстоятельство, случившееся въ малолѣтствѣ его младшаго сына Ивася. Мальчикъ родился уже въ то время, когда мать его начала хворать; это былъ слабый, болѣзненный ребенокъ, который за пять лѣтъ своей жизни такъ высохъ и пожелтѣлъ, что скорѣе напоминалъ восковую фигурку, чѣмъ живое дитя; ротъ его былъ постоянно раскрытъ, кривыя ножки съ трудомъ носили худенькое тѣло и самъ онъ падалъ, когда пробовалъ бѣжать. Климъ, напротивъ, былъ здоровый мальчикъ и росъ, какъ на дрожжахъ, въ верхъ, и въ ширь. Надъ Ивасемъ часто плакала мать, сосѣдки съ состраданіемъ качали головою, а отецъ, по обыкновенію, тихо и медленно бормоталъ что-то, печально опустивъ голову. Дошло до того, что Гапка, которой наскучилъ писк ребенка, надоѣли постоянныя заботы о немъ, какъ будто онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оставался малюткою, однажды съ грустью и съ досадою сказала сосѣдкамъ:

— Отъ, нехай-бы вже ёго лучше Господь до себе забравъ...

Тогда Петръ разсердился не на шутку. Со времени смерти матери онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ни разу не сердился; но теперь снова вспылилъ и прибилъ-бы жену, если-бы она не бросилась цѣловать ему руки, со слезами прося сжалиться надъ ея болѣзнью и несчастьемъ; онъ страшно кричалъ, со срамомъ выгналъ изъ хаты сосѣдокъ, которыя своими толками только раздражали материнское чувство Гапки и вскорѣ послѣ того, посадивъ больного ребенка на возъ, отправился на «отпустъ» къ чудотворной иконѣ. Если другимъ Богъ оказываетъ чудеса, то почему-бы не сжалился и надъ нимъ? Кто-то посовѣтовалъ

ему, для болѣе вѣрнаго полученія Божіей милости, купить одну изъ восковыхъ фигурокъ, которыя продаются на церковной паперти, и повѣсить на икону. Петръ купилъ такую фигурку, заказалъ обѣдню о здравіи ребенка, выслушалъ ее на колѣняхъ до самаго конца, усердно повторяя въ полъ-голоса молитвы и съ тяжелыми вздохами билъ себя въ грудь. При каждомъ выходѣ съ евангеліемъ или со св. дарами онъ обѣими руками поднималъ вверхъ ребенка, какъ будто указывая его Божію милосердію, а самъ, также поднявъ свое загорѣлое лицо, мечтательнымъ взглядомъ слѣдилъ за синеватыми волнами дыма, которыя все гуще и гуще подымались надъ массою людскихъ головъ, надъ олтаремъ подъ самые своды храма. Дитя возвратилось съ богомолья такимъ-же, какимъ выѣхало изъ хаты: слабымъ, желтымъ, высохшимъ, съ кривыми ногами и открытымъ ртомъ, но мѣсяца черезъ два послѣ того начало видимо поправляться: побѣлѣло, выпрямилось, пополнѣло, просто ожило. Правда, въ это время наступила теплая, солнечная весна, когда все въ природѣ оживаетъ: и деревья, и цвѣты, и дѣти. Правда также, что старая Оксана, поселившаяся недавно въ Петровой хатѣ, посовѣтовала Гапкѣ ежедневно посылать Ивася на сухой песокъ, который бѣлою полосою тянулся на краю села.

— Нехай копается сердешне въ тимъ писку, говорила она, якъ ёго сонечко добре нагріе, то й дитина буде здорова. Така вже свята сила е въ гарячимъ писку, що дитей здоровить закончила Оксана и приказала Василинѣ, тогда еще небольшой дѣвочкѣ, отвести Ивася на песокъ, смотрѣть за нимъ и забавлять.

Правда, Ивась никогда уже не сдѣлался такимъ сильнымъ, красивымъ и бойкимъ, какъ Климъ, который былъ немногимъ старше его, но все таки поправился, не пищалъ уже такъ какъ прежде, не падалъ на каждомъ шагу, а выровнялся, побѣлѣлъ, началъ больше говорить. Въ Петровой хатѣ часто поговаривали объ этомъ выздоровленіи и различнымъ образомъ толковали его причины.

— Таки то Петрова жертва на одпусти, говорили нѣкоторыя бабы, набожно сложа руки на животъ и качая головою.

— А може той писокъ, що Оксана порадила, замѣчали другія.

— И жертва на одпусти, и писокъ, а все Господь милосердный, говорилъ серьезно Петръ; бо коли писокъ мае таку святу силу, то це вже ёму Богъ такъ давъ. Отъ що!

— Есть на свити и нечиста сила, замѣтила одна изъ бабъ.

— А есть, подтвердилъ Петръ съ полнымъ убѣжденіемъ, и послѣ нѣкотораго раздумья прибавилъ:

— Але що въ писку, то Божа сила, бо отже помогла; а якъбы була въ ёму нечиста сила, то була-бъ пошкодила...

И подумавши еще немного, поднялъ вверхъ указательный палецъ и закончилъ:

— Нечиста сила завжды на лихо робить людямъ, а Божа сила на добро. Онъ що!

Покровительство Божеской силы Петръ Джурджа старался снискать еженедѣльнымъ посѣщеніемъ церкви, произнесеніемъ положенныхъ молитвъ, пожертвованіями на церковь въ видѣ хлѣба, холста и другихъ сельскихъ продуктовъ; нечистой силы боялся больше всего на свѣтѣ и хотя никогда не испытывалъ на себѣ ея дѣйствія, по крайней мѣрѣ видимымъ образомъ, но вспоминалъ о ней съ большимъ отвращеніемъ и ненавистью. Если кто нибудь разсказывалъ при немъ о людяхъ, которые, какъ на примѣръ различныя вѣдьмы или колдуны, съ помощью этой силы причиняли вредъ другимъ людямъ, онъ силевывалъ съ отвращеніемъ и со злостью говорилъ сквозь зубы:

— Що-бъ имъ руки й ноги поламало! Що-бъ имъ смерть була тяжка! Бодай вони царства небесного не бачили!..

О царствѣ небесномъ Петръ вспоминалъ очень часто; кажется, оно-то и было тѣмъ предметомъ, который въ неясныхъ и неопредѣленныхъ очертаніяхъ носился гдѣ-то высоко передъ нимъ въ то время, когда его сѣрые глаза подъ густыми нависшими бровями принимали задумчивое и нѣсколько мечтательное выраженіе.

Однако, создавая себѣ чудесные образы царствія небеснаго,

занимался съ большою заботливостью и трудолюбіемъ и былъ сильно обрадованъ, когда жители Сухой Долины выбрали его своимъ старостою. Тогда сдѣлалось очевиднымъ, что характеръ его былъ не совсѣмъ свободенъ отъ честолюбія и что оказанная ему честь пріятно щекотала его тщеславіе. Прежде онъ держался нѣсколько сгорбившись, но сдѣлавшись старостою, выпрямилъ спину и улыбнулся такъ широко и свободно, какъ никогда передъ тѣмъ не улыбался; за то медленная походка его получила еще большую важность и онъ съ видимымъ удовольствіемъ, почти съ торжественностью, прибилъ къ наружной стѣнѣ своей хаты отъ улицы синюю таблицу, на которой большими бѣлыми буквами было написано: *Петръ Джурджа, староста*. Онъ усердно и терпѣливо занялся общественными дѣлами, которыя довѣрили ему односельчане, а когда осаждали различныя, связанныя съ его должностью, затрудненія и непріятности, онъ говорилъ съ сокрушеніемъ въ голосѣ:

— Христосъ бильше терпивъ, или: мени Богъ за те въ царствѣ небесному заплатить.

И продолжалъ свое дѣло, не смущаясь ни людскими толками, ни различными препятствіями. Не рѣдко увлекала его людская гордость; поднявъ палецъ вверхъ, онъ улыбался широкой улыбкой и, по привычкѣ, медленно и спокойно произносилъ:

— Теперъ, якъ той казавъ, я тутъ первый чоловикъ и надъ усима найстаршій...

Иногда также говорилъ въ видѣ поученія старшему сыну:

— Дивись, Климе, будь такій, якъ я, и Господь святый дасть тоби панування на цимъ свити, а на тимъ царство небесне. Не пый, чужого не бажай, роби, що до тебе належить, а до нечистои силы не удавайся. До Божои силы удавайся, а чорту въ лапы не давайся, бо якъ той казавъ, и господарство згине, и душу загубишъ. Онъ що!

Важное въ жизни Петра событіе—избраніе его сельскимъ старостою, случилось года черезъ два послѣ женитьбы Михайла Ковальчука на Василинѣ, а вскорѣ послѣ того на разрѣшеніе

сельскихъ жителей представилось дѣло большой для нихъ важности. Сельскій магазинъ, въ которомъ сохранялись запасы хлѣба, предназначенные для неурожайныхъ лѣтъ, такъ обветшалъ, что въ скоромъ времени ему угрожало полное разрушеніе. Становой нѣсколько разъ напоминалъ о необходимости построить новый магазинъ, жители и сами сознавали эту необходимость, но изъ года въ годъ оттягивали начало работъ. Понятно, боялись расходовъ, да и не очень хотѣлось новыхъ хлопотъ. Теперь однако послѣдняя отсрочка подходила къ концу; волей-неволей магазинъ нужно было строить, такъ было рѣшительно и неизмѣнно приказано отъ высшаго начальства. Хата старосты наполнилась крестьянами, которые собрались для предварительнаго совѣщанія о такомъ дорогомъ и сложномъ дѣлѣ. Петръ Джуржа предсѣдательствовалъ въ собраніи съ обычнымъ спокойствіемъ и разсудительностью, совѣтовалъ, какъ и когда должны быть собраны деньги для этой постройки, гдѣ и какой лѣсъ нужно купить, кого и за какую цѣну вызвать для измѣренія площади подъ постройку, которая должна быть перенесена на другое мѣсто. Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ и вычисленіяхъ значительную помощь оказывалъ ему двоюродный братъ его Степанъ, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ головъ въ селѣ, пока не впадалъ въ гнѣвъ, или не былъ пьянъ; онъ имѣлъ даже надъ другими то преимущество, что умѣлъ бѣгло считать. Никто никогда не училъ его счету, онъ уже отъ природы обладалъ этою способностью и научился самъ; а такъ какъ на этотъ разъ онъ былъ трезвымъ, ни на кого не сердился, сверхъ того задался непремѣнною цѣлью сдѣлаться сельскимъ судьею при первыхъ выборахъ, то, сидя спокойно рядомъ съ Петромъ, разсуждалъ пространно и разумно, быстро складывалъ и помножалъ различныя числа, однимъ словомъ отдался всецѣло общественному дѣлу, забывая о томъ, что мучило и раздражало его въ частной жизни. При этомъ даже лице его, постоянно нахмуренное, зачастую угрюмое и гнѣвное, разгладилось и прояснилось. Однако, не смотря на спокойствіе и разсудительность обоихъ Джуржей, въ избѣ часто поднимался такой шумъ, что люди переставали понимать другъ

друга. Всѣ начинали говорить въ одно время, отталкивали другъ друга локтями отъ стола, за которымъ сидѣлъ староста, подымали споръ за каждый грошъ, на каждое предложеніе его отвѣчали отказомъ. Петръ терпѣливо переносилъ все это, продолжалъ толковать свое нѣсколькимъ болѣе спокойнымъ слушателямъ, а по временамъ, когда болѣе рѣзкіе начинали уже бранить и упрекать его, бормоталъ въ полъ-голоса:

— Христосъ билыпъ терпивъ!

— Дурни! прокляти дурни! Бодай на васъ холера напала! кричалъ вспыльчивый Степанъ, отталкивая кулакомъ отъ стола самыхъ горячихъ, и уже начиналъ чувствовать первый приступъ гнѣва, какъ вдругъ среди гула спорящихъ мужскихъ голосовъ раздался пискливый, отчаянный женскій крикъ. Петрова жена выскочила изъ коморы и, ломая руки, кричала и причитала не своимъ голосомъ.

— Ой, Боже мій! Боже мій! Ой, Боже нашъ милостивый!

Вслѣдъ за нею выбѣжала изъ коморы дѣвушка, помогавшая ей по хозяйству вмѣсто Василины, и схватившись въ отчаяніи за голову, также заметалась по хатѣ и еще громче и пискливѣе вторила ей:

— Ой, Мати Божа пречиста! змилуйся надъ нами гришными!

Мужчины сразу прекратили споры и разсужденія и неподвижно, съ открытымъ ртомъ, блуждающими глазами слѣдили за женщинами, которыя метались по хатѣ, какъ сумасшедшія. Не скоро удалось хозяину, сперва убѣжденіями, за тѣмъ угрозами допытаться у женщинъ о причинахъ такого отчаянія. Случилась дѣйствительно непріятная вещь: изъ коморы исчезли два куска сала, двѣнадцать паръ колбасъ и десять штукъ недавно сотканнаго холста. Все это украдено было неизвѣстно когда и кѣмъ; воръ распилилъ оконную раму, отсунулъ замыкавшую ее задвижку, влѣзъ въ комору и вынесъ черезъ окно столько добра. Окно выходило въ огородъ, уже совсѣмъ опустѣвшій въ позднюю осеннюю пору и только покрытый грязью, а осеннія ночи длинны и темны... Хозяйка была въ отчаяніи; Петръ не такъ живо принималъ къ сердцу понесенную утрату.

но тѣмъ не менѣе былъ пораженъ и чрезвычайно разгнѣванъ противъ неизвѣстнаго преступника. Это внезапное событіе пололожило конецъ совѣщанію; собравшіеся крестьяне разошлись по немногу, ни на чомъ не порѣшивши, да полагать надо собирались еще не разъ, прежде чѣмъ придти къ какимъ нибудь рѣшительнымъ результатамъ. Въ хатѣ остался только самъ хозяинъ, который въ раздумьи сидѣлъ на лавкѣ, облокотясь обѣими руками на столъ, и три женщины, громко толковавшія передъ горящею печью о внезапномъ происшествіи, три Джурджихи, жоны Петра, Степана и Семена Джурджей. Это были три совершенно различные типа крестьянокъ, олицетворявшія три различныя женскія доли Жена Петра—женщина болѣзненная и спокойная, уже не молодая, но еще довольно красивая, жена добраго мужа, хозяйка богатой хаты и мать двухъ подрастающихъ сыновей, сложа руки на груди, съ грустью качала головою и тихо повторяла:

— Яки лукави люде! ой, яки не правдыви!

Быстрая, какъ змѣйка, пылкая, смуглая и черноглазая Степанова жена, славившаяся во всей околицѣ, какъ самая злостная сплетница (о ней впрочемъ всѣмъ извѣстно было, что мужъ ее терпѣть не могъ и что постоянно то онъ ее билъ, то она его), при первомъ извѣстіи о томъ, что случилось въ Петровой хатѣ, бросила своего новорожденнаго ребенка, перваго за четыре года замужества и, примчавшись на мѣсто происшествія, такъ громко и свирѣпо кричала, проклинала вора и металась по хатѣ, какъ будто она сама понесла во сто разъ большую потерю.

На оборотъ Семенова жена, Параска, приплелась, не спѣша, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, уже шестымъ или седмымъ по счету. Это была женщина еще не старая и не дурная собою, но до такой степени заморенная и исхудавшая, вся сморщенная, съ вѣчно искривленными губами, что жена Петра, хотя значительно старѣе ее и изнуренная болѣзнями, выглядѣла гораздо лучше. Извѣстно, жена пьяницы, завязшаго по уши въ долгахъ у жида шинкаря; ея курная хата была наполнена маленькими

дѣтьми, а комора почти опустѣла, какъ и все хозяйство; не удивительно, что она не могла и побалагурить весело. На Ганкѣ ясно отражалось спокойствіе и благосостояніе домашней обстановки; Степанова Варка могла служить олицетвореніемъ природной запальчивости, доведенной до высшей степени раздраженія дурной супружеской жизнью; на Параскѣ, женѣ пьяницы, отражались нужда и заботы. Укачивая на рукахъ ребенка, который, не находя достаточно корма въ материнской груди, кричалъ во все горло, она съ почтительнымъ удивленіемъ, почти съ благоговѣніемъ повторяла:

— Два сала, десять сувоивъ полотна! ой, Боже-жъ мій, Боже! два сала, десять сувоивъ полотна, ще й дванадцать паръ ковбасъ... ой, Боже-жъ мій, Боже!...

Бѣдная женщина не могла вдоволь налюбоваться и надивиться такому богатству, при которомъ можно сразу утратить столько вещей, не подвергаясь полному обнищанію. Она не завидовала и не злорадствовала, напротивъ, искренно жалѣла родственниковъ, потерпѣвшихъ такой убытокъ, но все таки это заставляло ее живѣе почувствовать всю мѣру собственной бѣдности. Между тѣмъ черные глаза Варки разгорались все больше и больше, сверкали и бѣгали какъ у помѣшанной, а языкъ бѣгалъ еще быстрѣе, чѣмъ глаза, самыя ужасныя проклятія сыпались на невѣдомаго вора. Впрочемъ всѣмъ уже было хорошо извѣстно, что она постоянно должна была кого нибудь проклинать; вѣроятно это служило облегченіемъ отъ постоянной тоски, которая у другихъ выливалась въ слезахъ, а ее наполняла гнѣвомъ и яростью. Среди злостныхъ ея причитаній послышался грустный, но уже по прежнему кроткій голосъ Ганки.

— Хочъ бы тамъ не знаю що, а я таки довидаюсь, хто той злодій. Петро! обратилась она къ мужу голосомъ, обличавшимъ ихъ мирныя пріятельскія отношенія; пиды до Оксаны .. спытайся, може вона знае що небудь, щобъ того злодія познати...

Сверхъ всякаго ожиданія женщинъ Петръ не возразилъ ни однимъ словомъ на эту просьбу, всталъ, надѣлъ на голову баранью шапку и вышелъ изъ хаты.

Былъ темный осенній вечеръ; деревья въ садахъ шумѣли и гнулись отъ вѣтру; разорванныя темныя тучи быстро двигались по небу, словно какія то огромныя, тяжелыя птицы, то закрывая, то снова открывая звѣзды. По мокрой и грязной тропинкѣ, извивавшейся между «клунями», «оборами» и плетнями огородовъ, шелъ большими тяжелыми шагами по направленію къ жилищу кузнеца высокій, плечистый крестьянинъ, слегка сгорбленный, въ кожухѣ и бараньей шапкѣ. Издали уже видно было кузницу, пылавшую краснымъ свѣтомъ, и слышался стукъ отъѣзжавшихъ возовъ. Передъ этой кузницей постоянно толпился народъ какъ будто на ярмаркѣ или на храмовомъ праздникѣ. Люди изъ цѣлой околицы пріѣзжаютъ къ Михайлу Ковальчуку, потому что такого кузнеца, какъ онъ, нигдѣ нѣтъ. Но уже наступилъ вечеръ и тѣ, которые ковали здѣсь лошадей, заказывали сдѣлать топоръ или шину, оковать плугъ или возъ, возвращаются теперь по домамъ по дорогѣ, обсаженной березами и вербами, въ которыхъ гнѣздятся и кричатъ козодои и филины. Никого уже нѣтъ передъ открытою дверью кузницы, только блеститъ при свѣтѣ огня глубокая лужа, вырытая колесами и конскими копытами. Петръ Джурджа постоялъ съ минуту на краю этой лужи и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на то, что дѣлалось внутри кузницы. Наполненная краснымъ свѣтомъ внутренность ея ярко выдѣлялась среди окружающей темноты, при такомъ освѣщеніи прекрасно обрисовывалась фигура молодаго кузнеца, еще не оставившаго работы. Красивый, сильный крестьянинъ, въ однихъ шароварахъ и рубахѣ, съ высоко засученными рукавами, ловко подымалъ жилистыя руки и изо всей силы билъ молотомъ раскаленное желѣзо, искры изъ подъ молота дождемъ падали на землю и огненнымъ столбомъ подымались къ верху, озаряя краснымъ свѣтомъ черные волосы и смуглое лице съ черными усами. Работалъ онъ ловко и очень весело, поминутно заговаривалъ съ помогавшимъ ему мальчикомъ, то напѣвалъ пѣсню, когда-жъ ударъ долженъ былъ быть особенно сильнымъ и ловкимъ, онъ, подымая и опуская молотъ, выкрикивалъ какъ-бы во время тан-

рѣлъ на такую усердную и веселую работу; затѣмъ, пройдя еще шаговъ двадцать, вошелъ въ хату кузнеца.

Хата была почти такая же, какъ у Петра, просторная, съ деревяннымъ поломъ, съ большими окнами, не курная, потому что дымъ выходилъ въ трубу, но сверхъ обычной обстановки здѣсь можно было замѣтить нѣкоторыя нововведенія, какихъ не знали дѣды и прадѣды. Подъ стѣнами, кромѣ столовъ и лавокъ, стояли три деревянные стула, на окнахъ зеленѣли въ вазонахъ нѣсколько простенькихъ комнатныхъ растеній, на небольшомъ шкафикѣ съ двумя стеклами блестѣлъ жестяный самоваръ. Всѣ эти выдумки привезъ съ собою Ковальчукъ изъ далекихъ странствій, а можетъ быть познакомилась съ ними и Василина въ томъ шляхетскомъ дворѣ, гдѣ служила работницею. Впрочемъ всѣ эти нововведенія не дошли еще до того, чтобы поставить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ огромную печь, въ которой, какъ и въ каждой крестьянской хатѣ въ эту пору дня, горѣлъ яркій огонь. Не было также ни свѣчи, ни лампы; вставленная между кирпичами печи лучина освѣщала красноватымъ пламенемъ фигуру старой Оксаны, которая прежде всего бросалась въ глаза каждому входившему въ хату. По своей старой привычкѣ костлявая старуха сидѣла выпрямившись на печи, въ черномъ *очипкѣ*, въ хорошей свиткѣ и одною рукою тянула съ гребня льняную нитку, другою крутила веретено. Василина носила по хатѣ годоваго ребенка, укачивала его и въ полъ-голоса напѣвала пѣсню. Въ дверяхъ послышалось привѣтствіе Петра Джурджи, произнесенное тихимъ, серьёзнымъ голосомъ.

— Добры-вечиръ въ хату!

— Доброго здоровья! съ видимою радостью отвѣчала Василина и, бросившись къ гостю съ ребенкомъ на рукахъ, съ блестящими отъ радости глазами, поцѣловала ему руку. Оксана, обладавшая очень острымъ слухомъ послѣ того какъ ослѣпла, также узнала Петра по голосу, привѣтливо закивала головою, на минуту оставивши работу, и хриплымъ шепелявымъ голосомъ благодарила за то, что онъ вспомнилъ объ нихъ и навѣстилъ ихъ хату.

вытерла передникомъ одинъ изъ трехъ стульевъ и съ радостной улыбкой, открывшей рядъ бѣлыхъ зубовъ, подала его своему бывшему хозяину, прося садиться. Петръ снерва посмотрѣлъ на стулъ, какъ-бы желая убѣдиться, что онъ не сломится подъ его тяжестью, и затѣмъ сѣлъ съ нѣкоторою осторожностью.

— Ну, по паньски тутъ у васъ, гарно, заговорилъ онъ, оглядываясь по хатѣ. Стильци соби позаводили, самоваръ... ого!

— По паньски, не по паньски, отвѣчала Оксана и довольная улыбка широко раскрыла ея едва замѣтныя губы,—але ничого не бракуе... усе есть... и хлибъ есть, и згода свята есть... якъ Богъ звеливъ.

— И сынъ есть... прибавилъ гость, шутливо и добродушно посматривая на Василину. Та немного смѣшалась, опустила глаза и отвѣчала, продолжая весело улыбаться:

— А есть, дядьку...

— И другій незабаромъ буде... шутилъ староста.

При этихъ словахъ молодая женщина покраснѣла, какъ піонъ, и слегка повернувшись, тихо засмѣялась. Оксана также смѣялась на печи своимъ старческимъ смѣхомъ, напоминавшимъ сухой звукъ деревянной трещотки.

— Чи одинъ ще... ой, ой, чи ще одинъ буде!

— Дай Боже щастливо! кончилъ Петръ радушно. А тутъ и кузнецъ вошелъ въ хату. Оставляя кузницу, онъ надѣлъ сѣрую суконную чамарку, обшитую зеленою тесьмою, и казался еще красивѣе въ этомъ костюмѣ; крупныя капли пота блестѣли на его лицѣ, разгорѣвшемся отъ работы. Онъ очень обрадовался при видѣ гостя и привѣтствовалъ его самымъ радушнымъ образомъ. Ни Ковальчукъ, ни Василина никогда не забывали о томъ, что старая Оксана и ея внучка жили много лѣтъ въ Петровой хатѣ и хотя не даромъ ѣли хлѣбъ, но всегда пользовались расположеніемъ обоихъ хозяевъ. Если подъ конецъ дѣло измѣнилось и онѣ снова принуждены были искать пріюта въ чужихъ людяхъ, виною тому былъ уже не Петръ Джурджа.

— Василино! обратился кузнецъ къ женѣ, звари лишень чаю

Петръ поправился на стулѣ; онъ очень любилъ чай, хотя пилъ его только изрѣдка, когда ѣздилъ въ мѣстечко на ярмарку или на «отпустъ»; ему не хотѣлось заводить самовара въ собственной хатѣ, потому что не знали его ни отцы, ни дѣды.

— Ого! замѣтилъ онъ, вы якъ паны... чай соби пьете...

— Що-дня не пьемо, але часомъ таки пьемо, отвѣчалъ Ковальчукъ. А що-жъ робити? горилки не вживаемо, то часомъ треба чимъ иншимъ животы погриты.. И старенькій бабуни це зилля додае вику, та й часомъ, якъ гость трапиться, добре почастувати...

— Добре, чому не добре? подтвердилъ Петръ и началъ разспрашивать кузнеца, который побывалъ въ далекихъ сторонахъ, видѣлъ свѣтъ и теперь, какъ ремесленникъ, постоянно имѣлъ дѣло со многими людьми и зналъ всѣ новости въ околицѣ. Ковальчука не нужно было долго распрашивать; отъ природы веселый и разговорчивый, онъ тотчасъ началъ пространно разсказывать гостю о какомъ-то большомъ городѣ, въ которомъ года два прожилъ солдатомъ. Тѣмъ временемъ закипѣлъ самоваръ, а чрезъ нѣсколько минутъ Василина налила изъ глинянаго чайника три стакана изъ грубаго зеленоватаго стекла и подала на бѣломъ блюдечкѣ нѣсколько кусковъ сахару. Доставая изъ шкапика посуду и сахаръ, молодая хозяйка легко и красиво носилась по хатѣ босыми ногами, стаканы и блюдечки звенѣли въ ея рукахъ, какъ веселые колокольчики. Подавши гостю и мужу по стакану чаю, она третій стаканъ поставила на печку и пока мущины пили, продолжая бесѣдовать между собою, она, вскочивъ на лавку, выливала въ блюдечко горячій чай и громко, изо всей силы дула на него; затѣмъ, дотронувшись кончикомъ пальца и убѣдившись, что чай достаточно простылъ, она подносила его къ губамъ старухи, приговаривая:

— Пыйте, бабуню, пыйте!

Сидя на краю печи, свѣсивъ ноги, Василина поила чаемъ слѣпую бабушку.—Дома она ходила съ открытою головою; темные волосы слегка разсыпались вокругъ лица,

такимъ веселіемъ, что она больше была похожа на дѣвушку, чѣмъ на молодицу, хоть тамъ въ колыбелькѣ спалъ уже годовалый мальчикъ. Ковальчукъ, продолжая разговаривать съ гостемъ, разъ другой посмотрѣлъ на жену, наконецъ прервалъ какой-то разсказъ и спросилъ.

— Василино! а ты знову не пьешъ чаю?

Она заболтала босыми ногами по печкѣ, и слегка надувши губы, отвѣчала:

— Не хочу! не люблю! паскудне зилля! мени липше затирка зъ саломъ.

Это упоминаніе о салѣ напомнило Петру Джурджѣ цѣль настоящаго его посѣщенія. Онъ облокотился на столъ, подперъ голову руками и началъ разсказывать случай, приключившійся въ его хатѣ. Присутствующіе дивились и выражали большое сочувствіе. Всѣхъ, разумѣется, найболѣе занималъ вопросъ о томъ, кто могъ быть этотъ воръ. Ковальчукъ припоминалъ себѣ, что именно прошлою ночью, возвращаясь изъ сосѣдняго села, куда ходилъ по дѣлу, онъ встрѣтилъ какого-то человѣка, который съ мѣшкомъ на плечахъ быстро шелъ подъ плетнями.

— А якій-же винъ, той чоловикъ? спросилъ Петръ съ любопытствомъ.

Кузнецъ отвѣчалъ, что это былъ человѣкъ небольшаго роста, худой и, кажется, съ сѣдою бородою; онъ не могъ утверждать этого навѣрно, такъ какъ дѣло было уже ночью, но все таки видѣлъ его довольно близко и при свѣтѣ звѣздъ ему показалось, что этотъ человѣкъ имѣлъ сѣдую бороду. Петръ задумался и послѣ нѣкотораго молчанія произнесъ нерѣшительно:

— То зовсимъ такъ неначе Яковъ Шишка...

Въ подозрѣніи, высказанномъ относительно Якова Шишки, не было ничего неправдоподобнаго. Онъ уже не разъ на своемъ вѣку бывалъ пойманъ на воровствѣ; два года тому назадъ онъ влѣзъ черезъ крышу въ господскую «клуню» и за то отсидѣлъ полъ-года въ тюрьмѣ.

Однако на этотъ разъ противъ него было только подозрѣніе,

— Я до вашои милости, титко, сказалъ онъ. Може вы знаете якій спосибъ, що-бъ того злодія пизнати...

Старуха помолчала съ минуту и медленно, въ раздумьи, заговорила своимъ хриплымъ, старческимъ голосомъ:

— Чому не знати? знаю. Возьмить сыто, настромить на ножныци, постановить на столи и нехай двое людей держать ихъ за вушка, а други люде нехай говорять ризни прозвища, усяки, яки соби тильки пригадають... На чіе имъя сыто закрутиться, той и буде злодій... И то вже така певна правда, що я не разъ, а може сто разъ власными очима бачила...

Старуха замолкла, протянула руку и веретено снова закружилось подъ ея желтыми пальцами. Ковальчукъ громко засмѣялся.

— Дурныця! замѣтилъ онъ скептически

— Михайло! почти съ испугомъ вскрикнула Василина! ты завжде такій! тоби все дурныця! отъ, недовирокъ паскудный!

Она даже раскраснѣлась вся, взволнованная такимъ невѣріемъ мужа; онъ снисходительно выслушалъ замѣчаніе, но все таки тихо еще проворчалъ:

— Ой, бабы, дурни бабы!

За то Петръ Джурджа съ необыкновеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ слушалъ слова Оксаны, которая, опустивъ руку съ веретеномъ, прибавила:

— Можна на сыто выворожити злодія, можна и на евангеліе. То вже якъ де... по иншихъ сторонахъ на сыто ворожать, а по другихъ на евангеліе... То вже все едно... якъ хто хоче.

— То я вже хочу краще на евангеліе, отвѣчалъ Петръ, поднявши руку ко лбу, и послѣ минутнаго раздумья замѣтилъ:

— Все-жъ таки то Боже дило и Божа сила...

— Ну, то такъ само и евангеліе настромити на ножныци... совѣтовала старуха.

— Дурныця! снова засмѣялся кузнецъ, а Василина вскочила и зажала ему ротъ рукою; онъ схватилъ ее въ охапку, раза два обкрутился съ нею вокругъ хаты и такъ защекоталъ, что она упала на лавку, заливаясь громкимъ смѣхомъ. Потом

обратилъ ни малѣйшаго вниманія на такія шалости молодыхъ людей; его интересовало болѣе серьёзное дѣло и притомъ онъ всегда проникался какою-то таинственною и тревожною торжественностью при разсказахъ о всевозможныхъ чудесахъ, волшебствахъ, гаданіяхъ, обо всемъ сверхъестественномъ. Дослушавши до конца, онъ поднялся со стула и началъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ:

— Дякую вамъ, титко, за вашу пораду, тильки якъ-бы-жъ ёго зробити... треба, щобъ то хтось знаючій робивъ...

— То я вамъ зроблю, дядьку! вызвалась Василина, вскочивъ съ лавки; чому ни! Стильки литъ вашъ хлибъ ѣла, та що-бъ теперъ не зробила для васъ такои послуги? Отъ вже йду...

И уже надѣвала на ноги башмаки. Она никогда не выходила изъ дому босая: этого требовалъ мужъ, покупавшій для нея всякіе наряды, находя въ томъ удовольствіе и удовлетвореніе своей гордости; и ей тоже пріятно было похвалиться своимъ счастьемъ передъ тѣми людьми, среди которыхъ она была когда-то бѣднѣйшею и самою послѣднею. Въ башмакахъ, въ юпкѣ изъ покупнаго ситцу, въ красивой новой свиткѣ, съ цвѣтнымъ платкомъ на головѣ входила она черезъ нѣсколько минутъ въ хату старосты и низко поклонившись своей бывшей хозяйкѣ, поцѣловала ей руку. За то другимъ двумъ женщинамъ едва кивнула головою; она хорошо знала, что была для нихъ обѣихъ какъ бѣльмо на глазу. Одна приписывала ей свое несчастье въ супружеской жизни, другая завидовала ея довольству. На этотъ разъ, впрочемъ, обѣ на одну минуту забыли о своихъ мнимыхъ обидахъ и любопытство взяло верхъ надъ ненавистью. Всѣ столпились вокругъ новоприбывшей и засыпали ее вопросами, но она тотчасъ заговорила съ двумя хозяйскими мальчиками подростками, которыхъ знала почти отъ самаго рожденія; Клима ущипнула за румяныя щеки, а Ивасю положила палецъ въ открытый ротъ. Тѣ въ свою очередь схватили ее за ноги, такъ что она растянулась пластомъ посреди хаты. Бабы и дѣти держались за бока отъ смѣха, а уже извѣстно было, что гдѣ только появится Василина, тамъ вмѣстѣ съ нею идутъ

шутки, пѣсни, смѣхъ—ея неразлучные спутники. Одна только Варка не думала смѣяться; она усѣлась на обрубкѣ дерева передъ печкой, подперла рукою подбородокъ и погрузилась въ тяжелое раздумье.

Вдругъ все стихло въ хатѣ, точно кто макомъ подсыпалъ. Петръ снялъ съ полки, на которой стояли образа и лампадки, небольшую книжечку въ изорванномъ переплетѣ, съ пожелтѣвшими страницами. То было евангеліе, которое онъ благоговѣйно хранилъ подъ образами. Много лѣтъ назадъ оно досталось ему въ наслѣдство отъ нищаго, глубокаго старика, который ходилъ съ нимъ изъ дома въ домъ, изъ села въ село, пока наконецъ смерть настигла его въ Сухой Долинѣ и онъ отдалъ Богу душу въ Петровой хатѣ. Петръ своими руками сдѣлалъ для него гробъ, схоронилъ, какъ слѣдуетъ по всѣмъ правиламъ, а книжку нищаго старика оставилъ у себя, почитая ее, какъ вещь священную. Онъ никогда ие раскрывалъ книжки, потому что не умѣлъ читать, но тѣмъ не менѣе былъ убѣжденъ, что присутствіе евангелія охраняетъ хату отъ нечистой силы; теперь онъ съ благоговѣніемъ снялъ его съ полки и молча подалъ Василинѣ. Она вынула изъ кармана свитки принесенныя съ собою ножницы и въ тоже мгновеніе сдѣлалась такою серьёзною, что нельзя было и узнать въ ней ту веселую «молодыцю», которая только что шалила и гонялась по хатѣ за мальчиками. Она сразу остепенилась, даже слегка нахмурила лобъ, подняла къ небу глаза съ выраженіемъ молитвы и громко вздохнула; за нею вздохнули и остальныя женщины, не исключая и Варки. Петръ перекрестился, примѣру его послѣдовали оба сына; высокій и крѣпкій Климъ съ блестѣвшими отъ любопытства глазами и блѣдный, худощавый Ивась съ ртомъ раскрытымъ шире обыкновеннаго. Василина быстро, однимъ взмахомъ вонзила концы раскрытыхъ ножницъ въ корешокъ книги, вложила указательный палецъ въ одно ухо ножницъ и указывая другое хозяйкѣ, сказала:

— Тримайте-жъ, титко!

Гапка сдѣлала, какъ было сказано, а висящая на концахъ ножницъ книжка раскрылась и распустила на обѣ стороны свои желтые, потертые листки.

— Кажить-же теперъ, распоряжалась Василина, уси чисто йменя проказуйте. На чіе имъя евангеліе повернеться, то той и буде злодій...

Варка первая вырвалась съ вопросомъ.

— Антонъ Бодрукъ? проговорила она вопросительнымъ тономъ, въ надеждѣ, что книжка сдѣлаетъ завѣтный поворотъ, потому что на канунѣ еще она подралась съ его женою на пруду, полоскавши бѣлье. Но книжка даже не дрогнула къ ея великому неудовольствію.

— Левко Казявка? спросила тонкимъ дискантомъ Семенова жена; это былъ одинъ изъ самыхъ настойчивыхъ кредиторовъ ея мужа. Но книжка по прежнему оставалась неподвижною. Имя за именемъ сыпалось изъ устъ женщинъ и мальчиковъ, чрезвычайно обрадованыхъ возможностью играть какую нибудь роль въ такомъ важномъ актѣ. Однако книжка по прежнему не отвѣчала. Наконецъ Петръ Джурджа, не назвавшій до тѣхъ поръ еще ни одного имени, произнесъ своимъ низкимъ, какъ-бы придавленнымъ голосомъ:

— Якивъ Шишка?—Не напрасно полчаса назадъ, еще въ хатѣ кузнеца зародилось въ немъ подозрѣніе противъ этого человѣка. У Василины слегка дрогнулъ палецъ, такъ легко, что никто изъ окружавшихъ не замѣтилъ и даже сама она не почувствовала этого дрожанія, а книжка медленнымъ и тоже едва замѣтнымъ движеніемъ описала полукругъ.

— Ага! вскрикнуло хоромъ семь голосовъ. Василина осторожно, съ почтеніемъ вынула воткнутые въ корешокъ книги острія ножницъ и наклонившись набожно, поцѣловала старый переплетъ. Примѣру ея послѣдовали всѣ остальные. Сначала женщины по очередн цѣловали евангеліе, послѣ нихъ въ засосъ поцѣловали его оба мальчика, наконецъ съ благоговѣніемъ приложился Петръ и тотчасъ-же положилъ его обратно передъ иконами.

— Ага! снова произнесли разомъ всѣ присутствующіе. Въ

дости, и благодарности тому чему-то, что дало имъ возможность открыть вора.

Никто не спрашивалъ себя, да все равно не могъ и догадаться, въ чемъ состояло это что-то. Каждый думалъ только и чувствовалъ, что это была какая-то сила, при посредствѣ Василины оказавшая имъ такую услугу. Еще въ тотъ-же вечеръ Варка носилась по селу, а измученная Параска бродила изъ хаты въ хату съ пискливымъ ребенкомъ на рукахъ и обѣ на перерывъ, одна быстро и запальчиво, другая медленно и туповато, разсказывали обо всемъ, происходившемъ въ хатѣ старосты.

Потомъ ходили уже только глухіе толки о томъ, что дальше произошло между Петромъ и Яковомъ Шишкою. Кажется, что первый въ порывѣ сильнаго гнѣва, которому онъ подвергался изрѣдка, избилъ Якова въ его собственной хатѣ и грозилъ привлечь его къ суду, если тотъ не сознается въ своей винѣ и не возвратитъ украденныхъ вещей.

Яковъ зналъ уже по опыту, что отъ суда не всегда можно такъ легко отдѣлаться, да и не хотѣлось на старости лѣтъ въ третій разъ отправляться въ тюрьму. Наконецъ, когда сыновья и дочери старика, съ малыми дѣтьми на рукахъ бросились къ ногамъ старосты, умоляя не разорять ихъ хозяйства, виновный расплакался, во всемъ сознался Петру и возвратилъ все сало и пять штукъ холста. Что касается остальной половины холста, онъ божился, что какъ-то случайно потерялъ его дорогою, а колбасы какимъ-то образомъ съѣли собаки. Онъ плакалъ, билъ себя въ грудь, ѣлъ землю и заклиналъ себя на вѣчную погибель, въ доказательство справедливости своихъ словъ. Всѣ домашніе столпились въ одинъ уголъ и молчали, зная отлично, что дѣло было совсѣмъ иначе. Они только думали про себя: а что если-бы вдругъ Петръ повѣрилъ и пять штукъ холста вмѣстѣ съ колбасами остались-бы въ хатѣ!? Хотя Петръ и не повѣрилъ, но гнѣвъ его начиналъ уже проходить и наконецъ онъ видѣлъ, какая бѣдность царила въ хатѣ у Якова и сколько въ ней было народу. Тутъ было

старыхъ и малыхъ, и молодыхъ. Столько людей губить за вину одного человѣка, да притомъ и самому еще набраться не мало хлопотъ. Петръ махнулъ рукою, сообразивши все это, забралъ то, что было отдано, а объ остальномъ проворчалъ сквозь зубы:

— Господь милосердный на тимъ свити заплатить мени за цю кривду...

Тѣмъ дѣло и кончилось, но другіе жители села долго еще вспоминали о немъ. Первый не могъ забыть о немъ самъ Яковъ Шишка, который съ тѣхъ поръ возненавидѣлъ Василину и каждый разъ при встрѣчѣ съ нею сердито отплевывался и бормоталъ:

— Изгинь, пропади, нечиста сило!

Ничто въ мірѣ не въ состояніи было-бы поколебать въ немъ увѣренности, что какая-то таинственная, ей одной извѣстная сила, открыла этой женщинѣ его поступокъ; онъ ненавидѣлъ и въ тоже время боялся ея. Начали бояться ея также и нѣкоторыя женщины, но были и такія, которыя души въ ней не чаяли. Такъ напримѣръ она посовѣтовала молодой Лободихѣ, которую трясла жестокая лихорадка, какъ только увидитъ перваго вылупившагося раннею весною цыплепка или утенка, въ тоже мгновеніе поскорѣе зазязать на платкѣ или на передникѣ узелокъ.

— Якъ рукою одниме! увѣряла она.

Дѣйствительно какъ рукой сняло. Лободиха, которая начинала уже худѣть, терять силы и чахнуть, избавилась отъ лихорадки, и была чрезвычайно благодарна Василинѣ, потому что имѣла молодаго мужа и злую придирчивую въ работѣ свекровь. Другой женщинѣ во время трудныхъ родовъ она дала питье изъ десяти различныхъ сортовъ травъ, называемое *девятораника*, также оказавшееся весьма дѣйствительнымъ. Въ хатѣ у Василины всегда было множество засушенныхъ травъ, изъ которыхъ каждая предназначалась для особой болѣзни. Отъ боли горла она давала *шавлію*, отъ кашля *дывину* и *собачу рожу*, отъ боли въ поясницѣ *деревей*, отъ спазмъ въ животѣ *чебрецъ* и *мяту*. Отъ однихъ болѣзней совѣтовала бѣлый клеверъ и вишневую кору, содранную съ дерева сверху внизъ, отъ другихъ—розовый клеверъ и

такую-же кору, только содранную снизу вверхъ. Дѣтей, съ которыми дѣлались судорги, она клала на доску среди начерченнаго мѣломъ круга; если ребенка мучилъ коклюшъ, она поила его рѣповымъ сокомъ изъ той-же самой рѣпы, выдолбленной въ видѣ чашки, а не изъ какого нибудь другого сосуда. Однимъ словомъ она была неистощима въ средствахъ для помощи противъ тѣхъ болѣзней, какія чаще всего случаются въ деревенской жизни. Она не только знала эти средства, но всегда рада была подѣлиться ими съ каждымъ. Другая брала-бы за это яйца, ленъ, холстъ, куръ, хлѣбъ—все, что можно взять, а она нѣтъ. Она никогда ничего не требовала за совѣтъ, а если случалось, что та или другая женщина приносила ей что нибудь въ передникѣ или подъ полою, она отказывалась принять подарокъ, говоря:

— Не треба, не хочу, на що воно мени? Я зъ пріязни.

И дѣйствительно она всегда чувствовала любовь къ людямъ. Если, проходя по селу, случалось ей встрѣтить изнуренную женщину или болѣзненнаго ребенка, Василина никогда бывало не пройдетъ мимо, тотчасъ остановится и распрашиваетъ.

— А що зъ нимъ? А де болыть? А може то зъ якои пригоды? а шо жъ то за пригода?

Распросивши, въ чемъ дѣло, она посовѣтуетъ какую нибудь траву или другое какое средство противъ людского горя, а если уже не придумаетъ никакого средства, то хоть потолкуетъ со взрослымъ о его несчастьи, покачаетъ головою въ знакъ сочувствія, подержитъ на рукахъ ребенка, приласкаетъ, поцѣлуетъ худыя щечки и тогда уже идетъ своею дорогою. Слыша, что къ ней постоянно приходятъ за совѣтами, старая Оксана молчала годъ или два, потомъ начала безпокоиться и наконецъ бранить внучку.

— А чого ты, якъ та сука, разъ по разъ вытягаешъ языка передъ людьми? Те и те ный, такъ и такъ роби! Диждешъ одъ нихъ подяки, ще видьмою тебе зроблять...

Василина облокотилась на метлу и задумалась. Черезъ минуту она заговорила въ раздумьи:

— Отъ бачите, бабуню, мени здается, що якъ давъ мени Господь щастя, то я вже дуже цей свитъ полюбила... я ёго и зъ початку любила, а якъ вже Михалко зо мною одружився, такъ ще бильше полюбила... А теперъ Михалко де дали все липшій... и достатокъ усякій прибувае, и дити прибувають, и все мени лнпше да краще живеться, а я цей свитъ де дали то усе бильше люблю и все, що тильки есть на свити, люблю... и тепле сонечко Боже, и тіи зори ясненьки, и дерево, що шумить, и тіи квиточки пахущи, и людей усихъ, и кожне Боже створене... усе чисто люблю... и рябка люблю .. Цуцу! цуцу! на!

И съ этими словами бросила кусокъ черстваго хлѣба гадкой дворнягѣ, чорной съ бѣлыми пятнами, погладила ея твердую шерсть и, продолжая подметать хату, запѣла во весь голосъ:

Тамъ на доли, на пригори,
Посіяли просо.
Ой тамъ ходивъ Ивасенько
До дивчины босо!

Оксана хотѣла было еще поворчать.

— Ой, молода та дурна! прошептала она; но солнечные лучи, проникавшіе черезъ окно, такъ пріятно согрѣвали старую голову, а по хатѣ расходилса запахъ жарившагося въ печи сала и веселая громкая пѣсна внучки. Къ чему дѣлать выговоры этой счастливой вѣтренницѣ, или предсказывать худое? И сама старуха улыбнулась довольной улыбкой и, наклонивши на бокъ голову, внимательно прислушивалась, не проснется-ли и не запищитъ-ли въ люлькѣ малютка Христя. А то руки уже устали прясть и пріятно было-бы подержать на колѣнахъ правнучку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТРЕВОГА НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

26 февраля 1886 г. исполнилось ровно 25 лѣтъ, какъ умеръ одинъ изъ величайшихъ народныхъ поэтовъ, Т. Г. Шевченко. Четверть вѣка минуло, какъ умолкли вѣщія струны «Кобзаря» Украйны. Много въ это время пережито ею и переиспытано; много измѣнилось и вокругъ нее и въ ней самой: смѣнилось одно поколѣніе другимъ не даромъ...

Но значеніе Шевченка, какъ вообще значеніе народныхъ поэтовъ, не скоропроходяще: они живутъ и по смерти одною жизнію съ своимъ народомъ, поддерживаютъ въ немъ его самосознаніе, бодрость духа и надежды въ будущемъ, отъ того и память ихъ тревожитъ подъ часъ тѣхъ, кто приходитъ въ соприкосновеніе съ народомъ, ихъ чествующимъ.

Горячо любившій малорусскій народъ, одинъ изъ лучшихъ сыновъ его, Т. Г. Шевченко, еще задолго до своей смерти, въ своемъ «Заповитѣ» (1845 г.), выразилъ желаніе на счетъ мѣста своего погребенія на родинѣ.

Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли—
Середъ степу широкого,
На Вкраини мылій:
Щобъ ланы широкополи,
И Днипро, и кручи
Було видно, було чути,
Якъ реве ревучій...

Воля покойнаго поэта была въ точности исполнена родными, друзьями и почитателями его памяти. Послѣдніе его останки, пере-

везенные изъ Петербурга въ Украйну, были преданы землѣ 10 мая 1861 года вблизи г. Канева, на правомъ берегу Днѣпра, на возвышенной площадкѣ очень высокой горы, спускающейся обрывомъ къ берегу.

Могила Шевченка представляетъ необыкновенную насыпь въ величину древнихъ могилъ доисторическаго періода. Громадный курганъ—вотъ *Тарасова могила*, на которой высокій крестъ еще издали напоминаетъ проѣзжающимъ по Днѣпру о мѣстѣ упокоенія славнаго «Кобзаря» Украйны. Могила эта стала любимымъ мѣстомъ посѣщенія не только проѣзжихъ, но и мѣстныхъ жителей—мѣщанъ, крестьянъ, богомольцевъ. По количеству «стежокъ», ведущихъ на эту могилу, дѣйствительно можно сказать, что «къ ней не заростетъ народная тропа»... Какой еще высшей награды для народнаго поэта?

Но эта самая могила, съ тѣхъ поръ, какъ она насыпана, уже неоднократно возбуждала и возбуждаетъ разнаго рода толки и недоразумѣнія. Источникъ этихъ печальныхъ недоразумѣній чаще всего неизвѣстенъ. По свойственной намъ, русскимъ, привычкѣ, мы хотя считаемся съ фактомъ, но рѣдко заглядываемъ въ прошлое, чтобы поискать причину его, источникъ. Оттого мы весьма часто становимся орудіемъ ловко задуманной и искусно веденной интриги нашихъ противниковъ и, гоняясь за призраками, служимъ ихъ «справѣ», собственными руками дѣлаемъ ихъ дѣло въ ущербъ и государству, и родинѣ, и родному намъ русскому народу, которому всецѣло посвящена муза Шевченка.

Въ нашемъ портфелѣ случайно сохранилось нѣсколько документовъ, относящихся къ первой тревогѣ, поднятой надъ свѣжей могилой Т. Г. Шевченка въ 1861 году. Документы эти даютъ возможность нѣсколько приподнять завѣсу, подъ которою скрывается источникъ неблагопріятныхъ толковъ и слуховъ, время отъ времени возбуждаемыхъ могилой Шевченка. Мы сочли долгомъ подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» этимъ интереснымъ дѣломъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на недавнія времена и происшествія.

I.

14 іюня 1861 года, поздно вечеромъ, *русскій* помѣщикъ каневскаго уѣзда, генералъ-лейтенантъ въ давней отставкѣ, князь

Лопухинъ получилъ отъ сосѣда своего, владѣльца с. Межиричи, *поляка* Парчевскаго письмо на *французскомъ* языкѣ. Въ немъ Парчевскій извѣщалъ князя ни болѣе, ни менѣе, какъ о существующемъ въ г. Каневѣ и м. Корсунѣ заговорѣ противъ помѣщиковъ и предстоящемъ поголовномъ ихъ истребленіи. По словамъ Парчевскаго, въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ агентовъ этого заговора, особенно выдѣляются послѣдователи недавно погребеннаго надъ Днѣпромъ малорусскаго поэта Шевченка. Жалуясь на безпечность полиціи, Парчевскій проситъ кн. Лопухина прислать къ нему какого-то Змѣевскаго, для розысковъ по этому дѣлу: «данныя», говоритъ онъ, которыми я располагаю, «невымышлены», «время не терпитъ»..., «каждому позволено защищать свою жизнь»...

Князь Лопухинъ, лѣтъ 30-ть уже безвыѣздно жившій въ своей великолѣпной резиденціи, былъ въ то время въ весьма преклонныхъ лѣтахъ; въ его имѣніи въ 1855 г. происходило сильное волненіе крестьянъ, съ трудомъ усмиренное. Зловѣщее письмо сосѣда не могло не потревожить его. Но къ утѣшенію его какъ разъ въ ту пору у него гостилъ флигель-адъютантъ кн. Лобановъ-Ростовскій, командированный, по высочайшему повелѣнію, въ кіевскую губернію для наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ Положеній 19 февраля 1861 года. Письмо тотъ часъ было передано ему кн. Лопухинымъ, и кн. Лобановъ-Ростовскій, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, поспѣшилъ отправиться къ помѣщику Парчевскому, съ цѣлью получить отъ него болѣе подробныя свѣдѣнія по столь важному дѣлу. Вмѣсто этого, онъ получилъ отъ Парчевскаго особую записку, также на французскомъ языкѣ, въ которой, среди легендарныхъ слуховъ и толковъ, могила Шевченка и его почитатели стали предметомъ доноса.

Записка начинается сообщеніемъ, что въ предмѣстіи г. Канева проживаетъ крестьянинъ-музыкантъ Грыць, о которомъ молва говоритъ, что онъ воскресъ, спустя 16 лѣтъ послѣ смерти. Парчевскій поясняетъ, что этотъ Грыць ходитъ вездѣ по окрестнымъ деревнямъ, но главное пребываніе свое имѣетъ на могилѣ Шевченка, которая вмѣстѣ съ Каневомъ и служитъ главнымъ мѣстомъ свиданія заговорщиковъ. Въ подтвержденіе этого, Парчевскій ссылается на какого-то экономa Буркота, «которому все это извѣстно», а также указываетъ на то, что этого самаго «вос-

кресшаго» Грыця всюду сопровождаетъ «сотскій с. Пекарей». Но при этомъ сообщаетъ, что какъ-бы въ качествѣ заговорщика прибылъ изъ Петербурга въ Каневъ «малорусскій писатель Кулишъ», съ намѣреніемъ потомъ «пробраться и въ м. Корсунь».

Копію съ этой записки кн. Лобановъ-Ростовскій въ тотъ-же день представилъ кіевскому генералъ-губернатору кн. Васильчикову.

Сдѣлавши съ записки переводъ, кн. Васильчиковъ 17 іюня препроводилъ ее кіевскому губернатору и просилъ тотчасъ-же командировать въ Каневъ и Корсунь жандармскаго полковника Грабовскаго и поручить ему, прибывъ на мѣсто, подъ благовиднымъ предлогомъ наблюденія за исполненіемъ крестьянской повинности въ отношеніи къ помѣщикамъ, или за успѣхами мѣръ, принятыхъ къ истребленію саранчи, совершенно секретно собрать самыя подробныя свѣдѣнія по обстоятельствамъ письма и записки помѣщика Парчевскаго. При этомъ полковнику Грабовскому предоставлялось право вызвать въ Каневъ или Корсунь самаго Парчевскаго и экономa Буркота и, при указаніи и содѣйствіи ихъ, разузнать о существованіи въ г. Каневѣ заговора, его цѣли, руководителяхъ и участникахъ, а также о крестьянинѣ Грыцѣ, сопровождающемъ его всюду сотскомъ изъ с. Пекарей, писателѣ Кулишѣ, цѣли его прибытія изъ Петербурга въ Каневъ, занятіяхъ и сношеніяхъ его въ этихъ мѣстахъ. Если по розыскамъ свѣдѣнія, сообщенныя помѣщикомъ Парчевскимъ, будутъ подтверждаться, то жандармскій полковникъ обязывался немедленно сдѣлать обыскъ у всѣхъ лицъ, на которыхъ падетъ подозрѣніе въ участіи въ заговорѣ, а когда, по обыску, найдены будутъ улики, тотчасъ-же арестовать виновныхъ и ждать дальнѣйшихъ распоряженій начальника края.

Въ виду такого важнаго дѣла кіевскій губернаторъ Гессе не ограничился посылкою, для розысковъ, жандармскаго полковника, но счелъ необходимымъ лично отправиться въ г. Каневъ, дабы успокоить его жителей, находившихся будто-бы въ неописанной тревогѣ.

Между тѣмъ генералъ-губернаторъ, вслѣдъ затѣмъ, получилъ изъ Канева еще два, уже оффиціальныя, донесенія по тому-же предмету: одно отъ исправника каневскаго уѣзда, другое отъ уѣзднаго стряпчаго.

Начальникъ уѣздной полиціи представлялъ дѣло съ подробностями еще болѣе угрожающаго характера. Вотъ сущность его до-

несенія.—Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца, въ числѣ прочихъ лицъ, прибывшихъ въ г. Каневъ вмѣстѣ съ тѣломъ академика Шевченка, прибылъ изъ С.-Петербурга служащій въ Капитулѣ орденовъ губернскій секретарь Григорій Николаевичъ *Честоховскій*. Оставшись въ Каневѣ, онъ занимается обдѣлкою могилы надъ Шевченкомъ, а также срисовываніемъ разныхъ видовъ съ натуры и раздачею и продажею разнымъ лицамъ сочиненій покойника въ отдѣльныхъ брошюрахъ. Все это и подало поводъ къ тревожнымъ слухамъ, взволновавшимъ мирныхъ обывателей Канева. Стали носиться слухи, что скоро наступитъ «Тарасова ночь», въ которую будутъ рѣзать «пановъ-ляховъ и жидовъ» и что 8 іюля, въ день панихиды надъ могилою Шевченка, прибылъ изъ Петербурга, черезъ Кіевъ, къ Честоховскому коллежскій секретарь А. Л—скій, доставившій будто бы Грыцьку, какъ называютъ Честоховскаго, сундукъ ножей; простонародье же говоритъ, что пріѣзжалъ къ могилѣ Шевченка великій князь и желалъ быть здѣсь неузнаннымъ, но его узнали будто бы рабочіе парохода. Самъ академикъ Шевченко, по народнымъ толкамъ, не умеръ, а отравленъ, и вмѣсто него въ гробѣ сохраняются ножи; а что касается Грыцька, то онъ, расхаживая въ крестьянскомъ платьи по ближайшимъ селеніямъ и храмовымъ праздникамъ, разглашаетъ, будто бы онъ внукъ славнаго гайдамаки, который рѣзалъ ляховъ и жидовъ; наконецъ этотъ же Грыцко имѣетъ тѣсную связь съ какими-то двумя-тремя неизвѣстными жителями Канева, которые, вмѣстѣ съ нимъ, постоянно заняты какою то перепискою, но лица эти будто бы не постоянно живутъ здѣсь, а пріѣзжаютъ изъ другихъ мѣстъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ толковъ и слуховъ, начальникъ полиціи, можетъ быть самъ на половину вѣрившій въ нихъ, собралъ кое какія и фактическія свѣдѣнія о Честоховскомъ. По этимъ свѣдѣніямъ «внукъ славнаго гайдамаки большую часть дня проводитъ на могилѣ Шевченка и занимается ея устройствомъ, а въ особенности снимаетъ съ натуры разные виды»; вечеромъ же проводитъ время «съ каневскимъ и сосѣднихъ мѣстъ простымъ сословіемъ обоего пола»: собираются они на могилѣ надъ вечеръ почти ежедневно, а въ особенности въ праздники, при чемъ Честоховскій «любитъ, что-бы простое сословіе обращалось съ нимъ возможно короче, называло его *ты*, *Грыцько* и т. п. Кромѣ того, онъ нерѣдко ходитъ въ ближайшія

селенія Пекари и Хмельну, гдѣ проводитъ время въ корчмѣ съ народомъ и при всякомъ случаѣ старается сбыть брошюры сочиненій Шевченка, «въ особенности поэму *Тарасова ночь*, въ которой описывается картина истребленія поляковъ и жидовъ», а также *Граматку* Кулиша, которая, какъ замѣчаетъ тотъ-же начальникъ каневской полиціи, «по содержанію своему весьма вредна и можетъ быть объясняема простымъ сословіемъ различно». Всѣ эти сочиненія Честоховскій старается сбывать если не за деньги, то даромъ—даритъ крестьянамъ и другимъ лицамъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней успѣлъ уже сбыть нѣсколько сотъ брошюръ. Правда, продолжаетъ начальникъ полиціи, «трудно обнаружить не только удостовѣреніемъ, но даже и *слѣдствіемъ* настоящую цѣль сближенія Честоховскаго съ мѣстнымъ простонародіемъ и быстраго распространенія въ значительномъ числѣ брошюръ между этимъ сословіемъ». Одни говорятъ, что распродажа книгъ производится для покрытія издержекъ на расходы по погребенію Шевченка; другіе, что для доставленія средствъ къ жизни его бѣднымъ родственникамъ, а нѣкоторые—чтобы за вырученныя деньги устроить въ память Шевченка ремесленный домъ, для обученія мѣстныхъ мальчиковъ. «Всѣ эти мнѣнія, заключаетъ полицейскій начальникъ, не правдоподобны уже собственно потому, что продажа брошюръ производится какъ бы тайкомъ, но усиленно, безъ вѣдома и участія мѣстнаго начальства, тогда какъ наше правительство всегда съ рьянымъ усердіемъ содѣйствуетъ всякому частному благому намѣренію».

О вредности сочиненій самаго Шевченка исправникъ докладывалъ по начальству, что «въ нихъ весьма занимательно обрисована былая когда-то Украйна, съ ея рѣзкими событіями, съ ея населеніемъ свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ». По мнѣнію исправника, посредствомъ этихъ сочиненій Честоховскій «желаетъ какъ-бы исподоволь разъяснить простому народу стѣснительныя для него теперишнія узаконенія русскаго правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ возобновить въ памяти былыя времена Украйны».

Признавая полное отсутствіе уликъ для обвиненія Честоховскаго въ распространеніи тревожныхъ слуховъ, исправникъ все таки находилъ «пребываніе его здѣсь весьма опаснымъ для общественнаго спокойствія», ибо, говоритъ онъ, «тревожные слухи могутъ распространяться и въ болѣе отдаленныя отъ Канева мѣстности». Нерѣ-

шался онъ и на обыскъ у Честоховскаго, и тѣмъ не менѣе писалъ, что считаетъ безусловно необходимымъ его скорѣйшій выѣздъ, тѣмъ болѣе, что онъ проживаетъ уже по просроченному отпуску,

Подобныя же свѣдѣнія, только въ болѣе сжатомъ и обобщенномъ видѣ, представилъ генералъ-губернатору и каневскій стряпчій. Подтверждая ходившіе въ Каневѣ слухи, возбужденіемъ которыхъ должно быть признано пребываніе Честоховскаго на могилѣ Шевченка, стряпчій говоритъ, что «по воскресеніямъ и праздничнымъ днямъ, когда люди свободны отъ работъ, на могилѣ Шевченка можно видѣть всегда большое стеченіе народа и въ особенности дѣвокъ и паробковъ. Здѣсь они, по цѣлымъ ночамъ пьянствуя и безчинствуя, слушаютъ разсказы Грыцька, который вообще дѣйствіями своими возбуждаетъ подозрѣніе».

Всѣ эти свѣдѣнія и донесенія возбуждали невольную тревогу и подымали цѣлое политическое дѣло. Шуточное ли дѣло, ножи въ могилѣ Шевченка, и эти нескончаемые толки въ народѣ, и какіе-то народолюбцы въ средѣ его, темныя личности, то появляющіяся, то исчезающія.

II.

Начались розыски. Кто такой Л—скій? чего ради пріѣзжалъ онъ? Оказалось: Л—скій, коллежскій секретарь; служитъ въ сенатѣ; ищетъ мѣсто мироваго посредника у себя на родинѣ, въ конотопскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи. Въ Кіевъ онъ пріѣхалъ въ числѣ сопровождавшихъ тѣло Шевченка; бывалъ чаще всего у родственниковъ покойнаго поэта и у инспектора 2 гимназіи Чалаго (позже біографа Т. Г. Шевченка).

Но пока ходятъ бумаги въ Кіевъ и изъ Кіева, начальникъ каневской полиціи поручаетъ старшему засѣдателю полиціи Монастырскому произвести по этому дѣлу негласное дознаніе. Одновременно онъ проситъ начальника края, «по важности происшествія», назначить особую коммисію, для произведенія слѣдствія надъ Честоховскимъ. А 17 іюля доноситъ о томъ, что по «полученному имъ частному свѣдѣнію, вѣрность котораго совершенно ничѣмъ еще не подтверждается, въ 3 станѣ каневскаго уѣзда, въ одномъ изъ селеній, формируются три шайки изъ крестьянъ, которыя готовятся пройти въ Каневъ для истребленія ляховъ-пановъ и евреевъ». Въ виду

этихъ «частныхъ свѣдѣній», исправникъ проситъ генералъ-губернатора, «для предупрежденія могущихъ произойти безпорядковъ, командировать въ Каневъ и уѣздъ, сверхъ находящагося тамъ баталіона Алексопольскаго полка, еще хотя двѣ роты пѣхоты».

Засѣдатель полиціи Монастырскій усердно производитъ дознаніе надъ Честоховскимъ, «на поведеніе его устремляетъ все вниманіе» и «изъ подъ руки» добываетъ такія диковинныя свѣдѣнія. «Честоховскій явился въ нашъ край, чтобы возмутить простой народъ къ низверженію общаго порядка и произведенію ужасныхъ кровавыхъ сценъ; для достиженія сего, онъ внушаетъ народу слѣпо вѣрить, что крестьяне вышли изъ крѣпостной зависимости по старанію Шевченка, что государь императоръ, не соглашавшійся на это, заключилъ было Шевченка въ тюрьму, но твердая воля Шевченка заставила государя уступить ему, что Шевченко хотѣлъ отмстить за угнетеніе народа, но будучи призванъ къ Богу, гдѣ находится съ душею и тѣломъ, оставилъ это дѣло на Честоховскаго, который не позволитъ теперь испортить это дѣло, а сдѣлаетъ все, что угодно народу; что великій князь Константинъ пріѣдетъ въ Каневъ объявить народу, чтобы перечистить свѣтъ, а въ помощь народу явится изъ Запорожья, Черноморіи, Дуная и Петербурга 25 тысячъ состоящихъ въ распоряженіи Честоховскаго козаковъ»... «Говоря о Шевченкѣ, какъ объ избранникѣ Божіемъ для освобожденія народа, Честоховскій приводитъ въ трепетъ всѣхъ тѣхъ, кто не хочетъ быть ему преданъ. Вѣрованіе въ силу, славу и святость Шевченка до того стало фанатическимъ, что народъ разсказываетъ уже и о сбывшихся будто бы чудесахъ. У одной напримѣръ женщины былъ сынъ калѣка; она только разъ помолилась Шевченку—и сынъ ея будто бы совершенно выздоровѣлъ. Народъ, стекаясь на могилу Шевченка по воскресеньямъ, въ праздничные и даже рабочіе дни, въ огромныхъ массахъ, пьянствуетъ на счетъ Честоховскаго, а онъ, не щадя денегъ на водку, научаетъ молодыхъ и старыхъ пѣть гайдамацкія пѣсни, браня страшно тѣхъ, кто поетъ русскія пѣсни; разсказывая же, какъ въ старину предки рѣзали ляховъ и жидовъ, толкуетъ, что время это вскорѣ возобновится и Малороссія съ восторгомъ будетъ смотрѣть на пламя, которое вспыхнетъ въ одинъ моментъ въ Чигиринѣ, Уманѣ, Черкассахъ и Каневѣ».

«Въ прошлую субботу, добавлялъ Монастырскій, могила Шевченка была окружена массою народа, простиравшеюся до 1000 человѣкъ, и когда туда же прибылъ, вѣроятно сообщникъ Честоховскаго, какой-то молодой человѣкъ, то его выдавали за великаго князя Константина». По дальнѣйшимъ словамъ донесенія, «мѣщанинъ Степанъ Кутахъ, дѣлавшій по заказу Честоховскаго крестъ для установки на могилѣ Шевченка, положительно разъяснялъ, что народъ приготовляется къ ужасному безпорядку, что Честоховскій приводитъ людей въ страшное уныніе: онъ записываетъ на бумагу тѣхъ, къ кому нерасположенъ, и люди эти опасаются ссылки на Кавказъ; крестьяне же селенія Хмѣльной пребываютъ въ страхъ изъ-за того, что, по волѣ Честоховскаго, деревня ихъ черезъ 40 дней будетъ совершенно уничтожена, исключая 2 хозяевъ, заслужившихъ его расположеніе».

Передавая всѣ эти слухи, толки и собственныя свѣдѣнія, мѣстныя власти предъусматривали страшное возмущеніе и для обороны края отъ грозившихъ бѣдствій настоятельно требовали военныхъ подкрѣпленій...

III.

Генералъ-губернаторъ, однако, сразу посмотрѣлъ на это дѣло нѣсколько иначе. Въ ожиданіи разслѣдованія онаго полковникомъ Грабовскимъ, кн. Васильчиковъ, донося, 21 іюля 1861 года, о всѣхъ слухахъ и толкахъ въ Петербургѣ, въ заключеніе писалъ: «тѣмъ не менѣе я полагаю, что существованіе заговора въ Каневѣ съ преступною цѣлью и слухи о формирующихся будто бы шайкахъ крестьянъ для истребленія пановъ-ляховъ и жидовъ слишкомъ преувеличены и возникли вслѣдствіе *боязливо-настроеннаго воображенія о крестьянахъ помѣщиковъ изъ поляковъ, которые въ малѣйшемъ народномъ движеніи видятъ угрозу себѣ*». Относительно же Честоховскаго и его безтактныхъ дѣйствій, признаваемыхъ мѣстными властями крайне предосудительными, чуть не революціонными, кн. Васильчиковъ въ томъ же донесеніи замѣчаетъ только, что Честоховскій принадлежитъ «къ числу приверженцевъ малороссійской народности и своими необдуманными дѣйствіями могъ подать поводъ къ тревожнымъ толкамъ въ мѣстахъ, полныхъ преданій и воспоминаній о кровавой борьбѣ Малороссіи съ Польшею».

Тѣмъ временемъ собираніе свѣдѣній и разслѣдованіе о мнимомъ «заговорѣ противъ помѣщиковъ» шло своимъ чередомъ. Губернаторъ производилъ дознаніе лично въ Каневѣ; полковникъ Грабовскій сперва въ Корсунѣ, а за тѣмъ также въ Каневѣ.

Въ трехъ донесеніяхъ генералъ-губернатору, отъ 20, 23 и 25 іюля, кіевскій губернаторъ Гессе не открываетъ ничего новаго; онъ только удостовѣряетъ, что всѣ слухи и толки о мнимомъ заговорѣ и шайкахъ крестьянъ вызвалъ «занимавшійся обдѣлкою могилы Шевченка губернскій секретарь Честоховскій—своими разсказами и чтеніемъ сочиненій Шевченка о гайдамачинѣ, запорожцахъ, козачьей вольности, ненависти къ полякамъ и мщеніи за угнетеніе ими свободы и вѣры малороссіянъ, а также распространеніемъ между простонародьемъ сочиненій Шевченка и Кулиша». Губернаторъ прибавлялъ, что «для успокоенія тревоги между жителями изъ поляковъ и евреевъ онъ нашелъ нужнымъ поставить въ Каневѣ на нѣкоторое время сотню казаковъ», а относительно Честоховскаго замѣчаетъ: «это точно такой же хлопоманъ, какъ тѣ, которыхъ мы знаемъ въ кіевскомъ университетѣ»; всѣ дѣйствія его «клонились лишь къ оживленію въ народѣ малороссійской національности».

Не смотря однако на такой по видимому снисходительный отзывъ какъ о единственномъ виновникѣ произшедшей смуты, такъ и о самой смутѣ, въ послѣднемъ своемъ донесеніи кіевскій губернаторъ усиливаетъ свое о нихъ мнѣніе. «Съ какою цѣлью, пишетъ здѣсь Гессе, поступалъ такъ Честоховскій, неизвѣстно; я увѣренъ только, что дурныя сѣмена сѣялъ онъ на здѣшней почвѣ. Надобно желать, чтобы крестьяне, это мирное земледѣльческое сословіе, воспользовались своею свободою не въ духѣ гайдамачества и козачества временъ гетманскихъ, а путемъ добрыхъ отношеній съ прежними ихъ владѣльцами. Я нахожу во всякомъ случаѣ, а въ особенности въ здѣшнемъ краѣ, поведеніе Честоховскаго вреднымъ и убѣжденъ, что какую бы не имѣли цѣль эти господа, пріобрѣтая довѣріе къ себѣ крестьянъ, на такихъ основаніяхъ они готовятъ въ будущемъ печальныя послѣдствія такому классу людей, который, при необразованіи своемъ и непониманіи настоящаго своего положенія, дѣйствительно нуждается въ благонамѣренномъ и добросовѣстномъ руководительствѣ».

Въ проэктируемыхъ губернаторомъ по поводу всего произшедшаго мѣрахъ видна таже тревога—навѣянная свѣжими впечатлѣніями, полученными на мѣстѣ. «Для сохраненія общественнаго спокойствія, мирнаго исхода настоящаго преобразованія и будущаго народнаго счастія,• должно, по его мнѣнію, обратить особенное вниманіе на малороссійскія національныя выходки и принять строгія мѣры къ прекращенію зла въ самомъ его началѣ»; въ тоже время произведеніе формальнаго слѣдствія надъ Честоховскимъ онъ находитъ ненужнымъ, такъ какъ слѣдствіе это охватило бы тысячи людей, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Честоховскимъ, что едва ли было бы «соотвѣтственно обстоятельствамъ въ такомъ дѣлѣ, котораго гласность желательно было бы избѣжать». Признавая полезнымъ вызвать Честоховскаго въ Кіевъ и допросить, относительно успокоенія встревоженныхъ поляковъ и евреевъ г. Канева губернаторъ считаетъ вполнѣ достаточнымъ расквартированіе тамъ сотни казаковъ; а дабы устранить подобные случаи на будущее время, находитъ нужнымъ предписать полиціи имѣть строгій надзоръ за всѣми пріѣзжающими на могилу Шевченка, и если «они будутъ разсказывать крестьянамъ о былыхъ гайдамацкихъ, запорожскихъ и казацкихъ временахъ, или дѣлать какія бы то ни было вредныя внушенія, то таковыхъ обязывать подписками сейчасъ же оставлять Каневъ», и въ то же время, каждый разъ, доносить по начальству. Въ заключеніе губернаторъ признаетъ вредными въ рукахъ крестьянъ здѣшняго края «сочиненія Шевченка, Кулиша и др., имъ подобныхъ» и распространеніе ихъ находитъ необходимымъ совершенно воспретить; «вобще» же признаетъ полезнымъ «распространять грамотность на русскомъ языкѣ чрезъ священниковъ и лицъ заслуживающихъ довѣріе».

Взвѣсивши всѣ эти донесенія, кн. Васильчиковъ посмотрѣлъ и на сей разъ на дѣло съ болѣе широкой точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе спокойно, менѣе односторонно и болѣе «соотвѣтственно обстоятельствамъ». Вполнѣ раздѣляя взглядъ губернатора на поведеніе Честоховскаго, «подавшаго поводъ своими необдуманными дѣйствіями къ тревожнымъ толкамъ и опасеніямъ жителей, и соглашаясь въ необходимости бдительнаго наблюденія за слишкомъ крайними проявленіями малороссійской національности, но не видя, однако, никакой необходимости обращаться въ

этомъ отношеніи къ какимъ-либо строгимъ мѣрамъ, которыя должны должны быть принимаемы лишь въ случаѣ дѣйствительнаго открытія вредныхъ или преступныхъ замысловъ», генералъ-губернаторъ «признавалъ достаточнымъ, пока ничего подобнаго не обнаружено и все дѣло заключается только въ пустомъ страхѣ и неосновательныхъ опасеніяхъ, навѣянныхъ слишкомъ пугливымъ воображеніемъ, ограничиться внимательнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями подобныхъ Честоховскому малороссійскихъ пропагандистовъ, чтобы имѣть возможность во время сдержать ихъ слишкомъ горячіе порывы и не дозволить имъ выйти за предѣлы благоразумія», «въ случаѣ же положительнаго удостовѣренія въ дѣланіи ими вредныхъ внушеній простонародью, не ограничиваться уже приказаніемъ оставить Каневъ, а принять въ то же время мѣры къ обезпеченію личности, для преданія ихъ законной отвѣтственности».

Что касается мнѣнія губернатора о воспрещеніи сочиненій Шевченка и Кулиша, то князь Васильчиковъ находилъ «возможнымъ сдѣлать это только въ отношеніи малороссійекихъ букварей послѣдняго; «сельскія школы, говоритъ онъ, въ здѣшнемъ краѣ открыты правительствомъ и имъ же разосланы для обученія крестьянъ русскіе буквари, а потому другіе буквари не должны быть допускаемы въ этихъ школахъ».

Не считалъ нужнымъ генералъ-губернаторъ и производство формальнаго слѣдствія по дѣлу Честоховскаго; но поручалъ немедленно вызвать его въ Кіевъ, распросить о цѣли и намѣреніяхъ его и приказать ему возвратиться обратно въ Петербургъ, сдѣлавъ «строгое внушеніе держать себя осторожнѣе и осмотрительнѣе», а также «обязать его подпискою не возвращаться сюда безъ особаго разрѣшенія начальства».

IV.

Въ то время, когда мѣстными разслѣдованіями выяснилась уже съ достаточною полнотою вся картина этого громкаго дѣла и князь Васильчиковъ въ своемъ сообщеніи въ Петербургъ, 28 іюля, высказался, что «все дѣло заключается только въ пустомъ страхѣ и неосновательнюхъ опасеніяхъ, навѣянныхъ слишкомъ пугливымъ воображеніемъ», источникъ возбужденія самаго дѣла начинаетъ открываться

1-го августа генералъ-губернаторъ получилъ письмо отъ кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Горвата, въ которомъ послѣдній доводитъ до его свѣдѣнія, что, по донесенію каневскаго уѣзднаго предводителя дворянства Янковскаго, «въ каневскомъ уѣздѣ появились злонамѣренныя лица, которые, подъ разными предлогами, собирая на могилѣ Т. Шевченка тамошнихъ мѣщанъ и сосѣднихъ крестьянъ, поселяютъ въ сихъ послѣднихъ ненависть къ помѣщикамъ, для большаго же раздраженія умовъ ихъ и воспламененія чувствъ негодованія какъ къ помѣщикамъ, такъ и къ другимъ высшаго образованія сословіямъ, разсказываютъ имъ, читаютъ и по своему толкуютъ избранныя къ предположенной цѣли статьи и отрывки изъ разныхъ сочиненій о кровавыхъ событіяхъ гайдамацкой рѣзи, начальниковъ разбойничьихъ шаекъ Гонту и Желѣзняка изображаютъ передъ простонародьемъ какъ бы священныхъ героевъ, а самую рѣзь, произведенную, по ихъ выраженію, священными ножами, представляютъ дѣломъ правымъ, составляющимъ славу здѣшняго народа. Къ могилѣ Шевченка, котораго, по внушенію его друзей, простонародье стало почитать пророкомъ, а каждое его слово завѣтомъ для народа, стекается множество посѣтителей, и распространилась молва о надеждахъ крестьянъ въ будущемъ завладѣть безвозмездно помѣщичьею землею, о зарытыхъ въ могилѣ надъ прахомъ Шевченка священныхъ ножахъ, о томъ, что вскорѣ настанетъ часъ, когда по прежнему будутъ рѣзать пановъ, чиновниковъ и духовенство, скрывающихъ права народа».—«Независимо отъ сего, пишетъ далѣе г. Горватъ, я получилъ отъ пріѣзжающихъ изъ каневскаго уѣзда помѣщиковъ свѣдѣніе, что на могилу Шевченка стекается каждодневно огромное число поклонниковъ изъ крестьянъ, точно какъ бы къ святому мѣсту и что сочиненія Шевченка о «Гайдамакахъ», «Тарасовой ночи» и «Граматка» другаго автора раздаются по самой нинтожной цѣнѣ и даромъ». Горватъ, согласно со взглядами предводителя Янковскаго, находилъ, что «пока означенныя сочиненія составляли предметъ чисто литературный и оставались въ сферѣ людей образованныхъ, онѣ, конечно, не могли произвести содержаніемъ своимъ вреднаго вліянія на читателей; но когда нынѣ распространяются онѣ между простымъ народомъ, съ устными толкованіями, настроенными, очевидно, для

нами («?» поставленъ рукою кн. Васильчикова) и раздаются даромъ извѣстными лицами и толкуются крестьянамъ, сообразно разумѣнію и скрытой цѣли распространителей пропаганды, когда злодѣевъ стараются изобразить предъ простолюдиномъ священными героями и такимъ, хотя косвеннымъ, образомъ возбудить слушателей и читателей къ повторенію столь прославленныхъ дѣяній, каковы месть, рѣзь и кровопролитіе, когда эта пропаганда началась со дня перенесенія тѣла Шевченка въ Каневъ и съ появленіемъ тамъ воспитанника его Честоховскаго, когда наконецъ въ уѣздѣ повсемѣстно распространилась объ этомъ молва между всѣми сословіями общества:—должно полагать, что это не можетъ быть безъ основанія, а должны быть руководители, волнующіе умы съ какою-то тайною цѣлью и что по всей вѣроятности Честоховскій, проповѣдующій гайдамацкія идеи и при встрѣчѣ съ крестьянами обращающійся къ нимъ со словами: «Здрастуйте, гайдамаки!»—играетъ въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль. Хотя же и нѣтъ положительныхъ фактовъ къ обвиненію кого-либо въ прямомъ возбужденіи крестьянъ къ истребленію помѣщиковъ и никто съ поличнымъ не явился, но это еще не доказываетъ, чтобы мысль этого рода не существовала дѣйствительно [1]). Безъ сомнѣнія, большинство населенія не увлеклось бы пропагандою, но она можетъ вредно дѣйствовать на единицы и мало по малу раздувать брошенную искру вражды. Такія единицы, какъ доноситъ каневскій предводитель дворянства, замѣтны уже по таинственности въ разговорахъ и обхожденіи, по угрюмости, отпечатлѣвающейся въ глазахъ ихъ и на лицѣ: онѣ-то возбуждаютъ тревогу въ жителяхъ Канева и окрестностей его. Если заблаговременно не будутъ приняты энергическія мѣры къ прекращенію пропаганды, могутъ послѣдовать важные безпорядки, угрожающіе личной безопасности помѣщиковъ».

---

[1]) Каневскій уѣздный предводитель дворянства Янковскій по этому случаю говоритъ: „народъ здѣшній умѣетъ упрямо сохранять всякую такого рода тайну. Лучшимъ доказательствомъ того служитъ дѣло о совершенномъ 5 лѣтъ тому назадъ убійствѣ помѣщика Гудимъ-Левковича крестьянами с. Григоровки. Преступленіе это, совершенное многими лицами, безъ сомнѣнія, извѣстно многимъ; не смотря на то, долговременныя усилія произведенныхъ неоднократно [illegible] остались тщетными“.

Изложивши все это, представитель кіевскаго дворянства проситъ генералъ-губернатора «не оставить зависящимъ распоряженіемъ къ открытію распространителей между крестьянами гайдамацкихъ идей, удаленію виновныхъ, въ томъ числѣ и г. Честоховскаго, изъ каневскаго уѣзда, къ прекращенію вліянія этихъ лицъ на крестьянъ и распространенія между ними волнующихъ умы сочиненій, воспрещенію скопищъ простонародья на могилѣ Шевченка и *перенесенію тѣла сего послѣдняго въ такое мѣсто, гдѣ сборища и демонстраціи не могли-бы имѣть мѣста*» (каневскій предводитель дворянства Янковскій предлагалъ только разрыть могилу и показать народу, что въ ней не было освященныхъ ножей).

Въ заключеніе предводитель кіевскаго «шляхетства» (русское дворянство въ то время, по землевладѣнію, представляло $^1/_{10}$ и было въ такомъ загонѣ, что съ нимъ считали унизительнымъ даже заговаривать по русски, а говорили и даже писали, какъ и въ этомъ дѣлѣ, по французски) обращается къ кн. Васильчикову съ такими жалостливыми словами: «ваше сіятельство! Дворянство остается въ полномъ упованіи, что вы не откажите принять живѣйшее участіе въ настоящемъ дѣлѣ, оказать помѣщикамъ начальничье покровительство и властію своею отклонить грозящія бѣдствія».

Если принять въ соображеніе, что первая вѣсть о мнимомъ заговорѣ пущена въ ходъ польскимъ помѣщикомъ чрезъ русскаго князя, имѣвшаго у себя гостемъ высочайше довѣренное лице, что вся почти уѣздная полиція состояла еще тогда изъ поляковъ, что польскіе паны, какъ видимъ изъ приведенной переписки, сновали въ Каневъ и обратно, раздувая ходившіе слухи, что хлопотавшіе предъ высшею властію объ усмиреніи не существовавшаго заговора уѣздный и губернскій предводители дворянства были также поляки и что польское дворянство кіевской губерніи уже въ то время почти поголовно находилось въ тайномъ заговорѣ противъ русскаго правительства и готовило ему сюрпризомъ большую «рухавку», мечтая и всячески усиливаясь втянуть въ нее и мѣстное малорусское населеніе, то въ самомъ измышленіи ужаснаго заговора, въ раздутіи до невѣроятія бродившихъ о немъ толковъ и въ этихъ усиленныхъ просьбахъ о защитѣ нельзя не признать участія посторонней руки, старавшейся отвлечь отъ собственной «справы» вниманіе властей, натравляя ихъ то на народъ, то на «хлопомановъ»,

быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ не по разуму усердствовавшихъ. Достойно во всякомъ случаѣ вниманія то, какъ гордая шляхта, мечтавшая именно тогда о панствѣ «отъ моря до моря», тряслась при одной мысли, что туземное населеніе еще не забыло своей борьбы съ поляками и старалась оградить себя отъ взрыва народнаго негодованія, подготовленнаго и вскормленнаго вѣками...

Къ чести кн. Васильчикова нужно сказать: какъ онъ не былъ податливъ у себя въ гостинной на польскія любезности, но онъ понималъ эту «музыку»...

Получивши отъ полковника Грабовскаго, 1 августа, огромное разслѣдованіе о мнимомъ заговорѣ (на 108 листахъ) и убѣдившись, что оно рѣшительно ничего не прибавляетъ къ извѣстнымъ уже ему толкамъ и слухамъ, источникъ которыхъ, по его убѣжденію, заключался въ «слишкомъ напуганномъ воображеніи помѣщиковъ изъ поляковъ, придававшимъ «хлопоманскимъ» выходкамъ Грыцька Честоховскаго черезчуръ серьёзное значеніе, кн. Васильчиковъ распорядился вызвать этого полукомическаго «внука славнаго гайдамаки», распросилъ его подробно о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла и приказалъ ему немедленно выѣхать въ Петербургъ, на мѣсто своей службы, и больше, безъ разрѣшенія начальства, не возвращаться въ Каневъ.

Въ томъ-же смыслѣ генералъ-губернаторъ, 8 августа, отвѣчаетъ конфиденціально и предводителю дворянства кіевскаго Горвату, на его жалобу о заговорѣ противъ помѣщиковъ. «По самымъ тщательнымъ розыскамъ на мѣстѣ, пишетъ кн. Васильчиковъ, всѣ слухи оказались ложными. Вся тревога была поднята по поводу неблагоразумнаго поведенія занимавшагося въ Каневѣ обдѣлкою могилы Шевченка губернскаго секретаря Честоховскаго, который, сближаясь съ простымъ народомъ, своими разсказами и чтеніемъ сочиненій Шевченка о преданіяхъ историческихъ событій Малороссіи, далъ поводъ къ различнымъ толкамъ между простонародьемъ, а *пугливо-настроенное воображеніе возвело ихъ на степень заговора*». Увѣдомляя г. Горвата, что Честоховскій уже высланъ изъ края, съ воспрещеніемъ ему возвращаться, и что приняты мѣры къ успокоенію встревоженныхъ жителей и предупрежденію поводовъ къ подобнымъ безпокойствамъ, начальникъ края заключаетъ письмо свое нѣсколько ироническимъ увѣреніемъ польскаго пана, что

«правительство бдительно заботится объ огражденіи спокойствія *всѣхъ жителей* края, зорко слѣдитъ за всѣмъ, въ чемъ могла-бы проявиться малѣйшая попытка къ нарушенію того или другаго, имѣетъ достаточныя средства и съумѣетъ во время подавить *всякую попытку въ этомъ родѣ*». Объ этомъ кн. Васильчиковъ проситъ поставить въ извѣстность и каневскаго предводителя дворянства, г. Янковскаго.

V.

Между тѣмъ, пока «паны дерутся, у мужиковъ чубы трещатъ». Въ Каневѣ мѣстныя власти, не рѣшившіяся подступить даже въ губернскому секретарю Честоховскому и сдѣлать у него хотя-бы обыскъ, арестовываютъ и держатъ подъ арестомъ трехъ простолюдиновъ: крестьянина с. Трощина Осипа *Галабурду*, отставнаго матроса *Трусенка* и мѣщанина Захара *Дорошенка*.

Галабурда арестованъ по такому поводу. Управляющій имѣніемъ княгини Ширинской-Шихматовой, с. Грищинецъ, шляхтичъ Кгаевскій донесъ исправнику, что Галабурда, явившись къ нему, управляющему, въ домъ, въ пьяномъ видѣ, требовалъ возврата своей «свитки», оставленной годъ тому назадъ въ экономіи за потраву его скотомъ экономическаго хлѣба. Когда Кгаевскій заявилъ Галабурдѣ, что о «свиткѣ» его ничего не знаетъ, а скота на потраву пускать не совѣтуетъ, то тотъ будто-бы съ пьяныхъ глазъ отвѣтилъ: «якъ будемо мати свои поля, тогди не будемъ на чужи пускати. Поздоровъ, Боже, батька—Тараса: винъ намъ давъ свободу та чужоземци... Тарасъ три разы умиравъ, та не вмеръ: винъ и теперъ живе, а поховали тильки ёго прозваніе. Мы ждали годъ, а ще годъ пидождемъ,—тоди будемъ мати свои поля и будемо дворянами». На допросѣ у исправника Галабурда заявилъ только, что во время похоронъ Шевченка былъ въ Каневѣ и что тогда всѣмъ людямъ велѣно было молиться Богу за Тараса; о томъ-же, что крестьяне будутъ дворянами, онъ слыхалъ отъ разныхъ лицъ въ видѣ насмѣшки, по случаю освобожденія крестьянъ изъ панской зависимости; но говорилъ-ли онъ Кгаевскому что-либо болѣе, рѣшительно не помнитъ, такъ какъ во время посѣщенія его былъ сильно пьянъ».

Отставной матросъ Трусенко былъ арестованъ полковникомъ Грабовскимъ, какъ «прикосновенный къ дѣлу о крамолѣ, толкахъ

разсѣянныхъ въ толпѣ простаго народа чиновникомъ капитула орденовъ Честоховскимъ». Но въ чемъ именно выражалась эта «прикосновенность», каневскій исправникъ не зналъ, хотя и держалъ Трусенка подъ арестомъ при полиціи.

Наконецъ, каневскій мѣщанинъ Дорошенко былъ арестованъ по доносу евреекъ Филькенштейновой и Гальпериновой. Обѣ онѣ заявили исправнику, что Дорошенко, зайдя въ шинокъ къ Филькенштейновой, требовалъ въ долгъ на 10 коп. водки; а когда шинкарка въ этомъ ему отказала, то онъ будто-бы сказалъ: «коли-бъ намъ давъ Богъ скоришъ ризать васъ, бисовыхъ жидивъ, то тоди я першый буду ризать». Въ то-же время, обращаясь къ Гальпериновой, угрожалъ ей будто такъ: «перше тебе зарижу, зниму зъ шыи дукаты, построю соби хату, куплю коня и буду їздить зъ своею жинкою на спациръ» (на прогулку). Выставленный еврейками свидѣтель, мѣщанинъ Павелъ Бессарабъ, не подтвердилъ доноса, но заявилъ исправнику, что Дорошенко, на отказъ шинкарки дать ему водки въ долгъ, дѣйствительно сказалъ: «треба-бъ васъ ризать, проклятыхъ жидивъ, та никому»! Находя, что эти намѣренія полупьянаго Дорошенка «служатъ къ нарушенію общественнаго спокойствія», исправникъ передалъ объ этомъ дѣло судебному слѣдователю, а виновнаго содержалъ подъ арестомъ.

Получивши одно за другимъ всѣ эти донесенія отъ мѣстнаго блюстителя порядка и спокойствія, генералъ-губернаторъ прежде всего приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ, а исправнику, за его усердіе «не по разуму» въ этомъ дѣлѣ, черезъ кіевскаго губернатора задалъ по просту головомойку... «Во всѣхъ его дѣйствіяхъ по этому дѣлу, пишетъ кн. Васильчиковъ, видна какая-то торопливость, необдуманность и нераспорядительность. Всякимъ нелѣпымъ словамъ, произнесеннымъ въ пьяномъ видѣ кѣмъ-либо изъ простаго народа, всякой бабьей сплётнѣ онъ придаетъ важность и особенное значеніе и изъ каждаго вздора дѣлаетъ предметъ донесенія, испрашивая притомъ наставленій о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, или входя съ ходатайствами, лишенными смысла, какъ это сдѣлалъ онъ, прося *начальничьяго распоряженія къ прекращенію толковъ*».

Вотъ какъ взглянули на дѣйствія ревностнаго блюстителя за

можнаго шляхетства», оправдывавшаго на себѣ пословицу: «у страха глаза велики!»

Но извѣстно, что гдѣ достается старшему, тамъ младшій всегда въ отвѣтѣ. Когда губернаторъ Гессе получилъ отъ генералъ-губернатора «непріятную» бумагу о своемъ исправникѣ, онъ тотчасъ-же нашелъ, что не одинъ исправникъ виновенъ въ этомъ дѣлѣ, а и старшій засѣдатель полиціи Монастырскій, также допустившій «несоотвѣтственныя дѣйствія»... Въ виду этого, испрашивалось разрѣшеніе подвергнуть и Монастырскаго взысканію. Конечно, разрѣшеніе послѣдовало и на это.

Но тѣмъ не менѣе, пока оставался въ покоѣ источникъ всѣхъ этихъ слуховъ и толковъ, они не унимались... Губернаторъ молчалъ, но каневскій исправникъ продолжалъ доносить... Свѣжая могила Шевченка, слава его среди народа не давали покоя «польскому шляхетству»; именно въ то время оно строило планы о созданіи польскаго государства «отъ моря до моря», а этимъ планамъ грозилъ подъемъ духа народнаго, вызываемый пѣснями поэта и близостію его могилы. Отсюда и вся тревога, отсюда и желаніе «загребсти жаръ чужими руками»...

Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ толкамъ, тревогамъ и опасеніямъ, князь Васильчиковъ вынужденъ былъ еще разъ, 19 августа, подробно разъяснять кіевскому губернатору всю нелѣпость подобныхъ опасеній на счетъ Шевченка, поручая ему разъяснить это дворянству. «Что касается сочиненій Шевченка, пишетъ онъ, то обличая въ авторѣ ихъ неоспоримый поэтическій талантъ, не замѣтно, чтобы они дышали неумолимою ненавистью вообще къ дворянству, а если въ нихъ и описаны нѣкоторыя событія изъ исторіи Малороссіи и борьбы ея съ Польшею за свою народность и вѣру, то въ этомъ ничего нѣтъ опаснаго для дворянства, какъ и въ народныхъ малорусскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ эти событія выражаются ярче и сильнѣе, нежели у Шевченка».

Вмѣстѣ съ этимъ, очевидно, догадываясь объ источникѣ поднятой бури, генералъ-губернаторъ выражаетъ желаніе знать: на какихъ данныхъ и фактахъ гг. Янковскій съ Горватомъ основываютъ свои обвиненія? Поэтому онъ проситъ губернатора узнать отъ г. Янковскаго, на чемъ основаны его свѣдѣнія о значеніи могилы Шевченка, о тайныхъ связяхъ почитателей его съ простымъ наро-

домъ, представленіи ему «рѣзи» священнымъ дѣломъ и возбужденіи противъ всего высшаго у насъ сословія помѣщиковъ, начальства и духовенства, начальника-же каневской полиціи спросить, сообщалъ-ли онъ Янковскому объ открытомъ провозглашеніи нѣкоторыми изъ пріѣзжавшихъ на похороны Шевченка мнѣнія, что въ здѣшнемъ краѣ, кромѣ православныхъ, не должно быть жителей другихъ исповѣданій, и кто эти лица, провозглашавшія такую мысль.»

Когда было приступлено съ такими вопросами къ главнымъ распространителямъ нелѣпыхъ толковъ о мнимомъ заговорѣ, центромъ котораго стала могила Шевченка, то всѣ они тотчасъ-же струсили... Каневскій исправникъ положительно отрекся, чтобы онъ что-либо подобное говорилъ Янковскому: «даже подобнаго рода разговора, пишетъ онъ въ рапортѣ 9 сентября, не только съ г. Янковскимъ, но и ни съ кѣмъ другимъ не имѣлъ». Г. Янковскій, съ своей стороны, начинаетъ выпутываться и заявляетъ, что всѣ обвиненія онъ основалъ: во 1-хъ на слухахъ и разсказахъ гг. чиновниковъ и другихъ жителей г. Канева, во 2-хъ на сочиненіи Шевченка «Гайдамаки», гдѣ изображена «рѣзь священными ножами, присланными будто-бы въ подарокъ императрицею Екатериною для истребленія ляховъ и жидовъ», а въ 3-хъ на томъ, что хотя ему лично «не случалось подобныхъ разсказовъ слышать отъ простолюдиновъ, но несомнѣнно, что они были, если о нихъ говорятъ всѣ жители Канева».

Убѣдившись еще разъ, что всѣ эти объясненія ровно ничего не прибавляютъ къ самому дѣлу, князь Васильчиковъ положилъ на немъ собственноручную резолюцію: «оставить».

Такъ прекращено было дѣло, вздутое слишкомъ перепуганнымъ воображеніемъ поляковъ и евреевъ надъ свѣжей могилой Шевченка. Для отвода глазъ, дѣло это носило громкое названіе: «о заговорѣ противъ помѣщиковъ». На самомъ-же дѣлѣ оно было заговоромъ «польской справы» противъ пѣвца народнаго горя и польской неволи, оплаканныхъ кровавыми слезами. Святотатственной рукѣ, однако, не удалось вырыть изъ свѣжей могилы прахъ малорусскаго поэта, какъ она, въ былыя времена, исторгла изъ могилы и выбросила кости другаго борца за русскую народность и православную вѣру Богдана Хмельницкаго, какъ-бы въ возмездіе за то, что онъ, по словамъ народной пѣсни,

Выбивъ руськiй народъ
Изъ-пидъ лядськои неволи...

Отъ всего этого дѣла только и остались слѣды лишнихъ тратъ... Производившій по нему разслѣдованіе полковникъ Грабовскій представилъ счетъ на 70 руб. 90 коп., издержанныхъ имъ на прогоны и суточные. Губернаторъ Гессе спрашивалъ: «на чей счетъ слѣдуетъ отнести расходъ этихъ денегъ?»—«По моему мнѣнію, на счетъ казны», отвѣчалъ ему князь Васильчиковъ.

Такимъ образомъ, и здѣсь только одна казна поплатилась своимъ карманомъ за... неудачу «польской справы!»

Могила Шевченка, съ новымъ, уже чугуннымъ, крестомъ, по прежнему высится надъ «Днѣпромъ ревучимъ», словно прислушивается къ рокотанію его волнъ, или приглядывается къ «степамъ» и «ланамъ широкополимъ»...

Исполнилось завѣщаніе поэта:

Щобъ ланы широкополи,
И Днипрó, и кручи—
Було видно, було чути,
Якъ реве ревучiй...

Тарасова могила не разрыта, какъ Богданова, и не забыта... Она привлекаетъ къ себѣ массы проѣзжихъ и прохожихъ, безъ различія чиновъ, званій, народностей, вѣроисповѣданій, половъ и возрастовъ... Говоря о безсмертіи «Кобзаря» Украйны, она какъ-бы оберегаетъ горячо любимый имъ русскій народъ отъ посягательствъ исконныхъ его враговъ...

И. Билыкъ.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Продолженіе) [1])

1784 годъ.—Начало съ Богомъ 1784 года было мнѣ благополучно, и я жилъ всегда въ домѣ, продолжая винокуреніе для пропитанія своихъ домашнихъ во всякихъ нуждахъ, въ наемной винокурнѣ у слоновскаго жителя Ивана Панченкова, который въ бывшихъ несчастіяхъ и послѣ того помогалъ мнѣ деньгами и протчимъ весма много; и въ зимнее время старался заготовленіемъ покупкою дерева для огорожи двора, тако-жъ хутора и мелницы, ибо вся огорожа прежняя нѣсколко пропала и здѣлана была не по плану. Когда жъ въ августѣ мѣсяцѣ кончена слобода разбитіемъ дворовъ по плану, то взялъ я себѣ усадбу, прозываемую Палѣевскую, и, испрося въ хуторскихъ жителей дерева, выстроилъ на оной винокурню и курилъ въ оной вино зъ заимкою денегъ. Толко сей годъ въ винокурни былъ весма не удаченъ и не выходное вино по дороговизнѣ хлѣба дѣлало великую печаль.

Сего года апреля въ 24 день даровалъ мнѣ Богъ сына Николая, которому, по прежнему еще въ Курскѣ знакомству, былъ воспреемникомъ тимской округи села Мехальполья (Соколинская тожъ) помѣщикъ, лейбъ гвардіи преображенскаго полку прапорщикъ, князь Михаилъ Яковлевъ сынъ Друцкой Соколинской, а воспріемница новооскольская помѣщица прапорщица Катерина Иванова Шидловская. Сей сынъ рожденіемъ своимъ отогналъ было несколко прежнихъ печалей. Но не долго сіе продолжалось, ибо іюня въ 7 день рож-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., март. кн., стр. 532—569.

денная въ Курскѣ дочъ моя Марія, по многотрудной болѣзни, умре, живъ на свѣтѣ толко два года и четыре мѣсяца, которая и погребена на ощемъ кладбищѣ близь моей рощи, прозываемой Лазковъ Ярокъ. Сего году хлѣба арженого четверть продавалась по 1 р. 50 к.

1785 г.—Благослови вѣнецъ лѣта благости твоея, Господи, и подаждь благодать отъ престола славы твоея ныне наступившей 1785 годъ проводить съ ползою душевною въ отпущеніи грѣховъ и со здравіемъ тѣла, отгоняя прежнія печали и даруя мирныя времена лѣта, да забывъ горкия печали, начну благоугождать Тебѣ, Владыцѣ моему!

Сего году отъ начала прошедшей осени снѣгу вовси не было, а была такая грязь и теплота такая, что въ 16 день генваря, когда у слоновскаго жителя Ѳедора Фирсова умерла жена, то большая часть народа, провожая оной тѣло ко гробу, шли пѣшіе босыми ногами, а паче женской полъ и малолѣтные дѣти въ однихъ рубашкахъ и босыя. Февраля-жъ въ 4 день выпалъ не болшой снѣгъ и съ того времени начали перво ѣздить на саняхъ, ибо чрезъ всю зиму ѣздили все люди телѣгами на колесахъ. Исходъ-же февраля мѣсяца и по 25 марта былъ снѣгъ съ перемѣнными погодами, а съ 25 вдругъ здѣлалась великая теплота съ туманомъ, а потомъ солнечное сіяніе, отъ чего весь снѣгъ пропалъ безъ остатку и наводненіе полой воды столь было силное, что изъ самыхъ пожилыхъ стариковъ мало кто такое помнитъ, ибо вода сверхъ естественного своего лѣтомъ и зимою теченія подымалась вверхъ болѣе пяти аршинъ и всѣ винокурни и дворы низменныя были въ потопѣ дней шесть, а потомъ вдругъ и упала, такъ что къ первому числу апреля оной оставалось весьма мало за натуралными рѣки берегами.

Въ сіе время нововыстроенная наша каменная колокольня пала до основанія, не вредивъ церкви ни мало—27-го апреля. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ никакихъ вещей достопамятныхъ не случилось, и былъ болшею частію въ домѣ до 24-го числа, а потомъ, когда началася свадба князя Михаила Яковлевича Друцкого-Соколинскаго, то былъ и туда приглашенъ, коя продолжалась и до половины мая. Оную-жъ окончивъ, ѣздилъ въ Острогожскъ къ брегадиру Тевяшову для надобностей ево и своихъ домашнихъ, гдѣ былъ принятъ весма ласково и всякой день имѣлъ щастіе быть за однимъ съ нимъ столомъ. Возвратясь-же отъ-толь, исправлялъ домашнюю экономію

Іюня 11 числа старая наша деревянная церковъ лишилась всей славы, и я слушалъ послѣднюю въ ней обѣдню, кою служилъ священникъ Іосифъ Безпаловъ, а 12-го числа на память Онуфрія Великаго было освященіе нововыстроенной каменной церкви во имя угодника Христова Николая, кою освящалъ его преосвященства духовникъ, іеромонахъ Варлаамъ и съ нимъ іеродіаконъ Іоасафъ, да въ церемоніи и служеніи изъ разныхъ ближнихъ мѣстъ священныковъ одинатцать. Тутъ во время отверзенія болшихъ дверей, когда отпѣто было «Кто есть сей царь славы», было явленіе сеи церкви дьяку Алексѣю Чекановскому таково: когда отъверзти были болшие двери, то вдругъ явился пресветлый облакъ, идущій предъ антиминсомъ, на которой не могши онъ смотреть, смеживъ глаза и отъ страха едва не упалъ на землю, а потомъ пришедъ въ память, открывъ глаза и болше уже ничего не видалъ. Потомъ пѣта была обѣдня, а послѣ и молебенъ; по молебни же приглашены были гости за тѣснотою въ два дома: мой и священника Безпалова, гдѣ обѣдавъ духовныя и мирскія, гуляли весь тотъ день изрядно, а на другой день разъѣхались по домамъ.

Въ семъ мѣсяцѣ, посовѣтовавъ мы съ священникомъ Іосифомъ Безпалымъ, подрядили иконописца зъ слободы Троецкой выписывать церковъ иконами, и перво, когда написали двѣ иконы: Іосифа Писнописца и Іоанна Предтечу отъ своего кошта, то смотря на насъ и другие стали подряжать писать всякъ своего святого, какого кто хотѣлъ, отъ своего кошта. Тутъ я съѣздилъ въ городъ Курскъ и Щигры по княжимъ и своимъ дѣламъ. Возвратясь-же изъ Щигровъ, по общему зъ священникомъ Іосифомъ Безпалимъ совѣту, когда везени были отъ харьковской покровской ярмонки колокола, купили одинъ, вѣсомъ 12 пудъ девять фунтовъ, и исъ того времени начали испрашивать отъ доброхотныхъ дателей за тотъ колоколъ договорную сумму 134 руб., кою собравъ уплатили. А потомъ ѣздилъ я въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Курскъ и тамъ пробылъ декабря по 10-е число, гдѣ подалъ въ казенную палату о опредѣленіи въ Новой Осколъ на мѣсто виннаго или соляного приставовъ челобитную; но какъ тѣ мѣста заняты были, то по оной ни малова дѣйствія въ то время и не произошло. Дождавъ-же декабря 18-го числа, вздумалъ начать винокуреніе въ той-же винокурнѣ на Палѣевомъ дворищѣ, а потомъ на другой

день праздника Рождества Христова отъправился въ Курскъ съ порутчикомъ Василіемъ Ивановичемъ Туфермахеромъ, куда и прибыли 31-го декабря въ ночи. Въ сей пути много мы имѣли заѣздовъ по гостямъ въ разсужденіи праздника, какъ по ново-оскольской, такъ тимской, щигровской и курской округахъ, и бывъ въ городѣ Щиграхъ, купилъ на имя князя Михайла Яковлевича Друцкаго-Соколинскаго у щигровской помѣщицы Аладьиной въ бѣгахъ людей, а крѣпость совершилъ на свое имя въ курской г. палатѣ.

1786 годъ.—1786 года генваря 2, явясь къ господину новооскольскому предводителю маіору Раевскому, за ходатайствомъ новооскольскихъ дворянъ, просилъ дозволенія быть при балотировкѣ и приняту быть въ дворянской списокъ, но въ томъ, по наученію другихъ, было мнѣ отъказано, о чемъ принужденъ нашолся утруждать губернскаго предводителя Похвиснева и г. губернатора Зубова, которые, съ выговоромъ предводителю, приказали принять меня и написать въ новооскольской дворянской списокъ. И такъ, 5-го генваря балтированъ былъ въ засѣдатели земскаго и уѣзднаго судовъ, но по баламъ быть при таковыхъ дѣлахъ не досталось. А 6-го числа приглашены были все новооскольское благородное дворянство ко столу въ намѣсническомъ всеобщемъ домѣ, въ томъ числѣ и я, гдѣ за царскою трапезою угощены были весма доволно, а 7-го опредѣленъ я былъ отъ всего дворянства въ почесть намѣстнику, въ которой должности и пробылъ цѣлыя сутки, 10-жъ числа отправился съ Курска въ мѣстѣ со всѣми дворянами въ домъ. Въ сей пути терпѣли мы великую опасность отъ полой воды, ибо зъ 29-го декабря по 10 генваря были великие дожди и снѣгъ съ полей согнало, а воды великой имѣли разливъ по рѣкамъ, подобно веснѣ. А какъ пріѣхалъ домой 12-го числа генваря, то начались стужи и путь зимняя. 29-го генваря отъправился съ княземъ въ Обоянь и купилъ тамъ въ бѣгахъ людей у обоянского помѣщика, флота лейтенанта, Александра Григорьевича Бровцына и крѣпость въ обоянскомъ уѣздномъ судѣ совершилъ на свое имя, чѣмъ князю Михайлѣ Яковлевичу услужилъ не мало, ибо за оныхъ подлежало платить ему 30,000 рублей; и они были приняты ево дѣдомъ въ вотчину ихъ с. Михальполье еще до 759-го года. Потомъ былъ въ Тиму по дѣламъ-же княжимъ, а пріѣхалъ домой 8-го февраля. Отъ сего числа исправлялъ экономію, а 21-го числа въ

1-мъ часу по полуночи въ 25-й минутѣ жена моя разрѣшилась благополучно рожденіемъ мнѣ дочери, именемъ Елисаветы, которая 22-го числа, какъ былъ день заговѣна на великой постъ, и крещена. Ей были восприемники земской бывшій въ то время исправникъ, порутчикъ Василей Ивановичъ Туфермахеръ и священника Иосифа Безпалова дочь, девица Евдокия. Въ тотъ день ради крестинъ и заговѣна веселились всею компаніею весма доволно и заговѣли благополучно.

25-го числа сего февраля мѣсяца, съ великимъ сожалѣніемъ и слезами многихъ приятелей, лишился я своего любезнѣйшаго друга или, лутше сказать, втораго брата, Ивана Федоровича Панченкова. Онъ былъ человѣкъ состоянія хорошаго, приятенъ, милостивъ и добродѣтеленъ ко всѣмъ и мнѣ по смерть свою во всякихъ нуждахъ помогалъ всѣмъ доволно—денгами и протчимъ. Заболѣлъ онъ 16-го числа февраля, а умре 25-го и погребенъ того-жъ числа въ 4-мъ часу по полудни, близъ каменной Николаевской церкви съ правои стороны, противу олтарного окна, отъ стѣны на полътора аршина. Оставивъ сей селовѣкъ много сожалѣнія не толко приятелямъ, ио и врагамъ своимъ, злобствовавшимъ на него не за что другое, какъ только за одну добродѣтель, зависть-бо, якоже глаголетъ писаніе, не вѣсть предъпочитати полезная, и дѣла его памятны будутъ многимъ на многіе годы, а паче мнѣ, яко его искреннему другу и брату. Я съ нимъ такую имѣлъ тѣсную дружбу, что когда толко понадобилось что, всегда бралъ безъприкословно какъ свое, а посля возвращалъ съ благодарностью. Онъ же, когда по отлучкамъ моимъ не видѣлся было долгое время, то всякой день грустилъ, какъ по родному братѣ, а когда услышитъ о приѣздѣ моемъ, то бѣгитъ стремъ-главъ, хотя-бы то было и въ самую полночъ, и поздравляетъ приѣздомъ со слезами всегда. Умре безъдѣтенъ отъ рожденія, а наслѣдіе принялъ братъ его родной Федоръ, имѣющій дѣтей доволно. Сей первый по выстроеніи каменной церкви положенъ близъ оной, ибо по указу 1769-го года запрещено близъ церквей тѣла мертвыхъ хоронить, а велѣно имѣть особые кладбища.

Апреля 21-го отправился паки въ Курскъ по дѣламъ, касающимся до слободы Слоновки о запрещеніи винокуренія, которое наводилъ безъвинно на Слоновку надворный совѣтникъ Никаноръ Переверзевъ, единственно по злобѣ и зависти, издревле въ немъ

вкорененной; и будучи въ Курскѣ, о томъ дѣлѣ успѣлъ, сколко было можно. Такъ-же стараніе имѣлъ по заключеніи контракта о поставкѣ въ Новой Осколъ вина, но не заключа, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ уѣхалъ домой, гдѣ распорядя экономію и бывъ въ Старомъ Осколѣ для покупки болшаго къ церкви николаевской колокола, вѣсомъ въ 13 пудъ, ибо прежней за негодность возвращенъ майстеру обратно, отъправился по тѣмъ-же дѣламъ въ Курскъ мая въ 20-й день. Пробывъ тамо до 20 іюня, по дѣламъ въ штрафныхъ денгахъ слободы Слоновки успѣлъ порядочно, отъ тѣхъ штрафовъ свободилъ, равно и о запрещеніи, и заключилъ контрактъ поставлять съ начала 777 года впредъ на четыре года вина въ Новой Осколъ, по пяти сотъ и пятидесятъ ведеръ всякой годъ, почему и принялъ къ себѣ въ сотоварищество изъ войсковыхъ жителей Федора Панченкова и другихъ подъ своимъ именемъ. И съ того самаго времени началъ я курить въ винокурняхъ Панченковой, Пивоваревой и Науменковой на шесть котловъ, потому что въ своей было вино не выходно. Будучи въ Курскѣ въ самое время коренной ярмонки, отъ скуки ѣздилъ на оную ярмонку и купилъ тамъ серебренныхъ ложекъ шесть и протчихъ въ домѣ нужныхъ вещей доволно.

Живучи-же въ домѣ и управляя экономіею, не запомнилъ провѣдать и о судномъ въ новоосколскомъ уѣздномъ судѣ съ казначеемъ дѣлѣ, по коему, ходатайствомъ нѣкіихъ приятелей, учинилъ не малую ползу въ производствѣ онаго исправникомъ. Между-же тѣмъ князь Михайла Яковлевичъ Друцкой-Соколинской, жалуя всегда мене своими милостми, прислалъ мнѣ за трудъ въ подарокъ семью крепостныхъ людей, которую я принялъ благосклонно безъ отъговорокъ, а посля, въ проѣздъ ево отъ тестя, когда онъ съ княгинею пожаловалъ ко мнѣ въ домъ, то я зъ женою своею благодарилъ ихъ доволно, называя себя якобы и не заслужившимъ таковыхъ отъ его сіятельства милостей.

Между-же сими происхожденіями рожденная дочь моя въ 8 день февраля Елисавета мѣсяца іюня въ 15-й день умре, а погребена на кладбищѣ близъ сестры Маріи, умершей въ 784 годѣ. Послѣ того ѣздилъ я зъ женою своею и сыномъ Николаемъ въ Бѣлгородъ для принесенія должной благодарности угоднику Божію Іосафу епископу Горленку, коего мощи нетлѣнны почиваютъ въ соборной Троецкой бѣлгородской церкви, за освобожденіе сына моего Нико-

лая отъ шести-мѣсячной лихорадки, а отъ-толь возвращаясь. былъ въ Корочѣ для свиданія зъ своими сродственниками, съ которыми не видался съ того самого времени, какъ былъ въ Корочѣ подъ карауломъ. Они были мнѣ очень ради, и я пробылъ тамо болѣе сутокъ, отправился домой благополучно.

Во время сей моей въ Бѣлгородъ поѣздки, въ Бѣлгородѣ случился печальный мнѣ и женѣ моей случай, противной воздаянію должной угоднику Божию благодарности таковъ, о коемъ я слуху благоразумныхъ людей предать писанію, видя въ томъ болше свои погрѣшности, за благо не разсудилъ, и такъ предаю оное вѣчному забвенію и глубокому молчанію, зъ жалѣніемъ о томъ сердечнымъ по самой конецъ моей жизни. По пріѣздѣ-жъ зъ Бѣлгорода принялся за покосъ и началъ косить сѣно своими людми, по причинѣ той, что великъ былъ сей годъ урожай травы и моего сѣнокоса ни за одну копѣйку нихто не нанялъ, а накося доволно для прокормленія скота сѣна и убера жнивомъ хлѣбъ, нанялъ перестроить куфню, съ прибавкою къ оной другой, науголной по плану, избы. Между-же симъ происходило слѣдствіе о моемъ на поставку винокуреніи, по доносу издревле отцу моему соперника, секретаря Корецкого, чѣмъ когда опечалилъ онъ мене, то въ отраженіе всѣхъ ево доносовъ, съ помощію моихъ друзей въ судѣ, подалъ я объявленіе на него, Корецкого, о завладѣніи отцовскимъ моимъ вѣтракомъ Боровковимъ и въ повалномъ обыскѣ сторонние показали на мою сторону, почему онъ, Корецкой, въ своихъ затѣяхъ сталъ смирнѣе, съ природнымъ лицемѣріемъ. Но я всегда содержалъ то въ умѣ, что примиренный другъ надеженъ быть не можетъ, и такъ обращался съ нимъ хотя и дружески, но не искренно.

Тутъ приспѣло и то время, въ которое весма не похвално я свои поступки смирныя опорочилъ дурнымъ поведеніемъ. Въ 30-е число сентября были у меня гости родственники, и я съ ними ѣздилъ въ Бѣломѣстное къ порутчику и бывшему тогда исправникомъ Туфермахеру и подгулявъ всѣ доволно, вздумали повеселится палбою съ пушки, которую мнѣ подарилъ штикъ-юнкеръ Иванъ Одинцовъ, и когда здѣлалъ я вистрела съ три, то близъ живущей священникъ Иосифъ просилъ къ своему двору для палбы и у него съ пушкою. Мы всѣ отказатся отъ того не могли и хотѣли итить къ нему, но прежде услышили, что своякъ мой,

ченицу Парасковью Лаврентьеву, и нынѣ, будучи на квартирѣ своей у слоновского жителя Василія Войкобойникова, женины сундуки изломавъ, то мы зъ своякомъ меншимъ, Ефимомъ Васильевичемъ, пошедъ къ ево квартирѣ (ибо онъ уже съ моего дому зошелъ и жилъ по найму въ квартирѣ), разсмотрѣвъ ево пьяныя дѣла, велѣли своимъ людямъ придержать и висѣкли малую толику батожнякомъ слехка, для нравоученія молодого человѣка; но онъ таковыхъ шутокъ видно не любилъ и схватя ножъ, хотѣлъ Ефима Васильевича дерзнуть въ бокъ, но помощію людей, бывшихъ съ нами, удержанъ. Вотъ была-бъ шутка не формалная! Если-бы Богъ не укрылъ своею милостію, то бы непремѣнно должно было знакомится съ палатою уголовныхъ дѣлъ.

Симъ тотъ вечеръ не кончился, а пошедъ мы отътоль и взявъ пушку, подкатили подъ окошки отца Іосифа и выстреливъ разъ, пили за здоровье всей братіи, потомъ зарядя оную въ другореть, когда хотѣлъ я съ онои выстрелить, то на бѣду пришедъ къ намъ другой попъ, Павелъ Григоровичъ, пьянъ прежестоко, сталъ мнѣ говорить, что я съ пушки палить не умѣю и дерзнулъ выбранить меня по молодецки. Тутъ жаръ къ жару будучи приложенъ, терпимъ болше быть не могъ, я велѣлъ своимъ людямъ ево придержать и, взявъ ево трость съ рукъ, какъ скязывалъ онъ, что по ево щету вытерпѣлъ онъ девять хорошихъ ударовъ по спинѣ. И такъ сія духовная особа хотя была и пьяна, однако имѣла намѣреніе тою-жъ тростью прикрыть и меня, бывшаго въ одномъ толко тогда халатѣ; но одинъ изъ моихъ людей до того не допустилъ и отвелъ ево въ сторону, где онъ, постоя мало, изволилъ отправится зъ гостинцемъ домой, а намъ на тотъ вечеръ и утро оставилъ увеселительной смѣхъ на время.

Проводя-жъ благополучно гостей, я отправиеся въ Курскъ по дѣламъ книжимъ и для заключенія контрактовъ исправнику Туфермахеру и засѣдателю Волкову сентября 2, а прибылъ въ Курскъ 7-го, ибо путь была не спора, потому что нужно было заѣзжать во многія мѣста для гулянья и дѣлъ. Исправивъ-же дѣла въ Курскѣ, пустился къ Орлу по фатежскому уѣзду и сыскавъ въ деревни Бобровой однодворца Епифана Долгова, торговалъ у онаго людей въ бѣгахъ для князя, ибо они одного были дѣла зъ Бровцинымі, но какъ онъ, Долгой, просилъ неумѣренную цѣну, то принужденъ былъ

я тотъ торгъ до времени оставить, и отправился домой. Сія поѣздка мнѣ всема учинилась памятною, потому что дорога вовсе не знакома, дождь всякой день и ночь цѣлую недѣлю шолъ пресилный, ночи темныя, мѣста весма опасныя, а бывшей со мною почтарь всегда пьянъ, и такъ мало когда доставалось и спать по ночамъ, и за всѣмъ тѣмъ отъ Курска чрезъ Боброву едва могъ я приѣхать чрезъ семь дней домой.

Между-же сею поѣздкою и дѣлами сторонними, духовная особа, отецъ Павелъ Григоровичъ, окончивъ свое пьянственное правило, изъволилъ въ новооскольскомъ духовномъ правленіи подать на меня прозбу о бое ево ево-жъ камышевою тростью съ набалдашникомъ. А я, собравъ ево нѣкоторыя, неподлежащія священству, въ пьянствѣ дѣлаемые дѣла, сочинилъ прозбу на имя преосвященного и здѣлалъ разгласку, якобы оную послалъ къ преосвященному, и тѣмъ ввелъ ево въ немалое сумнѣніе. Вотъ гулба до чего довела, что должно будетъ и отвѣчать на бумагѣ въ судахъ! А между тѣмъ и другія нѣкоторыя коварныя умысли начали заводится отъ стороны Корецкихъ тайно, потому что, видя всѣхъ въ судахъ судей мнѣ пріятствующихъ усердно, еще яда крыемаго не испускали изъ своихъ мерзскихъ устъ. Оной я до времени ихъ открытія нынѣ и писать не начинаю.

Зъ сего времени, по публикованному указу, начали заготовлять для проѣзда ея величества, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны лощадей чрезъ Смоленскъ въ Кіевъ, Кременчугъ, Херсонъ, Крымъ, Кубань, Бахмутъ, Харковъ, Бѣлгородъ, Курскъ и Орелъ до Санктъ-Питербурга, на которыхъ зъ душъ, положенныхъ за помѣщиками, брали по семнадцати копѣекъ зъ души, а на постройку триумфалныхъ воротъ и протчаго по 10 к., дворцы-же для ночлега и обѣда ея величества строены подрядомъ съ казны. Декабря 8-го съ Новаго Оскола лошади, для проѣзда изготовленныя, отъправлены чрезъ Путивль въ Смоленскъ, и зъ сего числа часто былъ я въ Новомъ Осколѣ по судному тому-жъ дѣлу съ маіоромъ Шипулинымъ. Потомъ приспѣлъ празникъ Рожества Христова, и я зъ женою былъ въ самый день Рождества у своего исправника, порутчика Туфермахера, а на другой день у кумы своей, прапорщицы Екатерины Шидловской, протчия-жъ дни были у меня гости, и я въ гостяхъ, и такъ симъ благополучно прошедшей 1786 годъ

окончен.—Въ семъ году была продажа хлѣбу четверть аржаного по 2 р. и по 2 р. 20 к.

1787 г.—Господи благослови!—Генваря 2-го ея величество государыня императрица Екатерина Алексѣевна изволила предпринять путь со всею своею свитою изъ Санктъ-Петербурга въ Киевъ, какъ выше писано.

9-жъ генваря въ дворянской новооскольской опеки здѣланъ приговоръ о зборѣ всему новооскольскому дворянству въ городъ Новой Осколъ для расположенія на души потребнаго числа дерева, форосту, елей и фашинъ для зделанія отъ Курска къ Обояни къ шествію ея величества дороги, почему въ 19 день и были мы всѣ въ собраніи въ дворянской опеки, отъ 9 часа и до 7 по полудни, располагая, какимъ-бы лехчайшимъ образомъ тѣ матеріалы можно было выставить въ Курскъ. А наконецъ вздумали здѣлать подрядъ и поступились дать со всякой души по 10 к. новооскольскому городничему Бабанину, который подрядился толикое число, коликое было нотребно, виставить сеи зимы на уреченное мѣсто къ Курску, зъ ближней своей къ тому мѣсту деревни курской, бревенъ, въ зрубѣ 5 вершковъ, 700, форосту 1,300 возовъ, елей 600, фашинъ 2,000, бревенъ малыхъ 400, кольевъ 5,000.

Начало сего года благополучно, а найпаче 19 число, въ которое судное мое дѣло съ маіоромъ Шипулинымъ о людехъ крѣпостныхъ, купленныхъ отцемъ моимъ у помѣщика Пихтина, продолжавшееся 5 лѣтъ, рѣшено въ новооскольскомъ уѣздномъ судѣ въ мою ползу, и людей велѣно по прежнему оставить въ моемъ владѣніи, съ него-жъ, Шипулина, за неправой искъ взыскать штрафъ и за проѣсти мои и волокити взять мнѣ на немъ сто пять рублей по вичету, какъ довелось. Я, получа сію радость, судей уѣзднаго суда благодарилъ и въ трактирѣ поставилъ напитку за 9 р. 80 к., а на другой день, то есть 20 числа, который былъ совершеніемъ пяти-лѣтняго времени открытію того суда, по приѣздѣ домой, пѣлъ угоднику Христову Николаю, въ знакъ благодарности, молебень за всѣ ево святыя ходатайства о мнѣ грѣшномъ и помощъ въ дѣлахъ, ибо я и сіе дѣло съ самаго начала возложилъ на его заступленіе, зная свою невинность, почему Богъ всемогущій его святими молитвами въ томъ мнѣ и помогъ совершенно. Слава Его всемогуществу и угоднику Его святителю Николаю!

Генваря 25-го заболѣлъ я силно отъ простуди, которая отъ неосторожности моей, по выходѣ зъ бани, приключилась, и былъ боленъ по 7-е число февраля.

Въ семъ февралѣ мѣсяцѣ его преосвященство Аггей, епископъ бѣлоградскій и обоянскій, выѣхалъ зъ Бѣлгорода въ виленскій братскій монастырь для уединенія, будучи ея величествомъ уволенъ отъ правленія епархіею за болѣзнію, съ полнымъ по смерть его жалованьемъ, которое состояло въ 2,200 р. И сего-жъ мѣсяца мало свободясь отъ болѣзни, отправилъ въ Новой Осколъ 250 ведръ по подряду моему поставошного вина, за которое и денги сполна получилъ.

Марта 6-го по писму князь Михайла Яковълевича Друцкого-Соколинского ѣздилъ къ нему въ село Михаль-Полья, и тамъ, по спорамъ объ отказѣ изъ ево недвижимаго имѣнія подполковницы Лыкошевой четырнадцатой части, писалъ многія отъ своего имени и князя и княгини Анны Евдокимовны прозбы для подачи въ тимской нижній земской судъ, а между тѣмъ ссорющихся межъ себя князей примирилъ, ибо два двоюродныя князь Михайлы Яковлевича братья, князья Сергій и Яковъ Александровичи, много дѣлали ему наглостей и обидъ, болшою частію бывшихъ отъ разбоевъ, коими предводительствовалъ князь Друцкой-Соколинской. Онъ, за разныя вспомоществованія мною князь Михайлѣ, хотѣлъ и хвалился мене поймать и убить или висѣчь; но Всемогущая десница до того его не допустила, и я всегда ѣздилъ въ ихъ отчину безъопасно, зная то, что я ему князь Сергію никакой обиды не здѣлалъ, то и бить напрасно ему меня не имѣлъ причини. Онъ, князь Сергій, неоднократно и писмами меня трогалъ, но я на иныя отвѣчалъ со учтивостію, а иныя возвращалъ къ нему, не читавъ, обратно и тѣмъ привелъ злое сердце въ страхъ. А какъ князья помирились, то онъ пріятнѣй всѣхъ мнѣ казался и, забывъ прошедшее, весма былъ ко мнѣ благопріятенъ и дарилъ разними вещами много.

Въ семъ-же мѣсяцѣ 13-го числа мое судное дѣло отослано въ верхней земской судъ на апелляцію, по прозбѣ моего соперника Шипулина, который, по своему душевредству, сказалъ подъ совѣстію (если оная у него когда была), что онъ и 25 р. для взносу не имѣетъ. Богъ съ нимъ, обыдяй да обыдитъ и еще, а правда превратна не бываетъ!

17-го числа была въ ново-осколской дворянской опеки балтировка о выборѣ дворянскаго депутата для сочиненія дворянскихъ грамотъ, гдѣ и я имѣлъ стулъ и балтированъ былъ, но, по случаю назначенія меня на мѣсто умершаго засѣдателя Игната Попова въ земской судъ засѣдателемъ, балъ на меня не положили, а выбрали маіора Ивана Савича Белолипскаго. На балтировки-жъ всего ново-осколского благороднаго дворянства было съ предводителемъ девять человѣкъ. Вотъ какъ скуденъ нашъ уѣздъ таковыми людми!

Съ 18 подъ 19 число въ ночи видѣлъ я сонъ, что шелъ на прекрутую гору самою узкою дорожкою, которая была отъ дождя весма сколзка, а взошедъ, казалось, будто сѣлъ въ карету зъ дочерью своею Катериною и ѣхалъ въ той каретѣ, въ коей запряжена казалась быть одна толко лошадь, а на лошади вздѣта мужичья зеленая шапка. И ѣхавши долго пути, пріѣхалъ къ болшому, на подобіе моря, озеру, въ которое, не удержавъ лошади, пустился, и когда приплылъ на средину онаго озера, то въ то время проснулся въ великомъ страхѣ. Сей сонъ толковалъ я къ полученію указа о бытіи мнѣ въ ново-осколскомъ нижнемъ земскомъ судѣ засѣдателемъ, что и въ самомъ дѣлѣ собылось. Когда всталъ, то поутру пришедъ слоновской писарь Степанъ Безпаловъ и говоритъ, что приказано явится мнѣ въ судъ и что указъ уже зъ верхняго земскаго суда о томъ полученъ. Сія вѣсть съ одной стороны была радостна, а съ другой печална, потому что таковыхъ дѣлъ тяжесть мнѣ уже извѣстна давно. Но власть моего всемогущаго Бога, онъ еже хочетъ, да творитъ со мною, ибо я рабъ его всемогущества нелицемѣрный, слѣдовательно по его волѣ и возлагаемыя дѣла исправлять буду не лѣностно съ помощію его.

Въ семъ мѣсяцѣ, по полученному изъ святѣйшаго синода указу, начали въ церквахъ поминать на мѣсто уволненнаго архіерея Аггея, Ѳеоктиста, епископа бѣлоградскаго и курскаго, а что прежде поминали епископовъ бѣлоградскими и обоянскими, то оное отмѣнено, а вмѣсто обоянской велѣно сказывать вездѣ курскій. Сей архіерей Ѳеоктистъ былъ викаріалнымъ въ Сѣвскѣ, а потомъ опредѣленъ на епархію бѣлоградскую вскорости, болшою частію для проѣзда чрезъ Бѣлгородъ ея величества.

22-го марта въ 6 часу по полудни ново-осколскаго нижняго земскаго суда подъканцеляристъ Арефьевъ пріѣхалъ ко мнѣ въ

домъ и объявилъ указъ о утвержденіи меня въ земскомъ судѣ засѣдателемъ дворянскимъ на мѣсто умершаго секретаря Игната Попова. Сія вѣсть была также радостна и печална.

23-го въ 12 часовъ приведенъ къ присяги отъ суда земскимъ исправникомъ Туфермахеромъ, а приводилъ духовной правитель Александръ Смоленъскій, и когда пришолъ на свое мѣсто въ присудъствіе, то многия поздравляли, а потомъ принялся за дѣла и, подписавъ не много журналовъ и отпусковъ, отправился съ наставленіями въ уѣздъ, перво въ слободу Чернявку для набора рекрутъ, а потомъ въ курскія мѣста. День тогда, когда приведенъ былъ, настоялъ вторникъ страстной седмицы. Дождавъ празника Свѣтлаго Христова Воскресенія, веселился доволно, а найпаче что въ самый праздникъ пріѣхалъ съ Питербурга секретаря Ивана Яковлевича сынъ Николай и привезъ на чинъ мой патентъ. Я ему за сіе весма много благодарилъ, день-же тогда былъ празника Воскресенія Христова въ 28 число марта и было весма холодно и путь еще санная, ибо снѣгъ еще не сошолъ.

Но уви! горе и лютѣ злая превратная фортуна никогда быть постоянна не можетъ. 31-го числа марта я гулялъ зъ соперникомъ своимъ Корецкимъ Иваномъ и готовились на другой день, т. е. въ 1 число апреля другъ друга чѣмъ ни на-есть въ шуткахъ обманивать. Мысли простирались къ веселостямъ, а Богъ строилъ не то, ибо при самомъ восхожденіи солнца въ 6 часу вселюбезный мой сынъ, который одинъ толко и былъ утѣхою сердцу моему, Николай, преставился, ни мало не боля. Сперва игралъ и веселилъ насъ обоихъ зъ женою, а утромъ оставилъ горкия слезы. Мы, рыдавъ доволно, предали тѣло ево земли въ 3 часа по полудни 1-го апрѣля. День тогда былъ четвергомъ свѣтлыя недѣли.

Владыко сердцевидче! твори, еже Тебѣ угодно. Сіе наказаніе отъ Твоей всесилной руки весма чуствую я, многогрѣшный, и приемлю съ достодолжнымъ благодареніемъ; но по грѣхомъ моимъ еще мало сего, мало и ничто противу моихъ беззаконій многихъ, накажи еще и помилуй, ибо азъ рабъ Твой, азъ рабъ Твой всегда.

Проводя праздникъ, принужденъ былъ оставить всегорестную жену свою въ домѣ въ непрерывныхъ слезахъ, а самъ по дѣламъ былъ въ судѣ и уѣздѣ всегда одинъ, по причинѣ той, что исправникъ Туфермахеръ въ дѣла почти ни въ какия суда не входилъ и

свои исправлялъ по должности своей весма медлительно, а засѣдатель Волковъ былъ камандированъ для проѣзда государыни съ лошадми въ Фатежъ и пробылъ тамъ и въ домѣ до половины маия. И такъ, принужденъ былъ исправлять всѣ дѣла одинъ, а зъ секретаремъ здѣсь случилось на одной недѣли поднять двухъ человѣкъ мертвыхъ тѣла и сыскивать убивцевъ, производить слѣдствія, повалныя обыски, а между тѣмъ о спорныхъ земляхъ и лѣсахъ свидѣтельства, быть при описи имѣній, поступающихъ въ опеки, шататься еъ конца уѣзда въ другой конецъ для взысканія рекрутскихъ денегъ, понужденія въ платежѣ подушныхъ, ибо строго требовано было въ разсужденіи проѣзда чрезъ курское намѣстничество ея величества. Господь самъ помогалъ мнѣ во всемъ, и я былъ исправенъ и успѣвалъ добре въ сихъ дѣлахъ, болше отвагою, безъ фалтировки ни тому, ни другому.

Сеи весны началъ оказываться голодъ, дожжей вовсе не было, хлѣбъ посѣенной безнадеженъ, и такъ начали платить аржаного хлѣба четверть три рубли тридцать и сорокъ копѣекъ. Люди весма въ сіе время стали уныли и сѣтовали, а другія зъ голоду принуждены стали шататся по миру и просить подаянія. Многия подмосковныя помѣщики своихъ людей распустили для пропитанія по всѣмъ мѣстамъ, а сами съ нуждою питали себя и дворовыхъ невѣйкою. А одна барыня изъ высокородныхъ, о коея имени я изъ чести о ней умалчиваю, питала людей при заводѣ бардою, а заводъ курился на поставку, по нуждѣ къ коему покупана была въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заводъ, по 4 рубля четверть хлѣба, и я сіе зналъ весма вѣрно и точно не лгу.

Іюня 17 числа въ 6 часу по полудни ея величество изволила прибыть въ Курскъ. Въстрѣча дѣлана была отъ дворянъ за 17 верстъ отъ Курска къ Обояни, а на другой день, то есть 18 числа въ 2 часу, изволила отъѣхать въ Орелъ. Будучи въ Курскѣ, многихъ какъ женскаго пола дворянъ, такъ и мужеска допускать изволила къ рукѣ, равно и купечество, а изъ присудствующихъ дарила разными вещами и крестами святаго Владимира, гостинной Коренской домъ отдать указала курскому купечеству на двадцать лѣтъ изъ выстройки, а мелницу казенную, что на Тускорѣ, вѣчно городскому курскому магистрату на содержаніе. Всѣмъ-же курскаго намѣстничества дворянамъ и посполитству изволила написать пис-

Копия.

Господинъ правитель курского намѣстничества Зубовъ!

Въ проѣздъ нашъ чрезъ курское намѣстничество, видѣли мы въ губернскомъ и уѣздныхъ городахъ и вообще по губерніи надлежащее устройство и стараніе въ точномъ исполненіи должностей. Труды ваши приемля со удовольствіемъ, поручаемъ вамъ объявить какъ чинамъ вамъ подчиненнымъ, такъ дворянскому и гражданскому обществамъ наше благоволеніе, усердіемъ и раденіемъ каждого приобрѣтаемое. Пребываемъ въ протчемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

Въ Орлѣ 18 іюня 1787 года.

Я-же, исправляя свою по суду должность, случился быть 24 числа іюня въ слободѣ Михайловки для ярмонки, гдѣ хотя и удерживаемъ былъ тамошнимъ управителемъ въ тотъ день для гулянья, однако зная тяжкое бремя жены своей, на то не согласился и уѣхалъ отъ толь въ 4 часу по полудни. И какъ приѣхалъ въ домъ, то въ 8 часу по полудни свободилъ Богъ отъ бремени жену мою, коя принесла мнѣ сына Петра. День былъ четвертокъ, планета Меркурій, зодіи рыбы. А на другой день, то есть 25, празновалъ день ево рожденія, а 29 просветилъ святымъ крещеніемъ, и тутъ празновалъ крещеніе и именини ево вмѣстѣ. Воспреемникомъ отъ святой купели былъ земской исправникъ Туфермахиръ, а воспреемница жены моей сестра Аксинья Лаврентьевна. Кончивъ-же то, исправлялъ по прежнему по должности свои дѣла, съ превеликою благодарностію Всевышнему, который въ награжденіе моей печали о умершемъ сынѣ Николаѣ далъ въ наслѣдіе другого, Петра. О! дивна дѣла твои, Господи, и вся премудростію своею творишъ, еже хощешъ: наказуешъ и милуешъ вкупѣ, низводишъ и возводишъ паки, что твоему премудрому Промыслу угодно. Да будетъ убо воля Твоя надо мною во всемъ и впредъ!

Іюня съ 1 упражняясь по суду въ дѣлахъ и экономіи, видя другихъ продавающихъ дорогою цѣною хлѣбъ, хотѣлъ мало и въ своихъ нуждахъ себѣ помощь здѣлать, почему приѣхавшимъ изъ Стараго Оскола и города Тарусы купцамъ продалъ ржи четверть по 4 рубли, а гречи на 2 рубля, всего на 120 рублей. Но вдругъ

цѣна еще возвысилась и начали въ самую жатву платить четверть ржи по 5 рублей. Тутъ начали узнавать голодъ, ибо урожай сего лѣта хлѣбу былъ жестоко не хорошъ, такъ что исъ полей почти собирать было легко. Тутъ увидя я свой преступокъ въ продажи хлѣба и вспомня доволно взятую мною поставку вина, зажалъ ротъ и вдался въ мысли.

Августа съ 15 числа цѣна на хлѣбъ еще стала возрастать и начали продавать рожь по 5 р. 50 к., да и купить было негдѣ. Многія изъ бѣдныхъ собирали лободу и желуди для пищи, но какой она покажетъ вкусъ, Богь вѣсть. Тутъ полученъ указъ изъ намѣстничества описать имѣющійся старой у людей хлѣбъ и прислать какъ найскорѣе вѣдомость описанному хлѣбу. Многія тутъ жители вдались въ печали о прокормленіи себя, а какъ сталъ хлѣбъ дорогъ, то вдругъ и цѣна поднялась на винѣ и изъ 70 к. стали продавать ведро вина по 2 р. 40 к., чего никогда въ семъ мѣстѣ не бывало. О дивна превращенія, чрезъ два мѣсяца здѣлавшіяся!

По наступленіи-жъ сентября мѣсяца пришолъ мнѣ на мысль мой проступокъ, учиненный въ прошломъ годѣ въ поѣздкѣ въ Бѣлгородъ, который я вознамѣрился загладить вторичною поѣздкою. И такъ зъ женою и сыномъ отправился въ Бѣлгородъ 18 числа сентября, а въ Бѣлгородъ прибылъ 19, 20 жъ удостоился видѣть въ служеніи архипастыря Ѳеоктиста. И тотъ день после литургіи ходя по городу, разсматривалъ слѣди Ея Величества: видѣлъ триумфальныя, здѣланныя близъ мосту на харковской дорогѣ, ворота, на коихъ, сверхъ другихъ изображенныхъ знаковъ усердня, здѣлана золотистими литерами надъпись такова: «Благоденствуемъ мы въ премудрости твоей». Въ соборной церквѣ здѣланъ тронъ, обитой внутрѣ бархатомъ малиновымъ зъ золотымъ газомъ, а на правой сторонѣ къ стѣнѣ корона и вензелемъ задѣланное имя золотымъ позументомъ, вокругъ-же написанны приличныя царскимъ жертвоприношеніямъ пункты живописною работою, а на лѣвой сторонѣ на стѣнѣ портретъ Ея Величества. Домъ, гдѣ Ея Величество изволила пробыть двѣ ночи и одинъ день, выстроенъ деревянной въ каменномъ кварталѣ, повыше смоленской церкви, къ жилой слободѣ. Окрашенъ снаружи зеленою краскою, а вокругъ двора ограда каменная, равно и флигели каменные. Передъ домомъ щитъ деревянной обсаженъ соснами, а внутрѣ въ какомъ уборѣ, писать не могу

потому что по нѣкоторымъ причинамъ я внутри онаго не былъ. На выѣздѣ изъ города двѣ каменные пирамиды.

21 после заутрени въ соборной церкви пѣлъ угоднику Христову Иоасафу Горленку панихиду и былъ допущенъ съ женою, дочерью Любовью и сыномъ Петромъ къ ево мощамъ, лежащимъ отъ 1748 года нетлѣнно подъ церковію Воспоминанія страшнаго суда Божія, что въ придѣлѣ. Они лежатъ въ гробищѣ зеленой во всемъ одѣяніи архирейскомъ и весма сухи. Одежда вся нетлѣнна, токмо сапоги мало начали отъ ветхости вредится по швамъ, которымъ мы приложась, просили открыть лице ево, которое также нетлѣнно и весма сухо, а потомъ прикладывались къ стоящимъ за царскимъ трономъ въ кіотѣ мощамъ разныхъ святыхъ, коимъ тамо приложенъ и реестръ. Всѣхъ-же ихъ 21-го святого, въ томъ числѣ Иоанна Предътечи и великомученицы Варвары. Съ Бѣлгорода отъѣхалъ 21, а домой прибылъ 22 благополучно, благодаря Всемогущаго Бога, что удостоилъ перво видѣть мощи святыя и быть прикладчикомъ къ онымъ.

Потомъ явился въ судъ и началъ по указу описывать хлѣбъ, стоящій въ гумнахъ разныхъ селеній у жителей, а въ домѣ исправлялъ постройку вновъ бани и огорожи двора, обновляя оной отъ пожарной страсти полутше, ибо лѣса стало подоволнѣй отъ покупки ушедшихъ на Моздокъ жителей прошлого году.

Октября 4 былъ въ слободѣ Среблянки на посвященіи вновъ выстроенной каменной церквы съ женою, которую освящалъ архіерей Ѳеоктистъ соборнѣ, а по освященіи обѣдалъ въ домѣ тамошнего помѣщика надворнаго совѣтника, Аггея Григоровича Изединова, вмѣстѣ съ его преосвященствомъ; за столомъ-же было всѣхъ персонъ со священниками 35, а по обѣдѣ его преосвященство уѣхалъ въ Валуйку, а я съ своими домой.

1787 года октября 6.—Тутъ возгорѣлась давно врагу рода христіянскаго желанная война, объявлени вездѣ съ прошеніемъ о побѣдѣ на врага манифесты, въ которыхъ прописаны причины началу оной, весма законныя и коихъ оскорбленія Россійская корона носить не могла, ибо, сверхъ всѣхъ незаконныхъ требованій, объявила турецкая порта, что она заключенныя послѣ бывшей баталіи, коя кончилась въ 1774 годѣ, мирныя контракты уничтожаетъ коихъ и самыя варвары обыкли почитать святость всегда и требовала отдачи Крыму и протчихъ городовъ и соленыхъ озеръ. А между

тѣмъ въ 5 день прошедшаго мѣсяца августа заключила нашего россійскаго посланника Булгакова въ семи-башенный замокъ. И начались отъ нихъ кровопролитія вездѣ и отъ Россіи тоже. Но увѣнчай Господи, въ пользу нашего отечества, ея конецъ и предаждь противныя враги въ руки наша!

Ноября съ 1-го началъ хлѣбъ продаватся шесть рублей и какъ рожъ, такъ пшеница и пшено въ одной стало цѣнѣ, а гречъ 4 р., ячмень-же и просо 3 р. 50 к., вина-жъ продажа въ Слоновки возвысилась до трехъ рублей. Многія начали было курить по винокурняхъ, но видя выходъ вина противу покупки хлѣба не авантажень, застановили винокурни, въ томъ числѣ и я. Но поставка приближающаяся много мнѣ дѣлала печали, коей срокъ назначенъ въ февралѣ.

О войнѣ получили извѣстіе, что генелалъ Суворовъ подъ Кинбургомъ разбилъ турокъ, умертвя на мѣстѣ семъ тысячъ, и что въ гавань подъ Кинбургомъ-же захвачено 20 кораблей турецкихъ, и что взятъ городъ ихъ Очаковъ въ наши руки, и что вышеписанный генералъ Суворовъ отъ ранъ умре. Послѣ узнали достовѣрно, что онъ живъ остался. Голодъ часъ отъ часу умножается и уже декабря съ 1 начали четверть ржи покупать по семи рублей а протчей хлѣбъ такъ-же возвышался. А для войны наборъ рекрутской положенъ со ста душъ одинъ рекрутъ. Тутъ съ крестьянской всякой души платили рекрутныхъ денегъ по 3 р. 60 к., а къ тому велѣно еще для подвижного при арміи магазейна набрать погонщиковъ и взяли со 154 душъ по одному погонщику, съ мѣсячнымъ провіантомъ и одеждою, въ чемъ мнѣ стоило труда не малого, потому что въ судѣ былъ почти я одинъ, и все сіе надобно было исполнять въ скорости, въ разсужденіи нужного времени войны, а кътому понужденіе по уѣзду въ платежѣ подушныхъ денегъ, коихъ за неурожаемъ хлѣба платить чорному народу было нечимъ. И такъ я бывалъ и въ уѣздѣ и въ судѣ всегда одинъ и не имѣлъ почти день и ночи покою, что было не безъ досады.

Декабря 10 священникъ нашъ старой и общей духовникъ отецъ Алексѣй умре въ 11 часу по полуночи. Мы оного похоронили 11 числа близъ церкви каменной, вмѣстѣ съ Иваномъ Панченковымъ, подъ олтарною каменною стѣною. Но дивна видѣли тутъ дѣла: когда отрыли яму, въ которой похороненъ Панченковъ

для погребенія во оной и отца Алексѣя, то видѣнъ сталъ ево гробъ. Я отъ любопитства велѣлъ оной раскрыть и посмотрѣть, что съ моимъ милымъ пріятелемъ чрезъ годъ и десять мѣсяцевъ здѣлалось. Вошли тогда въ яму къ ево гробу зять его Стефанъ Черниговцовъ и братъ родной Федоръ. И о чудо! когда открыли верхную доску, то увидѣли, что онъ лежитъ цѣлъ, такъ какъ-бы сей день погребенъ, а только мало лице и носъ потемнѣли отъ течи въ яму воды и духъ изъ гроба былъ не противенъ. И такъ, посмотря мало, утоливши свое любопытство, велѣли закрыть гробъ и, пѣвъ погребеніе священническое, погребли своего духовнаго въ одной ямѣ съ моимъ пріятелемъ Панченковымъ близъ олтарной стѣны подъ окномъ.

По окончаніи-жъ сихъ происшествій исправлялъ я свою по суду должность и былъ въ уѣздѣ для отказу порутчика Тинкова имѣнія въ деревни Олшаницы и для высылки рекрутъ въ деревни Яблоновой и во многихъ помѣщиковъ, живущихъ за Осколомъ, для взысканія рекрутскихъ денегъ прошлаго года, кои были въ недоимки, и въ слободѣ Михайловки для изъслѣдованія о разбитомъ питейномъ домѣ, которой разбитъ былъ неправилно слободы Михайловки подданными черкасы.

Дождавъ-же празника Рождества Христова, празновалъ съ своими домашними, но не весма здорово, ибо приключеніе предъ тѣмъ за два дни насморка и отъ ѣзды всегдашней боль въ бокахъ составили было и настоящую болѣзнь. И такъ другой день празника не могъ уже и изъ горницы выйтить, а лежалъ въ постели и ползовался разными домашними лѣкарствы, кои мнѣ по воли Божіей мало и помогли. А на третій день, хотя и съ трудомъ, однако долженъ былъ отдать почтеніе своему исправнику Туфермахеру, куда и ѣздилъ съ женою, а протчіе дни въ судѣ и въ уѣздѣ.

Тутъ еще пришло мнѣ въ мысль, что дочери стали приходить въ возрастъ и по деревенскому житью живутъ въ невѣжествѣ, имѣвъ мало обращенія зъ дворяни, отъ коихъ могли бы заимствоватъ людское обращеніе, то имѣючи у себя тогда наемного кучера гудошника, велѣлъ ему всякой вечеръ играть на дудкѣ, а дѣтей сначала обучать плясать подъ оной. И такъ они охотно то всякой вечеръ исполняя, насъ зъ женою веселили, а сами мало по малу приобучались плясать, прежде безъ гостей, а потомъ и при случающихся на сихъ дняхъ гостяхъ, а симъ самымъ со благодареніемъ всевышнему Богу

кончили 1787 годъ и съ нимъ кончили прошедшіе бѣди, утверждаясь надеждою, что впредъ если будемъ Вышнему угодны добрыми дѣлами, то на предъбудущей годъ отвратитъ онъ отъ насъ всякое зло.

Зъ сего времени аржаному хлѣбу настала продажа цѣной четверть по семи рублей, а вина ведро по два рубли по семидесяти копѣекъ, а въ розницу 3 р. и болше, пшеница то-жъ, а овса по два рубли съ полтиною, пшена по 6 р. 50 к., да и всякія вещи въ разсужденіи дороговизни хлѣба цѣну свою возвисили.

1788 годъ.—Генваря съ 1 числа исправлялъ должность по суду земскому одинъ, ибо засѣдатель Волковъ былъ на 29 день уволненъ въ Бѣлевъ и Малоархангелскъ, и на сихъ-то дняхъ по нѣкоторымъ обстоятелствамъ досталось мнѣ получить барышей триста рублей. и будучи симъ доволенъ, зачалъ зъ 21-го курить паки въ винокурни, занявъ къ тому денегъ еще и у секретаря Корецкаго двѣстѣ рублей, ибо мы уже съ нимъ примирились и стали жить по прежнему братски.

Между тѣмъ какъ духовная особа, кою я взъерошилъ палками, меня тревожила по суду, да и другимъ, по гордости своей, всегда была противна, то вздумавъ обще зъ жителми сего селенія, поѣхали въ Бѣлгородъ зъ жалобою къ преосвященному Ѳеоктисту и тамо успѣлъ порядочно. Будучи у его преосвященства 7 февраля, испросилъ въ церковномъ служеніи начальство священнику Иосифу Безналову, а поданную о томъ прозбу отъ Павла Григоровича его-жъ преосвященству, пересказавши дурныя оного дѣла, довелъ до уничтоженія, о чемъ получа въ духовное отъ ево преосвященства правленіе ордеръ, возвратился домой зъ архипастырскимъ благословеніемъ благополучно. Въ семъ пути дорога была весма трудна въ разсужденіи великихъ снѣговъ и частыхъ по дороги ухабовъ и чрезвычайной стужи. Въ февралѣ мѣсяцѣ хлѣбъ продавался тожъ 7 р. и вино дорогою цѣною. И въ семъ то мѣсяцѣ поставка моя довела до убытка: поставивъ въ семъ мѣсяцѣ изъ числа трехъ сотъ толко двѣстѣ десять ведеръ, да и то пониже пробы, которое, по милости городъничего Бабанина и винного пристава Шипулина (съ коимъ имѣю и судное дѣло), принято въ казну и денги выданы за ведро по 60 копѣекъ, а противу покупки хлѣба и выкурки вино себѣ становилось въ два рубли 30 копѣекъ, и такъ на каждомъ ведрѣ надобно было добавлять своими 1 р. 70 к. И такъ вдругъ шестьсотъ двадцать пять рублей у меня и хлопнуло. Вотъ каково

съ казною обовязываться и брать поставки! Впредь наука людей не слушать и выше мѣры не затѣвать.

Марта въ первыхъ числахъ увидѣли мало отрады: неведомо почему сталъ хлѣбъ продаваться цѣною въ 5 р. 50 к. Многия сему обрадовались, а кои накупили высокою цѣною прежде, почуствовали убытокъ. Въ семъ то мѣсяцѣ увидѣлъ я въ своей головѣ, по выходѣ зъ бани, доволно и сѣдыхъ волосъ; надѣюсь, отъ дѣлъ и поставки здѣлавшіяся мысли и печаль до того довели, или потому, что уже близъ была старость, ибо уже былъ мнѣ теперича тридцать девятой годъ. О, Господи! прошли лѣта, яко вихоръ свѣта. Вотъ и смерть у воротъ, а души спасти некогда за печалми!

Апреля 13-го въ великой четвертокъ сообщался Святыхъ Таинъ, и какъ вси дни была мокрая погода, то люди чтобъ не были празни, началъ противу своего дому на горѣ, въ маленкомъ ярку, близъ болшой рощи, расчищать лѣсъ и заводить вновъ садъ для веселости, и въ 28-й день прищепилъ двадцать четырѣ куста прищепъ. Здѣлалъ бесѣдку, куда часто удалятся было можно и давать мыслямъ волю. Между тѣмъ священникъ Григоровичъ, съ коимъ была у меня ссора, пришедъ ко мнѣ обще зъ другими священниками и діякономъ, просилъ у меня прощенія, и я съ нимъ помирился и началъ жить въ прежней дружбѣ и ходить другъ къ другу въ гости.—Слава Тебѣ, Боже, не хотящему смерти грѣшника, что Ты обратилъ наши сердца въ единомысліе и дружбу!—Въ семъ мѣсяцѣ стала продажа хлѣбу въ четырѣ рубли, потому что на поляхъ хлѣбъ былъ весма хорошъ. Но чуть было паки не огорчился народъ печалію, по причинѣ, что 25-го въ ночи выпалъ снѣгъ глубиною болше четверти аршина и лежалъ съ подкрѣпленіемъ морозовъ до 28 апреля, а какъ пропалъ, то увидѣли, что вреда хлѣбу не причинилъ, и радость въ народѣ стала прежняя въ надеждѣ урожая.

Маия въ первыхъ числахъ хлѣбу была продажа уже въ три рубли пятдесятъ копѣекъ. Но вино въ цѣнѣ прежней не уступало, а поставка паки меня тревожила, потому что подлежало по контракту ставить и въ семъ мѣсяцѣ 250 ведръ.

Июня 9 отправился я въ Курскъ для рукоприкладства къ екстракту по судному съ маіоромъ Шипулинымъ дѣлу о людехъ. И приложа ко оному руку, побывъ токмо одни сутки въ Курскѣ, поѣхалъ въ коренную ярмонку, обще съ ктиторами слоновской церкви,

для покупки на крышу церкви листового желѣза и лампадъ къ новопоставленнымъ въ церкви за клиросами кіотамъ, что искупя, прибылъ домой 19 іюня благополучно. По пріѣздѣ-жъ исправлялъ запущенныя по суду во время моей отлучки дѣла, ибо мой товарищъ г-нъ порутчикъ Волковъ о дѣлахъ вовсе не радѣлъ. 30 іюня пріѣхалъ ко мнѣ рано съ Харкова зять мой Иванъ Діонисіевичъ Енохинъ, съ коимъ я семь лѣтъ не видался. Я ево пріѣзду обрадовавшись, прогулялъ съ нимъ отъ 30 іюня по 7 іюля и провожалъ харковского намѣстничества до слободы Зимовенки, гдѣ съ нимъ распрощавшись, пріѣхалъ 9 числа домой благополучно, но не съ совершеннымъ отъ гулянья здоровьемъ, съ похмелья однако исцѣленъ тѣми-же медикаментами, отправился въ судъ къ дѣламъ.—Въ семъ мѣсяцѣ продажа хлѣба была четверть 2 р. 50 к. и ниже, ибо хлѣба весма были въ поляхъ изрядныя, а найпаче гречь и просо такъ были велики, что въ поясъ и выше человѣческой.

Между тѣмъ пронесся слухъ о благополучномъ успехѣ арміи и о взятье города турецкого Очакова, чемъ весма народъ былъ обрадованъ. Но вдругъ получены манифесты о неправедно поднятой противу Россіи войнѣ отъ короля шведскаго Густафа третьяго, который хотя ея величеству, нашей всемилостивѣйшей государынѣ и двоюродной по плоти братъ, но учинивъ жадность къ войнѣ, нарушилъ договоры вѣчнаго мира, напавъ на крѣпость шотландскую, не взявъ оную, потомъ вывелъ въ Балтійское море флотъ и началъ кровопролитіе. О, Господи! покори сего врага подъ ноги верныхъ, яко-же и прежде въ 1709 годѣ подъ Полтавой.

Весь сей мѣсяцъ былъ жестоко дожливъ и силные громы много вредили. 10 числа въ слободѣ Михайловкѣ отъ удару громоваго загорѣлось вдругъ два дома, 18 въ городѣ убило громомъ на выгонѣ въ полѣ однодворца, а 19 въ городской слободѣ Подольшанской зажгло домъ и убило женщину. Въ то время былъ я въ судѣ и всему тому самовидецъ былъ.

Тутъ-же на сихъ дняхъ учинился случай смѣшной и удивленія достоинъ. Въ слободѣ Пещанки, которая отъ Слоновки въ 8 верстахъ, былъ помѣщикъ Иванъ Ивановичъ Одинцовъ, чиномъ артиллеріи штикъ-юнкеръ, жилъ въ своемъ старинномъ отцовскомъ домѣ и имѣлъ достатокъ хорошъ, а къ тому и любовницу свою крепостную дѣвку (сіе не во осужденіе грѣховъ ево, которому единъ Богъ

судія, въ порядокъ запиши), съ которою прижилъ двое дѣтей, и первая дочъ умре, а новорожденный сынъ ихъ 4-хъ мѣсяцевъ здравствовалъ. Онъ по веснѣ началъ строить на мѣстѣ стараго новой изрядной домъ и по выстройкѣ положилъ намѣреніе жениться и оставить любовницу, и къ уборки дому, во время коренной ярмонки, накупилъ много мебелей и другихъ вещей, а между тѣмъ давъ и отпускную своей любовницѣ, съ награжденіемъ денегъ и протчаго. Но вдругъ перемѣна! 15 числа іюля пришедъ онъ въ домъ матери своей, вдовы маіорши Марфы Ларіоновой дочери Одинцовой, началъ просить благословенія итить скитаться по миру нищенскимъ образомъ, которую сей нечаянной случай зѣло удивилъ и опечалилъ, какъ сердоболную мать; ибо онъ былъ толко одинъ при ней сынъ, а старшій братъ ево, Алексѣй, служилъ въ арміи и слуху про него мало было, гдѣ обрѣтается. И какъ оная ему въ томъ отъказывала со слезами, то онъ увѣрялъ ее, что тое свое намѣреніе исполнитъ не скоро, почему она и дала ему благословеніе, вручивъ притомъ икону Божіей Матери ахтырской. А 18 числа ночью онъ, Одинцовъ, взявъ зъ собою того села священника Елиферія Ильинского и свою любовницу, невѣдомо куда удалились, оставя попъ жену, домъ и четырехъ дѣтей, а онъ, Одинцовъ, слободу подданныхъ дворовыхъ крестьянъ, домъ, денги и платье, не взявъ зъ собою, кромѣ иконы, ни одной копѣйки, ни сухаря хлѣба, и почти наги неведомо гдѣ дѣвались. По сему благому намѣренію, аще не впали они въ расколъ, то, Господи, управи путь ихъ и ихъ молитвами спаси и насъ грѣшныхъ! Тутъ-то театръ былъ жалости и плача подданныхъ и дворовыхъ людей, кои, збѣжавшись по утру во дворъ ево, плакали жестоко, ибо онъ жилъ съ ними не такъ, какъ помѣщикъ, а какъ другъ и братъ и не отягощалъ, какъ протчия жестокою работою. Потомъ пришла мать и сестра, разсматривая ево вещи и дѣла, рыдали жестоко, а найпаче мать, которая когда сыскала оставленное къ ней и сестрѣ своей писмо просителное о послѣднемъ благословеніи и что онъ уже съ нею болше не увидится, впавъ въ обморокъ, была безъ памяти. Что-жъ по сему услышимъ и увидимъ впредъ, Богъ вѣсть!

Между тѣмъ любезный мой кумъ, г-нъ исправникъ порутчикъ Туферъмахеръ, примѣчателно по наговорки, началъ на меня невѣдомо за что гнѣватся и въ судѣ дѣлать прицепки. Я, чувствуя

теперъ себя ни въ чемъ предъ нимъ и судомъ невиновнымъ, отвѣчалъ съ жалости предъ нимъ громко, а потомъ, скрывъ отъ него обиду въ сердцѣ своемъ, отдался молчанію и отправившись въ уѣздъ для взысканія недоимки рекрутскихъ денегъ, чрезъ полторы недели умышленно въ судъ не являлся, чтобъ дать мѣсто гнѣву, но что будетъ впредь, не вѣмы, а знаю, что я предъ нимъ ни въ чемъ не виноватъ.

Посля сего, по указу курского намѣстническаго правленія, велено обоимъ судамъ новоосколскому и корочинскому съѣхатся на мѣсто и по прозбѣ бывшаго города Яблонова однодворцовъ о лѣсѣ Натростенецкихъ и другихъ селъ жителей изслѣдовать, куда и отъряженъ былъ я и тамо успѣлъ въ слѣдствіи порядочно, съ великою отъ отвѣтчиковъ благодарностію за правое изслѣдованіе по ябедамъ напраснымъ отъ просителей, гдѣ и промедлилъ болше двухъ недѣль, а потомъ былъ въ судѣ и уѣздѣ по разнымъ дѣламъ, а найпаче во время бытности обозрителя ассесора Шатохина по казначейству, и много здѣлалъ по ошибки казначея Попова помочи, за что онъ меня и благодарилъ. А между тѣмъ справлялся, чтобъ курить на поставку винокурни, въ которой и зачалъ затири съ 5-го сентября, по пригчинѣ, что за май мѣсяцъ 250 ведръ было не выставлено вина.

Сентября 25-го въ 8-мъ часу по полудни прибылъ въ Новой Осколъ курский намѣстникъ, графъ Антонъ Богдановичъ Дебалменъ. Я обще съ городничимъ, земскимъ исправникомъ и протчими дворянами вечеромъ для отъданія поклона ходили въ ево квартиру, гдѣ побывъ часа съ два, разошлись по домамъ. А 26-го рано опять собравшись, обще ходили къ его сіятелству для отданія поклона, а потомъ побывъ его сіятелство въ присудственныхъ мѣстахъ и въ домѣ городничего Бабанина, изволилъ выѣхать въ 9-мъ часу, для препровожденія котораго ѣхалъ я впереди въ коляски, а проводя онаго чрезъ слободу Слоновку, обѣдалъ вмѣстѣ съ графомъ у земского исправника Туфермахера въ селѣ Беломѣстномъ за однимъ столомъ и во время сей моей бытности при его сіятелствѣ разговаривалъ онъ со мною ласково о разныхъ дѣлахъ, изъ села-жъ Беломѣстного проводя я оного съ городничимъ Бабанинымъ, возвратился домой. Тутъ мой кумъ, исправникъ Туфермахеръ, сталъ ко мнѣ по прежнему ласковъ, которую ласку

Шатохина, а здѣсь сталъ совершенно въ прежнихъ положеніяхъ, болше потому, что узналъ мою правость и незнаніе ево въ дѣлахъ по суду, коихъ я много за него исправлялъ.

Октября-жъ 2-го выставлена мною поставка благополучно, а между тѣмъ за болѣзнію секретаря нашего суда Арефьева, коего предъ симъ умре жена, исправлялъ дѣла я одинъ по суду, а товарищъ мой Волковъ и исправникъ бѣгали дѣлъ и суда, аки великой стужи.

А между тѣмъ на сихъ дняхъ явился нашъ одинъ постникъ и чудотворецъ, бывшій пѣщанской попъ Елиферій, который ушелъ съ помѣщикомъ Одинцовымъ, и пересказывалъ дѣла дивныя и удивленія достойныя: какъ они вмѣсто спасенія попали въ бѣду, ибо не въ монастыръ православныхъ, но въ скиты расколническия зайшли, но онъ бѣжалъ отътоль нагъ и едва живъ, а Одинцовъ и ево дѣвка еще тамо остались. Что-жъ по семъ послѣдуитъ, увидимъ или услышимъ впредъ.—Октября въ послѣднихъ числахъ вышеписанный постникъ отецъ Елиферій его преосвященствомъ Ѳеоктистомъ, епископомъ белоградскимъ, опредѣленъ на покаяніе въ белгородскій николаевскій монастырь на годъ, по причинѣ, при допросѣ онаго, объявленія, что будто-бы онъ сие здѣлалъ, будучи въ горячкѣ. А о сотоварище ево Одинцовѣ пришелъ слухъ, что оной, по уходѣ изъ скиту, остался для покаянія въ ростовскомъ монастырѣ за Москвою.

Сіе время продолжалъ я при судѣ одинъ по прежнему и исправлялъ временемъ домашнюю экономію съ радостію, что въ винокуренномъ моемъ заводѣ вино шло очень хорошо, а не такъ какъ въ прошедшіе годы, и противу покупки хлѣба все время цѣною четверти по 2 р. 50 к. и дровъ воза каждого по 25 к., а продажа вина ведра по 1 р. 60 к. и 70 к., а временемъ и 1 р. 80 к., получалъ я всякой день барышей по 2 рубли, чего по моему состоянію и жителству весма было доволно. Я всякой день говорилъ: благословенъ Богъ, устрояй со мною тако!

Ноября въ 4-й день, по указу курского намѣстнического правленія, прибылъ въ Новой Осколъ курской верхней расправы казенныхъ дѣлъ стряпчей Иванъ Дмитріевичъ Брончинскій, который опредѣленъ для понужденія земскихъ судовъ во взысканіи недоимокъ. Я первой по своему суду попалъ сему человѣку въ глаза, и по

многихъ ево взысканіяхъ о нѣкоторыхъ неисполненіяхъ, не явлшихся въ нашемъ судѣ, болѣе по слабости исправника, я все сіе слушалъ внятно, пока коснулись рѣчи и ко мнѣ, на которыя отъвѣчалъ, зная свою совѣсть въ невинности, неустрашимо; почему полюбилъ онъ меня и взявъ на мѣсто исправника съ собою въ уѣздъ, по разнымъ селеніямъ продолжали путь денно и ночно. И такъ я отъ 4-го числа по 9 не спалъ ни одного часу, то въ ѣздѣ, то по малости знанія ево, Брончинского, въ дѣлахъ, писалъ и исправлялъ дѣла, ему принадлежащыя, самъ, за что получилъ не малую благодарность и обѣщаніе въ рекомендаціи намѣстнику и губернатору въ Курскѣ.

На сихъ-же дняхъ между свидѣтельствомъ въ уѣздѣ и въ городѣ по казначейству дѣлъ открылось много взысканныхъ и не поступившихъ въ приходъ казенныхъ денегъ, почему бывшей новооскольской казначей, порутчикъ Федоръ Поповъ былъ имъ и городничимъ заарестованъ и дѣла всѣ запечатаны. Въ пятый день сего ноября мѣсяца шелъ снѣгъ и начали ѣздить въ саняхъ. Хлѣбу-жъ продажа была аржаной муки четверть 2 р. 50 к., а вино пѣнное 1 р. 70—80 к., полугарное-жъ 1 р. 55 к.

Черезъ ноябръ и декабря первыя числа происходили разныя дѣла по суду и моей экономіи, кои примѣчанія заслуживаютъ мало, а толко что силное происходило понужденіе въ разсужденіи войны о недоимкахъ подушныхъ податей, и были еще отъ нижнихъ расправъ въ помощъ земскимъ опредѣлены засѣдатели, а сверхъ того опредѣлено три казенныхъ дѣлъ стряпчия, кои, такъ-же имѣя всякой въ своемъ вѣденіи по пяти городовъ, понуждали земскія суды и много казначейскихъ неисправностей нашли и воровства казны. Новоосколской утратилъ болше четырехъ тысячъ, а губерніи казначей Драгневичъ и курской уѣздный болѣе тридцати тысячъ, за что лишены мѣстъ и суждены жестоко. Мнѣ хотя во взысканіи и было при судѣ не безъ труда, однако былъ отъ протчего покоенъ. Протчіе-жъ готовились къ новой на будущіе три года балтировки и желали многія занять мѣста въ судахъ.

Въ половинѣ декабря получено извѣстіе о взятьи второю армиею (коя называлась Екатеринославская) турецкого крѣпкого города Очакова въ 6-й день декабря, чему угодникъ Николай много помогалъ. А взятъ штурмомъ ночью и убито три генерала и ты-

сячъ до пяти рядовыхъ съ нашей стороны. По овладѣніи-же городомъ, бывшия тамо турки и татари избити на голову, кромѣ не многихъ чиновниковъ. Провіанта, пушокъ, пороху, ядеръ и протчего найдено превеликое тамо множество, и городъ отданъ былъ войску на грабежъ.

Съ 21 отправились наши господа дворяне къ балтировки въ Курскъ, а я остался при судѣ одинъ, голосъ-же поручилъ свой и шаръ порутчику Арсеньеву, бывшему первые три года уѣзднымъ судею.

Декабря 24 въ ночи привезена икона угодника Христова Николая, обложенная серебряною ризою, съ Курска въ церковъ въ новыя кіоты, кою я многогрѣшный здѣлалъ на свои денги въ отпущеніе его святыми молитвами злыхъ моихъ грѣховъ, и 25-го, во время чтенія на заутрени повечерія, моими руками вставлена въ кіотъ. Вѣсу въ оной 127 золотниковъ, а золотникъ цѣною по 27 к., а всего 34 р. 29 к. Слава Богу и его угоднику, что удостоенъ я симъ услужить Божіей церкви!

25-го въ ночи пришло наше осмое чудо изъ монастыря, помѣщикъ Одинцовъ, въ лаптяхъ и худой одеждѣ, и отъ стыда еще людямъ не кажется. Хотѣлъ быть во одинъ день святъ и убоясь бездни премудрости, возвратился вспять въ свой домъ, а любезную свою гдѣ дѣвалъ, еще не извѣстно.

Хлѣбъ на сихъ днехъ былъ цѣною ниже двухъ рублей арженой, а гречишной 1 р. 60 к.; вино въ 1 р. 40 к. полугарное, а пѣнное 1 р. 60 к. ведро. Я за продажею своего еще искупилъ у одного помѣщика 127 ведеръ и заработалъ на ономъ барышей 43 рубля; хоть на сахаръ и чай пригодится. Слава Божію провидѣнію и за то! Господа-жъ наши, присудствующія какъ уѣзднаго, такъ и земскаго суда, позвани были въ Курскъ для балтировки на предъбудущія три года, а я остался одинъ при судѣ и исправлялъ всѣ должности по суду и земскаго исправника. Тутъ также не мало было хлопотъ въ разсужденіи болшою частию, кромѣ земской полиціи, и слѣдствій, кои производими были надъ бывшимъ казначеемъ Поповымъ, на коемъ оказалось здесь недочоту только три тысячи девятсотъ рублей; были-жъ изслѣдователми казенной палаты ассесоръ Василій Ивановичъ Шатохинъ и верхней расправы стряпчей Бровчинской. А по изслѣдованіи взятъ казначей Поповъ подъ

арестомъ въ Курскъ для отвѣтовъ. Чѣмъ сіе кончится, Богъ вѣсть, по строгости законовъ. На сихъ дняхъ стужа была прежестокая съ сильными метельми и въ ѣздѣ мнѣ много убывало здоровья.

О, Ты благій и Всемогущій! тако о всякомъ отъ насъ печешися, акибы единого токмо имѣлъ еси, тако и о всѣхъ печешися, яко о единомъ.

1789-й годъ началъ, слава Богу, благополучно: и къ 9-му числу генваря прибыли нововыбранные присудствующіе: въ уѣздный судъ судя маіоръ Андріянъ Масловъ, въ засѣдатели къ нему ротмистръ Яковъ Скибинъ и порутчикъ Алексѣй Глатковъ, въ исправники порутчикъ Иванъ Федоровичъ Тинковъ, къ нему засѣдатели: подпорутчикъ Сафронъ Поповъ и прапорщихъ Василій Алексѣевъ. Сіи два выбраны въ противность высочайшей дворянской грамоты, ибо Поповъ недвижимаго имѣнія за собою ни какова не имѣетъ, а Алексѣевъ не служилъ офицеромъ, но въ разсужденіи, что болше выбрать было по малости дворянъ некого, а я у господъ дворянъ просилъ уволненія, что для меня и здѣлано. А какъ вступили они въ должности, то обще всѣ дворяни и дали мнѣ о добропорядочномъ моемъ бытіи въ должности и исправленіи дѣлъ аттестатъ, которой безъпрекословно всѣ дворяни и подписали въ квартирѣ порутчика Глаткова въ городѣ, генваря въ 10-й день, пополудни во 2-мъ часу.

Имѣя свободу отъ многохлопотныхъ дѣлъ, началъ я думать о своихъ дѣлахъ, для множества бо важныхъ причинъ наскучило мнѣ имя засѣдателя и чинъ. И такъ я отправился въ Курскъ для своего суднаго дѣла, которое въ верхнемъ земскомъ судѣ было по апелляціи маіора Шипулина, и въ томъ числѣ имѣлъ и довѣренность отъ Шидловскаго и коштъ о взятьи въ оброкъ земли казенной, для ево весьма нужной, состоящей на рѣкѣ Потудини, и подавъ о томъ прозбу въ казенной палатѣ, возвратился домой февраля въ 9-й день.

И побывъ въ домѣ по 28-е число, паки по тѣмъ-же дѣламъ отъѣхалъ въ Курскъ и по пріѣздѣ узналъ, что дѣло мое въ верхнемъ земскомъ судѣ рѣшено, и въ мою ползу, чемъ былъ обрадованъ, и также въ торгахъ о земли для Шидловскаго успѣлъ, и не дорогою цѣною взялъ и рекрута ево отдалъ за Новооскольскія ево души. Въ семъ мнѣ пути была путь весма трудная отъ стужи и силныхъ метелей, отъ коихъ столь много выпало снѣгу, что съ дороги своротить было не возможно вовсе, и если встретишься на до-

роги съ кѣмъ, то надобно одному непремѣнно съ своими лошадми было утопать въ снѣгу и освобождать лошадей и повозку часа два. А дворы, улицы и прочее жилье такъ было позабито снѣгомъ, что можно было ѣздить чрезъ огорожи; на ровныхъ же мѣстахъ снѣгъ лежалъ по дороги вышиною въ два аршина, а въ другихъ низменныхъ мѣстахъ и по логамъ аршина 3 и болше. Такой зими нихто изъ стариковъ не помнитъ, ибо какъ съ начала настала стужа, такъ и до окончанія зимы была безъ всякой оттепели съ сильными, болшою частію восточными вѣтрами и метелью.

Хлѣбъ-же въ сихъ мѣсяцахъ продавался цѣною четверть по 1 р. 60 к. арженой, а гречишной по 1 р. 40 к. Вину за стужею былъ виходъ не хорошъ; кормъ для скота, по притчинѣ дурной пути, былъ дорогъ, ибо когда у кого сѣно и было въ полѣ, по привесть онаго въ домы за глубокими снѣгами не можно. Поставка моя 300 ведръ въ февралѣ мѣсяцѣ выставлена порядочно и денешки получены сполна, за кои я въ Курскѣ здѣлалъ себѣ шубу въ 40 р. и ложекъ серебренныхъ двѣ, да женѣ купилъ золотое колцо и на пару платья тавты. Слава Всемогуществу Божію, что въ томъ успѣлъ въ ползу домашнихъ нуждъ и возраста дочерей!

Апреля 2 числа по утру вздумалъ я проходится въ свои сады посмотрѣть деревьевъ (ибо отъ бывшаго дождя и солнца по-верхъ преглубокихъ снѣговъ можно стало ходить свободно) и тутъ къ сожалѣнію превеликому и съ печалію о трудахъ и веселости моей увидѣлъ, что въ новомъ моемъ саду, занятомъ въ прошедшемъ годѣ по веснѣ, прескверный звѣрь заяцъ съѣлъ выросшія въ прошломъ лѣтѣ аршина по полтора кусты разныхъ хорошихъ дуль, яблокъ и баргомодовъ двадцать два куста до самого корня. Тутъ-то пришло мнѣ на память, что и малой червь или зверокъ можетъ съ попущенія Божія дѣлать великия пакости. А какъ пошолъ выше на гору въ старой садъ, то тамо уже не удержался отъ слезъ, когда увидѣлъ, что всѣ самолутшіе яблоки и дули съ баргомодами объѣдени, а на сладкихъ яблоняхъ, кои были уже толсти, кожа вся до гола объѣдена симъже проклято-сквернымъ звѣремъ, когораго я, какъ будто предчувствовавъ быти мнѣ вредна, никогда не любилъ и не ѣдалъ ево мяса, никогда во всю мою жизнь. О проклятое созданіе! Ты сотворено на ползу человѣку, а дѣлаешъ вредъ. Но что дѣлать, если Богъ [illegible] сему малодушному творенію меня поучить впредь быть

осторожнымъ? Слава Ему во вѣки да будетъ! Авось либо иныя отойдутъ и не усхнутъ деревья. Сіи дни была страстная седмица и стужа была всякой день съ восточными вѣтрами, какъ будто въ декабрѣ, и казалось, что время идетъ не къ Воскресенію, а къ Рожеству Христову. Снѣгъ-же мало кой гдѣ растаялъ по логамъ, а въ поляхъ былъ невредимъ ни мало. Сей вѣтръ началъ дуть февраля съ 15-го и былъ все одинъ съ маленкою дни на два перемѣною и до 8-го апреля.

Въ Курскѣ какъ было у насъ между начальниками мирно и многія тому завидовали, то нынѣ тое прервалось и начался между намѣстникомъ Дебалменомъ, губернаторомъ Зубовымъ и вицъ-губернаторомъ Яновымъ великия ссоры, тако-жъ и между протчими. Началось-же за зловредство, послѣ чего открылось великое похищеніе казны, изъ уѣздныхъ-же казначеевъ почти всѣ поступили въ уголовную палату на сужденіе. И въ бытность мою въ Курскѣ, привезенъ рылской казначей Харинъ за похищеніе двадцати девяти тысячъ, скованъ и отданъ сужденію уголовной палаты, а по немъ и многія какъ изъ судей рылскихъ, такъ и купечества, по имѣнію съ нимъ нѣкоторыхъ дѣлъ.

Тутъ хотя и была у меня мысль и имѣлъ случай и помощъ отъ членовъ палаты быть въ Новомъ Осколѣ казначеемъ, но видя таковыя времена и перемѣны со строгостію, оставилъ намѣреніе, а буду лутше жить въ покоѣ и тишинѣ въ домѣ съ любезною мнѣ женою и дѣтми. Пусть умру я и съ хлѣба кускомъ, да на мѣстѣ покойномъ такомъ. Новооскольской-же нашъ казначей Поповъ также въ Курскѣ при мнѣ взятъ подъ арестъ (въ каменной мѣшокъ), а поступившей на мѣсто ево секретарь Пенковской отъ должности за незнаніе отърѣшенъ вовсе.

Будучи въ Курскѣ марта 14-го дня, купилъ себѣ я аглинския часы, подъ № 2,159, новыя, цѣною за пятдесятъ рублей. И такъ имѣлъ уже теперича трое часовъ карманныхъ, хотя прежнія и не болшой цѣны. Слава Богу! не толко отецъ, но и дѣдъ нашъ сего не зналъ и не имѣлъ, а мнѣ досталось имѣть и тѣмъ въ мірѣ высоконоситься; а можетъ быть по старинному обычаю они такого вертопрашества не хотѣли.

Нужно не пройтить молчаніемъ, что описанной выше нашъ постникъ и богомолецъ, помѣщикъ Одинцовъ, апреля 1-го, то есть

въ недѣлю ваій, свою дѣвку, съ которою онъ было изволилъ отправится въ скиты и монастири, матери своей и всѣмъ объявилъ законною женою, ибо онъ говорилъ, якобы въ томъ своемъ путешествіи на ней обвѣнчался, и еѣ оставлялъ въ Калугѣ, а самъ, пришедши домой пѣшъ, посылалъ за нею подводы, отъколь она и изволила прибыть въ домъ марта 26-го. Доволно послѣ сего объявленія было въ народѣ рѣчей и смѣху, а отъ родственниковъ отъ такой подлости слезъ, чему злая ево мать причиною. Сестра-жъ родная ево, прапорщица Шидловская, которой нынѣшняя Одинцова жена была крепостная дѣвка, не знала, что дѣлать, видя изъ своей крестьянки невѣстку; рвалась отъ зависти, да что-жъ дѣлать? возвратить сего было не можно. Вотъ чѣмъ нашъ богомолецъ свое благоговѣйное путешествіе окончилъ! И такъ они нынѣ въ нововыстроенномъ своемъ домѣ въ слободкѣ Пещаной живутъ, не являясь ни сами людямъ, ни люди имъ, до времени волнаго своего явленія міру.

Зима лежала и ѣздили санми сего года по 16 число апреля,— дѣло и старимъ старикамъ не памятное, чтобъ такъ долго продлилась въ нашей сторонѣ зима и снѣгъ. По логамъ-же глубокимъ и вершинамъ видѣнъ былъ снѣгъ по 27 маия, въ которое число былъ день Пятидесятницы. Здѣсь многія уже увидѣли, въ томъ числѣ и я многогрѣшный, что въ садахъ отъ стужи повымерзли самыя лутшія деревья, а въ лѣсахъ стоячіе около рѣкъ деревья ясеновыя, кленовыя и протчаго рода, отъ чего въ сіе время казались лѣса какъ будто зимою стоящія безъ листьевъ. Въ моемъ-же саду, что на горѣ, лутшихъ деревъ баргамотныхъ, дулевыхъ и яблоневыхъ замерзло до двадцати, а протчія едва ожили. И такъ садъ мой отъ проклятого звѣря и стужи почти пришелъ въ пустошъ. Хлѣбу въ семъ маие мѣсяцѣ была продажа въ 2 р. 50 к., по притчинѣ великой суши, ибо отъ 18-го марта и по сіе время дождя не было, и хлѣба всѣ въ полѣ позасохли, а въ гумнахъ стоящей хлѣбъ мышъ силная во всемъ почти истребила. Надежно, что за грѣхи наши не къ добру, а въ наказаніе отъ праведнаго Бога сіе попускается.

На сихъ дняхъ былъ я въ Харковѣ для свиданія зъ сестрою Марфою Осиповною и протчими сродниками на коштѣ Шидловского, ибо ему нужло было чрезъ меня совершить крепость на имѣніе, доставшееся ему отъ маіорши Прасковьи Безгиновой по рѣкамъ Моксею и Самострелки. А по пріѣздѣ съ Харкова, хотя и зъ заим-

кою у добрыхъ людей денегъ, купилъ у слоновского священника Иосифа Безпалова состоящую на протокѣ Боровковомъ (долини то-жъ) близъ слободы мелницу со всѣмъ строенісмъ и началъ оную возобновлять отъ опустѣнія, желая себѣ добра и дѣтямъ. Вода-жъ тогда по ручью силно дѣйствовала.

Іюня съ первого, по именному повелѣнію, начали свозить правіантъ на мѣсто зборное въ слободу Слоновку, которой слѣдовалъ для продоволствія арміи, и брали онаго со всякой какъ казенной, такъ и помѣщичьей души по два четверика муки, а крупъ по полъ-тора гарца. Комысаромъ-же ко оному выбранъ былъ обществомъ новоосколскаго дворянства подпорутчикъ Павелъ Антоновъ сынъ Глатковъ. Сей жребій палъ было на меня въ собраніи дворянскомъ, но я едва могъ отъ того прозбою уволнится, а вышеписанной самъ пожелалъ. Управъ, Господи, путь его!

Тутъ ужасно было смотрѣть множества собранія народа разного и собранного хлѣба и скота, которому мѣсто было назначено по конецъ слободы Слоновки, близъ новокупленной моей мелницы, а отправленъ оной былъ по раздѣленію на три партіи. Каждая партія составляла тысячу фуръ. Послѣдняя-жъ партія отправилась 16-го іюня и тѣмъ кончилось отправленіе въ Кременчугъ городъ правіанта. А пока отъправленіе сіе кончено, то земскому суду и дворянской опеки велѣно быть въ Слоновки, гдѣ отправляя правіантъ, отправлять и другія дѣла по суду. И такъ, благословенная наша слобода Слоновка съ 1-го и 16 число іюня была городомъ, толко не безъ муки и заботъ.

Упражняясь въ домашнихъ заботахъ и экономіи, пришелъ въ совершенство и новокупленную свою у попа мелницу съ немалымъ трудомъ и коштомъ, издержаннымъ на возстановленіе оной болѣе шестидесяти рублей, которая 21-го іюня и начала молоть совершенно на одинъ камень. А какъ первія сутки заработали отъ помолщиковъ шесть четвериковъ разного хлѣба, то я былъ и радъ, что данныя деньги и труды не остались втунѣ. Слава Всемогущему Богу! Сталъ я имѣть зъ сего времени двѣ мелницы: одну Ивицкую, наследственную, а другую вновь приобрѣтенную, названную мною Петровская, потому что оную обѣщалъ сыну своему Петру воздвигнуть. Боже, управи и исправи бѣдность мою впредь!

Июля 4-го, въ 10 часовъ по полудни, жена моя принесла мнѣ дочъ, именемъ Марѳу, коя того-жъ мѣсяца 10-го числа и крестомъ святаго крещенія просвѣщена. Воспріемникомъ отъ купили былъ порутчикъ Василей Ивановичъ Туферъмахеръ, а воспріемницею своячиня моя Аксинья Васильевна. И такъ мы день крещенія моей дочери гуляли благополучно и веселились доволно въ домѣ и на новокупленной мелницѣ, а на другой день 11-го числа у кума моего Василья Ивановича въ Беломѣстномъ.

26-го отправился я въ Курскъ по дѣламъ корчемнымъ Шидловского и что надобно, здѣлалъ, а исъ Курска возвратился 7-го августа. Сія путь была мнѣ скучна по притчинѣ силной грязи отъ дождей.

Августа 17-го числа нужда была мнѣ при новокупленной мелницѣ починить плотину, почему, употребя своихъ людей и наемныхъ, то исправлять велѣлъ при себѣ, между тѣмъ охотился съ ружьемъ, стреляя, стоя на плотинѣ, въ льотъ утокъ дикихъ. И тогда въ половинѣ 6 часа по полудни явился маленкой темной, аки дождевой, облакъ между западомъ и полуднемъ, стоя надъ хуторами немцовыми (солнце-жъ свѣтило ясно при западѣ), а изъ облака висѣла кишка, на подобіе мужской косы пруской, кою и наши употреблять обыкли, одѣваясь въ штатное платье, и была чрезъ целой часъ отъ верхняго конца темна третью часть, а двѣ части свѣтла, и нижней конецъ очень тонокъ, по прошествіи-жъ часа во мгновеніе ока изчезла. Что изъ сего послѣдуетъ явленія, худо или добро, увидимъ.

Упражняясь-же въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ церковныхъ, по продажѣ старой деревянной церквы въ село Афонкино, подрядилъ плотниковъ изломать старую, строенную отцемъ моимъ, деревянную колокольню и выстроить изъ оной церковныя лавки, коихъ и выйшло шесть, почему оная 30 сентября и изломана, а октября 3 подрядилъ каменщиковъ калужскихъ класть каменную съ лавками колокольню отъ 1 тысячи по 2 руб. А кирпичъ купилъ въ городѣ Новомъ Осколѣ казенный, который былъ изготовленъ для выстройки присутственныхъ мѣстъ, но, въ разсужденіи войны съ турками, та постройка оставлена и велѣно кирпичъ распродать.

Сего году въ октябрѣ мѣсяцѣ была хлѣбу продажа аржаной 2 р. 50 к., гречной 2 р., пшеница 5 р. четверть, а вино продавалось пѣнное 1 р. 80 и 90 к., полугарное 1 р. 60 и 1 р. 70 к.

На сихъ дняхъ просилъ меня Шидловской, мой благопріятель, о поѣздкѣ въ Воронежъ для торговъ по откупамъ и за то подарилъ мнѣ 200 р. денегъ, коими я заплатитъ за новокупленную у попа мельницу.

Октября въ послѣднихъ числахъ ѣздилъ я съ Шидловскимъ въ Курскъ для торговъ по откупамъ о винѣ и по ево дѣламъ въ верхнемъ земскомъ судѣ. А по пріѣзде приводилъ въ совершенство нововыстроенную винокурню близъ мелницы новой и курилъ вино вигодно. Слава Всемогущему Богу!

Декабря 5 предъ вечернею поставлены мною вновъ написанныя мѣстныя иконы въ новомъ иконостасѣ въ церквѣ.

Декабря 6 бывшей нашъ посникъ и богомолецъ со мнимою своею женою былъ у меня и гостилъ доволно, но изъ обхожденій ево примѣчено, что они не вѣнчани, что можно было узнавать изъ речей благовонной ево жены; а что впредъ будетъ, увидимъ, если Богъ продлитъ жизни нашей.

Сего-жъ декабря 10 числа отправился я въ Воронежъ по дѣламъ Шидловскаго и прибылъ къ Дону въ село Гремячее 12 числа, въ 10-мъ часу по полуночи, гдѣ, покормя лошадей, въ 1-мъ часу по полудни переѣхалъ благополучно Донъ. И такъ, вступя въ Азію, пробылъ въ Воронежѣ до 23-го, а изъ Воронежа пріѣхалъ домой 25-го числа, въ 8-мъ часу по полуночи, благополучно.

Ноября 13-го взятъ городъ Бендеры свѣтлѣйшимъ книземъ Потемкинымъ, безъ штурма и кровопролитія всякого, и во ономъ много багажа и артилеріи, и аммуниціи. Святки праздниковъ Рождества Христова былъ я въ домѣ, потому что отъ Воронежской поѣздки бока болѣли, и что не было во всѣ сіи дни снѣгу, а голая земля, почему санми и ѣздить было не можно. И такъ, сидя въ домѣ, истекшей 1789-й годъ проводили благополучно, славя Бога и пречистую Его Матеръ о всѣхъ благодѣяніяхъ, кои мы зъ женою получили въ прошедшемъ годѣ. Хлѣбу при концѣ сего года была продажа: аржаной 2 р, 60 к. и 2 р. 50 к., грешневой 2 р. 20 к., пшеница и пшено 4 р. 50 к. и 5 р. Вина пѣнного ведро 1 р. 80 к., полугарного 1 р. 70 к. и 1 р. 80 к. Дровъ возъ воловой 45 и 40 к., конской 35 и 30 к., мяса говяжего $2^{1}/_{2}$ к., сала свинного пудъ 4 р., сала баранего и говяжего 6 к. фунтъ не топленого, а топленого 8 и 9 к. Скотъ рогатый и лошади дороги. Рыбы красной пудъ 3 р. 50 к., щуки бочковой 1 р. 20 к. и 1 р. Овощей, яко-то: яблокъ, дуль и орѣховъ, было въ прошедшемъ летѣ доволно. Болѣзней на людяхъ мало, а по осени лихорадкою болныхъ доволно было.

МИХАИЛЪ ЧАЙКОВСКІЙ И КОЗАКОФИЛЬСТВО.

Окончившій недавно жизнь свою самоубійствомъ извѣстный польскій эмигрантъ 30-хъ годовъ, беллетристъ и писатель Михаилъ Чайковскій вызвалъ въ русскихъ газетахъ много сочувственныхъ отзывовъ, относящихся къ послѣднему періоду его жизни и тѣмъ интереснымъ разсказамъ и воспоминаніямъ, которыми онъ обильно снабжалъ русскія періодическія изданія, по возвращеніи своемъ въ Россію, милостивомъ прощеніи и пріемѣ отъ русскаго правительства. Въ польской печати полныя превратностей жизнь и дѣятельность Чайковскаго, закончившіяся такъ трагически, вызвали болѣе полную и болѣе серьезную, хотя далеко не сочувственную оцѣнку. Къ задачамъ нашего изданія, личность и судьба Чайковскаго имѣютъ отношеніе по роду его прежнихъ литературныхъ произведеній и той идеѣ, которую онъ проводилъ въ нихъ и въ послѣдующей своей дѣятельности и которая связываетъ его съ цѣлымъ рядомъ польскимъ писателей такъ называемой украинской школы. Отличавшее его козакофильство, которое обуяло нѣкогда шляхту юго-западнаго края и оставило намъ въ наслѣдство рядъ давно забытыхъ романовъ и повѣстей изъ быта козачества и народа украинскаго, представляетъ во внутренней жизни нашего края, въ первую половину нынѣшняго столѣтія, явленіе на столько любопытное и оригинальное, что мы считаемъ нужнымъ посвятить ему со временемъ особое изслѣдованіе, теперь же ознакомимъ съ нимъ, а вмѣстѣ и съ однимъ изъ выразителей этого направленія въ польской литературѣ, доведшимъ его до крайности и абсурда, именно съ личностью Мехмеда Садыка-паши Чайковскаго по особой статьѣ г. Фр. Равиты, подъ приведеннымъ заглавіемъ по-

мѣщенной въ 7 и 8 №№ журнала «Недѣльное Обозрѣніе» (Przegląd Tygodniowy) за нынѣшній годъ.

«Мы не намѣрены, говоритъ въ самомъ началѣ авторъ этой статьи, говорить о жизни этого человѣка, а хотимъ лишь сказать нѣсколько словъ о той идеѣ, которую онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ, а потомъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, пытался осуществить на дѣлѣ». Тѣмъ съ большимъ удобствомъ мы можемъ пользоваться его изложеніемъ, освобождая читателей отъ тѣхъ подробностей въ жизни и дѣятельности столь извѣстнаго всѣмъ Садыка-паши, которыя выступаютъ изъ программы нашего изданія и не отвѣчали бы цѣли настоящаго сообщенія.

Свою идею возстановленія Польши съ помощью несуществующаго казачества, продолжаетъ далѣе почтенный авторъ, Чайковскій ловко съумѣлъ внушить другимъ и снискалъ ей не только благосклонное вниманіе и помощь Оттоманской Порты, но также матеріальную и нравственную поддержку такихъ людей, какъ князь Адамъ Чарторыйскій и Адамъ Мицкевичъ. Практическая пропаганда этой идеи, воплощеніе ея, такъ сказать, въ политическую жизнь, было личной заслугой Садыка-паши, но идея козакофильства, на которую опирались всѣ планы Чайковскаго, не была новинкою. Она сквозитъ очень отчетливо, хотя, надо признать, въ весьма смутныхъ нерѣдко представленіяхъ поэтовъ и прозаиковъ украинской школы и введена была въ польскую литературу не столько съ политической своей стороны, сколько со стороны поэтической и романтической.

Прежде поэтому, чѣмъ перейдемъ къ описанію дѣятельности Чайковскаго, направленной къ воплощенію этой идеи въ жизни, мы разсмотримъ историческую основу, на которой зародилась и развивалась идея козакофильства въ польской литературѣ.

Около 1830 г., или вскорѣ послѣ того, появился цѣлый рядъ поэтовъ и романистовъ, родившихся и получившихъ образованіе на Украйнѣ и Подоліи, который оказалъ такое вліяніе на польскую литературу, что ему почти сразу было присвоено имя украинской школы. Одновременное появленіе нѣсколькихъ выдающихся талантовъ было, конечно, случайностью, но она находила себѣ отчасти объясненіе въ томъ, что Украйна, Подолія и Волынь дышали еще тогда остатками школъ, организованныхъ нѣкогда энергичной рукой

Ѳ. Чацкаго или по ихъ образцу; тогда процвѣтали еще школы въ Умани, Винницѣ, Меджибожѣ, а посреди нихъ, какъ большой свѣтильникъ, сосредоточивающій въ себѣ свѣтъ просвѣщенія, стоялъ Кременецъ. Кромѣ этихъ родныхъ очаговъ просвѣщенія, было тогда еще только два свѣтлыхъ пункта, привлекавшихъ къ себѣ польско-украинскую молодежь, это Вильна и Варшава. Къ помянутой выше плеядѣ писателей украинской школы принадлежали: Богданъ Залескій (род. въ 1802 г.), Северинъ Гошчинскій (род. 1803 г.), Гроза (род. 1803 г.), М. Грабовскій (род. 1805 г.), Тимко Падура (род. въ концѣ XVIII ст.), М. Чайковскій (р. 1808 г.) и младшій между ними М. Олизаровскій (р. 1814 г.). Это были люди приблизительно одного возраста, воспитанники тѣхъ же школъ, нерѣдко однокашники, уроженцы того же края, стоящіе въ близкихъ отношеніяхъ къ его населенію, его борьбѣ, бѣдствіямъ, побѣдамъ, люди, которые всѣ принадлежали къ одной и той же мелко-шляхетской сферѣ. Позже всѣхъ остальныхъ сталъ извѣстенъ читающей публикѣ М. Чайковскій, а когда онъ выступилъ на литературную арену и сразу пріобрѣлъ извѣстность, его встрѣтилъ тотъ же упрекъ, что и Г. Ржевускаго, упрекъ въ плагіатѣ. Тѣ, кто зналъ обоихъ писателей въ ихъ частной жизни, какъ людей мало образованныхъ и неученыхъ, не могли и не умѣли примирить такого противорѣчія и прямо указывали лицъ, которыхъ считали дѣйствительными авторами повѣстей Чайковскаго. Но противорѣчіе это было только кажущимся, въ сущности между авторомъ и его произведеніями господствовало полное согласіе и единство; внутренняя пустота, прикрытыя мишурнымъ блескомъ распущенность и шумливость вмѣсто жизни, преувеличенная фантастичность вмѣсто фантазіи. Черты эти могли казаться правдивыми людямъ мало знакомымъ съ мелко-шляхетской и народной жизнью на Украйнѣ, но ихъ умѣли достойно оцѣнить такіе знатоки украинской жизни, какъ М. Грабовскій, который осмѣивалъ эту «*образность*» стиля въ повѣстяхъ Чайковскаго, такъ называемую *поэтическую прозу*, всего ярче выступающую въ его «Козацкихъ повѣстяхъ».

Идея козакофильства, которая толкнула Чайковскаго на арену политической дѣятельности, не родилась въ немъ, не была даже результатомъ его самостоятельной духовной дѣятельности, но, уже развитая и обработанная его знаменитыми предшественниками, была

лишь подхвачена и изуродована имъ крайностями, естественными въ недоучившемся, но пустомъ и крайне самолюбивомъ человѣкѣ. Онъ подхватилъ мысль, но не съумѣлъ примирить ее ни съ временемъ, ни съ обстоятельствами. Происхожденіе этой идеи имѣло два совершенно отличныхъ источника—жизнь и поэзію, но оба эти источника вышли изъ глубокихъ родниковъ соціальной и политической жизни шляхетско-украинскаго общества.

Въ первой четверти XIX в. вымирало послѣднее поколѣніе, которое унаслѣдовало еще и завѣщало традиціи порядковъ и обычаевъ старо-шляхетской Рѣчи Посполитой, а на этихъ традиціяхъ воспитывалось новое молодое поколѣніе, которое должно было выступить въ 1831 г. На этихъ традиціяхъ основывались и отношенія шляхты къ народу; съ одной стороны шляхта жила всегда, какъ и вездѣ въ Имперіи, барщиной и трудомъ народа, съ другой—съ презрѣніемъ и ненавистью относилась ко всѣмъ смутнымъ, нерѣдко вызваннымъ посторонней рукой, волненіямъ этого народа, которыя нашли себѣ выраженіе въ разнузданныхъ вспышкахъ, извѣстныхъ подъ именемъ гайдамачины и коліивщины (съ 1768 г.). *Надворная милиція*, содержимая прежде для защиты владѣній и имущества, съ переходомъ края подъ власть Россіи и умиротвореніемъ его, преобразуется постепенно въ *дворовую службу*, которая повсемѣстно принимаетъ типъ дворового козачества, предназначеннаго къ услугамъ пана и двора. Играли потухшей головней. Козаки эти набирались изъ обязанныхъ барщиной мужиковъ, наполняли собой крупныя и мелкія помѣщичьи усадьбы, сопровождали шляхту на охоту, при выѣздахъ и визитахъ, бездѣльничали, пьянствовали, шумѣли, словомъ козаковали, хотя нѣсколько иначе, чѣмъ ихъ господа. Это были времена, можно сказать, «саскія» [1]), когда въ покоѣ, довольствѣ и праздности, оправдываемой впрочемъ устраненіемъ шляхты отъ политической жизни, всѣ кружились въ вихрѣ веселыхъ сатурналій и, по пословицѣ, ѣли, пили и распускали пояса... Все это придавало чрезвычайно веселую, живую, подвижную, полную поэтической внѣшности физіономію краю. Младшее, подроставшее въ 1831 г., поколѣніе усвоило только внѣшнюю форму этой жизни, которой жили ихъ дѣды и отцы.

---

[1]) Времена правленія королей саксонской династіи, считающіяся у польской шляхты самыми счастливыми.

Память его не хранила впечатлѣній битвъ, въ которыхъ участвовали его предки, и оно отождествляло и смѣшивало страшное для нихъ представленіе о козачествѣ съ послушной и податливой службой дворовыхъ козаковъ. Веселая жизнь шла своимъ чередомъ, исторія все болѣе изглаживалась изъ ихъ памяти, радовались обузданію мятежнаго элемента и на его кажущейся податливости болѣе смѣлые и энергичные люди строили политическіе замки на пескѣ.

Украинская шляхта, не связанная политической общностью съ народнымъ организмомъ, тѣмъ не менѣе козачилась и давала у себя пріютъ украинскимъ бандуристамъ, которые не пѣли однако ей богатырскихъ думъ козацкой борьбы, но убаюкивали ее разгульной пѣсней, въ родѣ пѣсенъ пьяницкихъ и плясовыхъ, или же въ духѣ шляхетскаго разгула и удальства. Между такими бандуристами, шляхетскаго покроя, прославился такъ называемыми «украинками» (названіе теперь ужъ забытое) придворный бандуристъ Вацлава Ржевускаго Тимко Падура, который, вмѣстѣ со своимъ меценатомъ, совершилъ путешествіе на Востокъ (съ 1817 г. до 1820 г.). Человѣкъ довольно образованный (онъ учился въ Кременцѣ) и достаточно ловкій, чтобы понравиться большому барину, но плохой и бездарный поэтъ, онъ убаюкивалъ шляхту въ барскихъ хоромахъ пѣснями на плохомъ волынско-украинскомъ нарѣчіи, а дѣйствительно прекраснаго и музыкальнаго языка украинскихъ думъ и пѣсней не зналъ вовсе.

Пѣніе Тимка Падуры, воспитаннаго по шляхетски и поющаго мнимо-украинскія пѣсни на любимыя темы, увлекало и восхищало его воспріимчивыхъ, но невѣжественныхъ слушателей, которые не дослушались отсутствія въ немъ тона, вяжущаго пѣвца съ народной пѣсней и духомъ, и «сладко мечтали,—сильно ужь это ихъ куражило». Заготовлялся матеріалъ для прославленной въ свое время «балагульщины», такой безшабашности, которая въ безпредметной удали искала сходства съ безпечностью и удалью козачества.

Съ козаками, пока они были, мы не умѣли помириться, а когда ихъ не стало, козакофильство нашло у насъ послѣдователей, правда, *дворовое козакофильство*.

Случайность, поверхностность и безцѣльность составляютъ характеристическія черты этого новаго, мимолетнаго направленія чувствъ, которое никого не интересовало и не могло интересовать

серьёзно; это было возвращеніе къ забытой, непріятной когда-то формѣ, но не сущности, возвращеніе, которое до появленія повѣстей Чайковскаго не имѣло представительства въ литературѣ, если не считать «Украинки зъ нутоіу Тимка Падуры» (1884 г. Варшава).

Рядомъ съ неестественнымъ направленіемъ *двороваго козакофильства* родилось и созрѣвало другое—*козакофильство политическое*, которое въ такой формѣ, какъ его создалъ и воспѣлъ Богданъ Залескій, не нашло себѣ выдающихся подражателей въ польской литературѣ. Базиліанская школа въ Умани дала Украйнѣ одновременно трехъ великихъ людей, изъ нихъ двухъ поэтовъ: Северина Гошчинскаго и Богдана Залескаго и критика и романиста Михаила Грабовскаго. Каждый изъ нихъ пошелъ иной дорогой. Окружающія условія, личныя качества, характеръ таланта—все толкало ихъ на разныя дороги. Б. Залескій, утопая въ поэтическихъ грезахъ, задумываясь надъ загадкой быта павшей Польши и видя какъ-бы козацкую руку, которая повергла въ разрушеніе сильное государство, невольно, можетъ быть, настроенный окружающимъ, природой, общей съ деревенскимъ людомъ жизнью, искалъ разрѣшенія этой загадки въ антитезѣ, т. е. въ гармоніи и согласіи съ козачествомъ. Глубокое поэтическое чувство, мягкость и живучесть его музы, мечтательныя наклонности—все привязывало его симпатіи къ храброму козачеству XVI и первой четверти XVII в., которое нерѣдко воевало вмѣстѣ съ Польшей и за Польшу. Тамъ онъ нашелъ истинный кладъ для своихъ влеченій и таланта: геройство религіозное и національное, вѣрную службу общей родинѣ, поэзію дѣла, поэзію природы. Онъ создалъ въ своемъ воображеніи козачество, а потомъ его, любимое и прекрасное, воспѣлъ своимъ музыкальнымъ словомъ. Онъ очаровалъ и увлекъ всѣхъ своей поэзіей; онъ далъ чудный, привлекательный образъ, который носилъ въ себѣ, нарисованный на фонѣ живой природы, но идеализированный и невѣрный, и тѣмъ болѣе грустный, что воскресить его уже было невозможно. Онъ манилъ издали и разочаровывалъ, какъ миражъ.

Здоровая общественная мысль не могла довольствоваться поэтическими грезами прошлаго; она должна была искать для себя пищи или указать ее другимъ на пепелищѣ этого прошлаго; этимъ обширнымъ, не погасшимъ еще пепелищемъ были край и народъ.

Къ изученію края и народа должна была обратиться и обратилась творческая мысль. «Украинскіе поэты, говоритъ Грабовскій, страннымъ образомъ обманываютъ своихъ неукраинскихъ читателей, которые въ благодушной простотѣ своей вѣрятъ каждому ихъ слову». Въ этой «вѣрѣ на слово», проистекающей изъ незнанія, и заключался корень зла, потому что грёзы принимали за дѣйствительность и этими грёзами разжигали себѣ воображеніе до одурѣнія. М. Грабовскій не высказывалъ этого прямо относительно лучшаго изъ поэтовъ, Б. Залескаго, но несомнѣнно чувствовалъ это, когда порицалъ направленіе *поэтическаго мечтательства*, направленіе-же это обнаружилось одновременно съ обнаруженіемъ козакофильства Б. Залескаго. Гошчинскій, Гроза, Олизаровскій въ поэзіи, и самъ М. Грабовскій (Эдвардъ Тарша) въ повѣсти, пошли еще дальше, насколько имъ позволяло господствующее романтическое направленіе, потому что обратились къ дѣйствительной жизни народа въ недалекомъ еще прошломъ. Согласно формулѣ, выдуманной спеціально для поэтовъ, которая гласитъ, что то, что умерло въ дѣйствительности, должно воскреснуть въ поэзіи, всѣ почти писатели украинской школы, за исключеніемъ Олизаровскаго, избирали содержаніемъ своихъ произведеній эпоху гайдамацкихъ войнъ, слѣдовательно моментъ ненормальной жизни народа, нерѣдко посторонней рукой наталкиваемаго на преступленіе. Такъ Гошчинскій въ «Замкѣ Каневскомъ» вызвалъ кровавый призракъ дикаго и кровожаднаго Швачки, картину полную фантазіи, бьющихъ жизнью описаній природы, полную дикаго драматизма. Гроза опоэтизировалъ самаго разнузданнаго героя Коліивщины Желѣзняка, а Грабовскій мечталъ «объ историческомъ, украинскомъ романѣ» по образцу Вальтеръ-Скотта, въ своихъ-же опытахъ онъ коснулся ближайшей эпохи, воспользовавшись для своихъ историческихъ повѣстей народными преданіями о гайдамакахъ и Коліивщинѣ.

Въ этомъ недалекомъ прошломъ искали прежде всего поэзіи и впечатлѣній, а Грабовскій, открывши на Украйнѣ неизсякаемый источникъ «романтическаго начала», расплылся въ немъ, хотя это нисколько не мѣшало ему видѣть ложное направленіе «украинской школы», и онъ потому тѣмъ радостнѣе привѣтствовалъ и тѣмъ безпристрастнѣе оцѣнилъ молодого тогда еще Т. Олизаровскаго. Этотъ способный, умершій въ нищетѣ, поэтъ проложилъ новую тропу въ

густой чащѣ поэзіи украинской школы; онъ не пошелъ по стопамъ ея выдающихся представителей, не раздѣлялъ ни *политическаго козакофильства* Б. Залескаго, ни романтическихъ взглядовъ живописателей Колівщины, онъ обратился къ народу. На фантастически понятой народной основѣ, онъ написалъ, правда, одну только діалогическую поэму «Заверуха», въ которой, рядомъ съ козакомъ (Заверуха) на манеръ Чайковскаго, далъ мѣсто дѣйствительно народнымъ типамъ: Знахарь, Чумакъ, Руцяна, и не столько съумѣлъ придать имъ черты обыденной жизни, сколько съумѣлъ охарактеризовать ихъ психическое и духовное состояніе. Удаленный отъ края, его отношеній, жизни, быта, дальше по начатому пути онъ не пошелъ, но намѣченное имъ направленіе осталось.

Мы отмѣтили различные оттѣнки козакофильства, по скольку они нашли себѣ выраженіе въ литературѣ. Постепенно по мѣрѣ того, какъ измѣнялись общественныя отношенія на Украйнѣ, идея козакофильства теряла подъ собою почву, по той простой причинѣ, что была явленіемъ искусственно вызваннымъ, поддерживаемымъ лишь талантомъ нѣсколькихъ писателей. О ней стали забывать уже, а какъ контрастъ шляхетской «балагульщины» явилась новая мысль, полная диссонансовъ и крайностей, которая около 1860 г. нашла свое выраженіе и форму въ хлопоманствѣ и развилась въ горячку въ кіевскомъ университетѣ.

Въ моментъ сильнѣйшаго волненія умовъ на Украйнѣ, въ началѣ восточной войны съ Турціей, идея козакофильства вновь возродилась, но на этотъ разъ не въ области литературнаго творчества, но въ формѣ политической агитаціи съ весьма широкими надеждами. Воскресилъ ее М. Чайковскій, Мехмедъ Садыкъ-паша, и воскресилъ въ томъ фальшивомъ освѣщеніи, которое самъ пожелалъ придать ей; онъ представлялъ задунайское козачество такимъ, какимъ нашелъ его въ своемъ воображеніи; онъ старался осуществить въ дѣйствительности собственныя заблужденія и создать нѣчто въ родѣ двороваго козачества, на которое самъ насмотрѣлся и которое, полагаясь на слово Тимка Падуры, безсознательно хвалилъ. Живя за границей, Чайковскій сперва только вторилъ общему настроенію шляхты въ краѣ и опираясь на тамошнюю жизнь, которую еще помнилъ, оживляемый эхомъ этой жизни на чужбинѣ, онъ въ такихъ повѣстяхъ, какъ «Вернигора», «Овручанинъ», касался знакомыхъ и

симпатичныхъ струнъ; неудивительно, поэтому, что онѣ нравились; «Вернигору» читали охотно не ради Вернигоры, который гарцовалъ по степи, а ради нѣсколькихъ высказанныхъ тамъ мыслей, которыя никогда не перестанутъ быть дорогими.

М. Чайковскій искалъ извѣстности, славы, карьеры и случайно нашелъ все это на востокѣ. Если-бы онъ не попалъ, благодаря протекціи Адама Чарторыйскаго въ attaché французскаго посольства въ Константинополѣ, его постигла бы, вѣроятно, печальная судьба большинства эмигрантовъ, и онъ не видвинулся-бы впередъ, какъ мечталъ о томъ. Мы вовсе не имѣемъ намѣренія писать исторію происхожденія оттоманскихъ козаковъ или біографію Чайковскаго, а хотимъ лишь прослѣдить дальнѣйшую судьбу козакофильской идеи, которой случай или предопредѣленіе позволили развиваться на земляхъ нѣкогда враговъ козачества и Польши.

Оставивъ посольство, Чайковскій, не порывая связи ни съ эмиграціей, ни съ ея представителемъ Адамомъ Чарторыйскимъ, поступилъ на турецкую службу, принялъ магометанство, быстро дѣлалъ карьеру и пересталъ мечтать о козакахъ, какъ вдругъ открылось поле дѣятельности, наступилъ 1853 г. и война Турціи съ Россіей. Какими путями Чайковскій, будучи тогда только беемъ, достигъ милостей начальства, это насъ не касается; довольно того, что вслѣдствіе стараній великаго визиря, Мустафы-Гиритли-огла, министра иностранныхъ дѣлъ, Решида-паши и сераскира Мехмедъ-Али-паши, онъ получилъ гражданскій титулъ Миримирана-паши (20 октября 1853 г.), а въ декабрѣ того-же года султанскій фирманъ удостоивалъ его командованія предполагавшимися къ организаціи козацкими полками. Произошла обоюдная ошибка: турки разсчитывали на вліяніе Садыка-паши въ странѣ, которая должна была доставить имъ новыя военныя силы, нужныя имъ для предстоящей войны; Садыкъ-же паша обчелся, полагая, что достаточно будетъ одного громкаго лозунга «козаки», чтобы привлечь къ нему массы темнаго люда и козакофильствующую шляхту.

Итакъ былъ уже фирманъ и козацкіе полки, не было только козаковъ. Садыкъ-паша хлопоталъ объ этомъ дѣлѣ въ Стамбулѣ и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ едва успѣлъ набрать три сотни, по большей части болгаръ, и съ ними двинулся къ Шумлѣ. Тутъ ужъ его ожидало выхлопотанное Сердарь-Экремомъ «ирадэ» на другой

полкъ, но писать «ирадэ» было легче, чѣмъ формировать полки. Для нихъ придумана была уже обмундировка, подготовлены офицеры, штабъ, не доставало только рядовыхъ.

Садыкъ-паша наглядно убѣждался, что лелѣянная имъ идея козакофильства не болѣе, какъ иллюзія, къ которой въ краѣ никто серьёзно не относился, на которую никто не разсчитывалъ. Агитаціи и вербовщикамъ не удалось никого завербовать. Садыкъ-паша самъ съ горечью признаетъ это: «ежедневно, ложась спать, мы говорили себѣ: ночью или завтра они пріѣдутъ! и такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ и никто не пріѣхалъ». Вмѣсто шляхты и мужиковъ, которые изъ-подъ кнута барщины должны были волной хлынуть къ козакамъ, появились—кто-бы подумалъ? жиды. Къ нимъ доносились слухи, болѣе заманчивые, чѣмъ война, о кутежахъ и бурлацкой жизни представителей задунайской Сѣчи, и на эту приманку, которая улыбалась имъ въ образѣ корчемъ и водки, сбѣгались съ разныхъ концевъ потомки Давида, о шляхтѣ-жъ польской не было и слуху.

Разочарованія, встрѣчавшія Садыка-пашу на каждомъ шагу, ясно доказывали, что идея козакофильства, въ той формѣ, какую онъ создалъ для нея, не можетъ имѣть никакой будущности, что всѣ усилія, направленныя къ этой цѣли, ничто иное, какъ игра въ серьёзное дѣло, что это значитъ себя и другихъ убѣждать въ томъ, что созидается что-то прочное и устойчивое, тогда какъ на самомъ дѣлѣ строятся карточные домики. Разочарованія удваивали энергію Садыка-паши, онъ усиливался, во что-бы то ни стало, создать оттоманское козачество, которое онъ самъ придумалъ и надъ которымъ принялъ уже командованіе. Еще изъ Стамбула онъ выслалъ вербовщиковъ въ Добруджу и на Низъ съ цѣлью набрать охотниковъ, но охотники не являлись, «потому что ихъ не было». Пришлось наполнять кадры охотниками *различныхъ* національностей и съ цѣлью новаго набора разосланы были офицеры въ Ислимнію, Рущукъ, Силистрію и Варну; имъ удалось наконецъ привести 400 охотниковъ.

Согласно «ирадэ» султана (1854 г.), «организацію второго полка оттоманскихъ козаковъ и командованіе имъ, по желанію императора Франціи, положено было предоставить гр. Вл. Замойскому, подъ главною командою въ обоихъ Садыка-паши». Но тутъ, по обыкновенію, возникли между полководцами ин-

примѣшивали имя Польши; недоразумѣнія эти охватили всю эмиграцію, относительно которой не сомнѣвались, что она вся пойдетъ въ козаки. Между тѣмъ и отсюда никто не шелъ; демократы уклонялись потому, что видѣли тамъ руку кн. Адама Чарторыйскаго, аристократы торговались изъ-за чиновъ, должностей, а тѣ и другіе охотно склонялись на сторону Англіи, которая въ своихъ собственныхъ, политическихъ видахъ старалась эксплоатировать это движеніе. Но это не къ дѣлу.

Въ такую-то критическую минуту прибылъ на востокъ, въ лагерь подъ Бургасомъ, Адамъ Мицкевичъ, который выѣхалъ изъ Парижа съ Вл. Чарторыйскимъ. Садыкъ-паша съумѣлъ принять поэта, какъ подобаетъ, и показать ему то, что желалъ, показать внѣшнюю сторону дѣла, въ возможно выгодномъ свѣтѣ. Еще во время пребыванія Мицкевича въ Стамбулѣ къ нему явилось посольство козацкой старшины и привѣтствовало его хлѣбомъ и солью. Поэтъ прослезился при видѣ его и обратился будто-бы къ присутствующимъ съ такою рѣчью: «смотрите, соотечественники! это наши донскіе, запорожскіе и украинскіе братья; эти кунтуши и пояса, эти барашковыя шапки, эти желтые и красные сапоги— это наше, наша давнишняя гордость и нынѣшній трауръ; а мы во фракахъ и перчаткахъ смѣемъ навязывать свое руководительство этому народу, который не видитъ въ насъ ничего народнаго, едва понимаетъ уже нашъ языкъ. Намъ учиться у него, какъ любить родину и чтить обычаи». Мицкевичъ взялъ на себя мирить враждующихъ и убѣждать нерѣшительныхъ въ томъ, что «одинъ козакъ съ Садыкомъ дѣлаетъ больше и стоитъ больше десяти такихъ дармоѣдовъ, какъ они». Онъ упрекалъ эмиграцію въ праздности, въ прихлебательствѣ, въ страсти къ скитаніямъ, въ томъ, что каждый охотнѣе идетъ не туда, гдѣ доброе дѣло, но туда, гдѣ вкуснѣе жаркое. Авторъ «Козачества въ Турціи» говоритъ, что Мицкевичъ хотѣлъ подать эмиграціи примѣръ самопожертвованія, и потому твердилъ: «повліять на нее и на край иначе невозможно, какъ развѣ мнѣ самому подать ей примѣръ, мнѣ отцу шести сиротъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что Мицкевичу неслыханно импонировало это дѣло—fait acompli. Онъ видѣлъ во всемъ этомъ свои личныя желанія, мечты своей души и дѣтской горячей вѣрой

Бургаса: «мнѣ казалось, что я нахожусь на лонѣ отчизны и если-бы не внезапная болѣзнь, я бы съ трудомъ вырвался изъ этого лагеря. Ты знаешь, вѣроятно, князь, что Садыкъ имѣетъ разныя сотни: рядомъ съ *украинскими* есть *добруджскія* и *кубанскія*». Но вѣдь это были не сотни, а только названія сотень. Сотни наполнялись всякимъ сбродомъ, которымъ только командовали польскіе офицеры.

Мицкевичъ преувеличивалъ значеніе дѣятельности Садыка-паши; онъ все мѣрялъ мѣркой своихъ личныхъ надеждъ и желаній и не считался ни съ краемъ, ни съ идеей, пропагандируемой Чайковскимъ, понималъ и одобрялъ союзъ съ Турціей, но не досмотрѣлъ, что самый союзъ былъ разрисованнымъ картономъ, по которому разныя фигуры выводила честолюбивая рука Садыка-паши, вооруженная саблей рыцаря-крестоносца. Ловкій и умѣющій располагать къ себѣ, Садыкъ-паша жаждалъ не только привлечь, но приковать къ своей мысли А. Мицкевича, какъ силу, передъ которой преклонялся весь край. Къ счастью, Мицкевичъ свободенъ былъ отъ мелочнаго самолюбія и издали видѣлъ лучше, чѣмъ вблизи. Онъ преувеличивалъ нравственное вліяніе дѣла, но не физической силы.

«Поляки, противопоставленные Россіи,—говорилъ Мицкевичъ, разумѣя оттоманскихъ козаковъ,—ничто, но въ нравственномъ отношеніи они представляютъ могучую силу, способную произвести разстройство». Это «нравственное отношеніе» онъ оцѣнивалъ больше со стороны поэтической, чѣмъ реальной. Восхищенный и очарованный Садыкомъ и его адептами, онъ говорилъ, выѣзжая на Востокъ: «я вижу, что для поэтовъ настало время изъ заготовленныхъ ими балокъ, отесанныхъ глыбъ, обожженныхъ кирпичей строить то, что они пророчили этому матеріалу въ своихъ вдохновенныхъ пѣсняхъ. Вотъ Садыкъ, напѣвая, гарцуетъ со своими молодцами по дунайскимъ степямъ—это живая, Богомъ благословенная мысль, потому что Богъ сподобилъ его дождаться жатвы со своего посѣва, это вожделѣнный плодъ для мужа дѣла, ибо его слово принимаетъ форму, облекается тѣломъ, дышетъ жизнью».

Между тѣмъ распутыванье клубка, намотаннаго на фантастической оси Садыкомъ пашей, близилось къ концу, ускоренному стеченіемъ событій: равнодушіемъ края къ голосамъ, въ которыхъ слышалась фальшивая нота и окончаніемъ войны. Второй козацкій полкъ перешелъ на англійское жалованье и былъ включенъ въ со-

половина реформирована въ пятый полкъ уланъ, хотя четырехъ первыхъ не бывало. По окончаніи войны англо-польская дивизія была за ненадобностью распущена и отъ нея не осталось и слѣда. Нужно отдать справедливость англичанамъ, они вѣрно оцѣнивали эмиграціонное положеніе поляковъ и видя ихъ несогласіе и распри, понимали, какъ мало можно на нихъ разсчитывать. Лордъ Редклифъ былъ правъ, заявляя, что «въ виду борьбы аристократовъ съ демократами необходимо формировать въ Азіи двѣ польскія арміи: одну демократическую, подъ командой І. Высоцкаго, другую аристократическую подъ командой І. Хршановскаго. Каждый полководецъ олицетворялъ въ себѣ партію, хотя солдаты обоихъ лагерей всегда имѣли общія желанія. Передъ заключеніемъ мира первый полкъ, которымъ командовалъ самъ Чайковскій, отправился на зимнія квартиры въ Ислимнію, а по заключеніи мира въ 1856 г. отозванъ подъ Шумлу, откуда долженъ былъ отправиться на греческую границу Турціи для ея охраны со стороны Греціи. Между тѣмъ вышло новое «ирадэ» султана на организацію полка драгунъ, который Чайковскій надѣялся сформировать изъ остатковъ англо-польской дивизіи.

На сколько организація козацкихъ и драгунскихъ полковъ входила въ планы турецкой политики, я этого вопроса не касаюсь, какъ не идущаго къ дѣлу; меня интересуетъ только судьба козакофильской идеи, которая съ окончаніемъ войны вновь утратила всякій политическій raison d'être.

Вся дѣятельность Чайковскаго въ этомъ направленіи носитъ чисто-индивидуальный характеръ и его мечты о шляхетско-польскомъ козачествѣ не были отраженіемъ ни національнаго, ни народнаго движенія. Чайковскій умѣлъ ловко рекламировать и восхвалять себя, но найти послѣдователей своей идеѣ не могъ, потому что идея сама по себѣ была неясной смѣсью политическаго козакофильства Б. Залескаго и двороваго, преобразившагося со временемъ, но очень быстро, въ фрачное лакейство. Садыкъ-паша опоздалъ вывѣсить свое знамя по крайней мѣрѣ на 25 лѣтъ. Отжившей идеи не могли вновь сдѣлать популярной ни придворные пѣвцы, ни бандуристы Садыка-паши, въ родѣ Т. Рачицы, который пѣлъ т. н. авторамъ «Козачества въ Турціи» «рапсодки». Самая манера популяризированья этого шляхетскаго козакофильства была настолько высокомѣрной,

вызывающей, пошлой, столь полной самохвальства, слишкомъ откровенно направленнаго къ прославленію имени Садыка-паши, что у людей мыслящихъ она могла вызвать одно лишь отвращеніе, но никакъ не внушить имъ довѣріе. Простого народа, если въ немъ и жили еще традиціи не козацкія, но *гайдамацкія*, самохвальство, приправленное псевдо-народнымъ соусомъ, обмануть не могло. Придворный бандуристъ Т. Рачица, изъ окрестностей Бердичева, солдатъ 1831 г., полка нижегородскихъ драгунъ, забылъ по польски, не научился ни по русски, ни по малорусски, а между тѣмъ «цѣлые часы импровизировалъ пѣсни, и все новыя, оригинальныя, козацкія». Чего стоили эти импровизаціи, какимъ убійственнымъ языкомъ, котораго, увы, не съумѣлъ достойно оцѣнить авторъ «Козачества за Дунаемъ», онѣ были написаны, пусть намъ послужатъ примѣромъ нѣсколько взятыхъ на выдержку, дословно точныхъ стиховъ:

Въ пиддесятъ четвертымъ году,
Мы ходили пидъ русскую орду.
Панъ Чайковскій генералъ,
Ночи не спалъ, не дремалъ.
. . . . . .
Нуте братци, братци веселее
Вступимъ въ войну, въ войну посмилѣе(!).

Или вотъ еще выдержка изъ той же пѣсеньки.

Панъ Чайковскій дмухнулъ на передъ,
А полковникъ Киркоръ въ очеретъ(!)
Началася перестрѣлка
Пришла... роздѣлка.

Это лишенныя поэзіи, знанія языка, размѣра, нерѣдко даже смысла, невообразимо жалкія вирши, написанныя въ честь учителя благодарнымъ ученикомъ. Такого-же достоинства и упомянутыя нами выше «украинки».

Съ полками, въ которыхъ не было не только козаковъ, но и поляковъ, а число людей, по непровѣреннымъ свидѣтельствамъ, не превышало 1,500, въ виду апатіи и равнодушія высшихъ и низшихъ классовъ общества, Чайковскій, за рюмкой вина, составлялъ себѣ наполеоновскіе маршруты:

Przeleciemy Ukrainę,
Popasiem v Kijovie,
Zimą na vęgierskie vino
Staniemy v Krakovie...
J od Karpat krzyk veselny
Zabrzmi aż do Dźviny:
Żyj Czajkovski, żyj nam dzielny
Synu Ukrainy!

(Пролетимъ Украйну, въ Кіевѣ на отдыхъ станемъ, къ зимѣ въ Краковъ на венгерское придемъ и отъ Карпатъ до Двины раздастся кликъ веселья: живи, Чайковскій, живи нашъ славный сынъ Украйны!).

До такой безсмыслицы могло довести самообольщеніе! Мечты не осуществлялись; равнодушіе общества къ козакофильскимъ лозунгамъ онъ принялъ за народное отреченіе (abdykacyę), самъ отрекся отъ народа, который, ему казалось, отвергъ его и пошелъ по дорогѣ, долженствовавшей привести его ко спасенію, но нашелъ на ней смерть.

Такъ окончилъ жизнь воинъ 1831 г., паша турецкій и поборникъ козакофильской идеи въ Польшѣ.

Библіографія.

Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка.

(ОКОНЧАНІЕ) [1]).

1875 г.

112. *Кропивина.* Воспоминаніе о Шевченкѣ. Пчела, № 72.

113. *Ганенко Е.* Новые матеріалы для біографіи Т. Шевченка. Древняя и Новая Россія, № 6.

114. *Козачковскій А.* Воспоминанія о Т. Шевченкѣ. Кіевскій Телеграфъ, № 25.

115. *Ив—ко.* Шевченко, Костомаровъ и Максимовичъ предъ историческимъ судомъ. П. Кулиша. Кіевлянинъ, № 20 или 29.

116. *Кіевскій Телеграфъ*, № 65. Славянское и русское значеніе Шевченка.

117. *Кіевскій Телеграфъ*, № 32. Кіевлянинъ за Шевченка и № 46—Поминки Шевченка во Львовѣ и въ Вѣнѣ.

118. *Чотырнадцати роковини смерти Шевченка.* Шевченкови вечерници у Видни. Правда, № 5 и 6.

119. *Слово на роковини Шевченка у Петербурси.* Правда. № 7, стр. 280.

1876 г.

120. *Шевченко В.* Споминки про Т. Г. Шевченка. Правда, № 1, стр. 23 и № 2, стр. 64.

121. *Барвинській В.* Бесида на вечери у XV роковини смерти Шевченка. Додатокъ до № 6 Правды.

122. *Правда,* № 3, стр. 102. Килька сливъ про Т. Шевченка. Переводъ воспоминаній Кропивиной, указанныхъ выше, подъ № 112.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“, 1886 г., март. кн., стр. 570—582.

123. *Тургеневъ И. С.* } Воспоминанія о Шевченкѣ, напечатаны при
124. *Полонскій Я.* } пражскомъ изданіи „Кобзаря“, т. I.
125. *Костомаровъ Н. И.* } Воспоминанія о Шевченкѣ, напечатаны
126. *Микьшинъ М.* } при пражскомъ изданіи „Кобзаря“, т. II.

127. *Праховъ.* О рисункахъ Т. Шевченка, съ 3 рисунками его. Пчела, № 16.

128. *Фроловъ.* Воспоминаніе о солдатской службѣ Т. Шевченка. Кіевскій Телеграфъ, № 53.

129. *Мордовцевъ Д.* Воспоминанія В. Шевченка о Т. Шевченкѣ. Переводъ, съ предисловіемъ Мордовцева, статьи, указанной подъ № 120. Древняя и Новая Россія, т. 2, кн. 5.

130. *Микьшинъ М.* Воспоминаніе о Шевченкѣ, съ портретомъ его. Пчела, № 16.

131. *С. Л.* Женскій идеалъ въ стихотвореніяхъ Т. Шевченка. Одесскій Вѣстникъ, № 187. Фельетонъ.

132. *М. С.* Гайдамаки. Катерина. Наймичка. По поводу новаго изданія этихъ поэмъ. Одесскій Вѣстникъ, № 231.

133. *Кіевскій Телеграфъ*, № 44. „Кобзарь Т. Шевченка“. По поводу пражскаго изданія „Кобзаря“.

134. Нива, № 3. Біографія съ портретомъ.

135. *Emile Durond'a.* Le poete national de la Petite Russie Chevtchenko. Rewue des deux Mondes. Juin.

1877 г.

136. *Чалый. С.* И. М. Сошенко. Біографическій очеркъ. Кіевъ. Ц. 50 к. (Воспоминаніе о Шевченкѣ и его отношеніяхъ къ Сошенку).

137. *Воспоминанія Т. Пассекъ.* Русская Старина, т. XX, о Шевченкѣ, стр. 286—292. Отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Изъ дальнихъ лѣтъ“. Спб. О Шевченкѣ, т. 2, стр. 394—405.

138. *Т. Шевченко.* Народный поэтъ Украйны. Біографич. очеркъ. Спб. Изданіе журнала „Мірской Вѣстникъ“. 41 стр., ц. 15 к., съ портретомъ.

1878 г.

139. *Барвинскій В.* Поэзія Т. Шевченка и наше народне життя. Бесида на XVII роковини смерти Т. Шевченка. Правда, т. I.

140. *Крапивина.* Жуткій вечеръ въ жизни Т. Шевченка. Пчела, № 5.

141. *Пономаревъ С.* Воспоминаніе о Шевченкѣ. Русская Старина 1878 г., т. XXI.

142. *Невѣста Т. Шевченка*, съ портретомъ ея. Пчела, № 2.

143. *Напоминаніе о Шевченкѣ.* Одесскій Вѣстникъ, № 57 и Правда (Одес. газета), № 77.

144. *А—ръ.* О школѣ имени Шевченка. Одесскій Вѣстникъ, № 81.

145. *Одесскій Вѣстникъ*, № 72, 97, 99, 108, 114, 119, 139, 145, 153, 177, 205, 257, 261 и 286. Письма разныхъ лицъ при посылкѣ въ редакцію денегъ на школу имени Щевченка.

146. *А—ръ.* По поводу пожертвованій на школу имени Шевченка. Одесскій Вѣстникъ, № 211.

147. *Софья—нова.* Нѣмецъ Frantzos о Шевченкѣ. Одесскій Вѣстникъ, № 224. Фельетонъ.

148. *Одесскій Вѣстникъ,* № 204.—Французъ Emile Durond о Шевченкѣ.

149. *Frantzos* —Vom Don zur Donau—Cultur Bilder aus Halb—Asien „Kleinrussen und ihre Dichter".

150. *Wald Kaxeron.* Magazin fur die Liter. d. Auslandes, № 12.

1879 г.

151. *Пискуновъ Ф.* Т. Г. Шевченко, его жизнь и произведенія. Собраніе матеріаловъ для его біографіи. Кіевъ, изд. Іогансона, ц. 75 к.

152. *Т—ый А.* Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати. Одесса, 56 стр., ц. 50 к. Предисловіе. Галичанинъ В. Барвинскій, чехъ Вацлавъ Дундеръ, французъ Эмиль Дурондъ и нѣмецъ Францозъ о Шевченкѣ.

153. *Поминки Т. Шевченка въ Одессѣ* 25 февраля 1879 г. Одесса. Ц. 30 к.

154. *Пыпинъ А.* Обзоръ славянскихъ литературъ. Спб. О Шевченкѣ. Т. I, стр. 367 и далѣе.

155. *Остроюрскій В.* Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми. Спб. О Шевченкѣ, вып. 2, стр. 61—73 (первоначально въ журналѣ; см. выше № 106).

156. *Оюновськiй.* Поглядъ на де-котори поэзіи Шевченка. Правда, № 3—5. Гайдамаки.

157. *Одесскій Вѣстникъ,* № 43.
158. *Правда* (Одес. газета), № 49.
159. *Новорос. Телеграфъ,* № 1194.

} Памяти Шевченка въ день „роковинъ".

1880 г.

160. *Шашковъ С.* Шевченко и Сырокомля. Дѣло, кн. 3.

161. *Костомаровъ Н.* Поэтъ Т. Шевченко. Очеркъ его жизни. Воспоминанія о немъ. 1846—1861 г. Русская Старина, кн. 3, стр. 587—610.

162. *С—чъ.* Тарасъ Шевченко та ёго думки про громадське життя. Громада, № 4.

163. *Вікъ XIX въ дiяхъ рускои литературы.* Львивъ. Коштомъ товариства „Просвита".

164. *Будеволя.* Поминки по Тарасѣ. Львивъ.

1881 г.

165. *Кулишъ П.* Поэтъ Шевченко въ полномъ разцвѣтѣ. Трудъ (кіевск. газ.), № 6.

166. *Франко И.* Причинки до оцинення поэзій Т. Шевченка. Темне царство. Свитъ, № 8, 10—13.

167. *Левицкій И.* Шевченкова могила. „Луна", украинськiй альманахъ. Кіевъ. Ц. 50 к.

168. *Антоновичъ В.*
169. *Котляревскій А.*

Поминки Шевченка въ кіевскомъ историческомъ Обществѣ Нестора. Два реферата объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній Шевченка. Трудъ, № 8 и 10.

170. *Ефименко А.* Изъ дѣтства и жизни Т. Шевченка. Дѣтское чтеніе, № 5.

171. *Шигаринъ.* Воспоминанія кіевлянъ о Шевченкѣ и его времени. Библіотека западной полосы Россіи. Кіевъ. Т. I.

172. *Заря* (кіев. газ.), № 45. Поэзія Т. Шевченка. Мысли о немъ, какъ о національномъ поэтѣ.

173. *Одесскій Вѣстникъ, № 31.* Новые матеріалы для біографіи Т. Шевченка.

174. *Трудъ*, № 4. Чего желалъ Шевченко?

175. *Трудъ*, № 5. Кое что о Шевченкѣ (встрѣча и свиданіе его съ М. Щепкинымъ въ Н. Новгородѣ въ присутствіи губернатора Муравьева. Народное преданіе о погребеніи Шевченка).

176. *Одесскій Вѣстникъ*, № 46. Т. Шевченко. XX годовщина его смерти.

177. *Заря*, № 46 и 49.
178. *Трудъ*, № 8 и 10.

Памяти Т. Шевченка.

179. *Огонекъ*, № 1—3.
180. *Игрушечка*, дѣт. журналъ.

Біографіи Шевченка съ портретомъ.

181. *Одесскій Вѣстникъ*, № 44. Празднованіе памяти Шевченка во Львовѣ.

182. *М—ій.* Напоминаніе о школѣ имени Шевченка. Одесскій Вѣстникъ, № 76.

183. *Студентъ.* О школѣ имени Шевченка. Одесскій Вѣстникъ, № 114.

184. *Пчелка* (одес. газета), № 9. Достаточно-ли мы знаемъ Шевченка?

185. *Пчелка*, № 11. Шевченко—батько.

1882 г.

186. *Чалый М. К.* Жизнь и произведенія Тараса Григорьевича Шевченка. Кіевъ. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., 282 стр., 8 д.

187. *Н. П. Кіевская Старина*, кн. 9.
188. *Вѣстникъ Европы*, кн. 10.
189. *Дѣло*, книга 9.
190. *Московскій Телеграфъ*, № 56 и 86.
191. *Земляк.* Одесскій Вѣстникъ, № 206.

Рецензіи на книгу Чалаго и по поводу этой книги.

192. *Смоктій А.* Взглядъ народа на Шевченка. Кіевская Старина, кн. 8 и 9.

193. *Бѣлозерскій Н. М.* Тарасъ Шевченко. По воспоминаніямъ разныхъ лицъ. 1831—1861 г. Кіевская Старина, кн. 10.

194. *Л—въ П.* Т. Шевченко. Нѣкоторыя дополненія и поправки къ біографіи его (по поводу кн. Чалаго). Кіевская Старина, кн. 9.

195. *Воспоминанія Наты о дядѣ Тарасѣ.* С.-Петербургскія Вѣдомости, № 75 и Свѣтъ, № 3.

196. *Кулябка С.*—Т. Г. Шевченко. Заря, № 188, 189, 192 и 209. Фельетонъ.

197. *Кулишъ П.* Хуторна поэзія. Историчне оповиданнье, 1847 року.

Львивъ. Ц. 80 к. (о Кирилло-меѳодіевскомъ братствѣ, арестѣ, допросѣ и ссылкѣ Кулиша, Шевченка и Костомарова).

198. *Живописное Обозрѣніе*, № 36. Могила Шевченка.

199. *Исключеніе Шевченка изъ службы* по коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевская Старина, кн. 3.

200. *Лѣсковъ Н.* По поводу исключенія Шевченка изъ службы. Историч. Вѣстникъ, № 4.

201. *Сумцовъ Н.* По случаю 21 годовщины со дня смерти Т. Шевченка. Южный Край, № 403.

202. *Одесскій Вѣстникъ*, № 46. Т. Шевченко—другъ сиротъ. По поводу годовщины смерти Шевченка.

203. *Заря*, № 46. На родинѣ Шевченка.

204. *Трудъ*, № 23. Поминки Т. Шевченка.

205. *Южный Край*, № 414. Празднованіе памяти Т. Шевченка въ Вѣнѣ.

206. *Памяти Шевченка.* Два стихотворенія. Заря, № 46 и Вѣкъ, № 2.

207. *Бирюковичъ Т.*—Т. Шевченко. Біографическій очеркъ. Вѣкъ, кн. 11 и 12.

208. *Т—ый А.* Поминки Т. Шевченка 25 февраля 1882 г. въ г. Екатеринодарѣ. Доходъ предназначенъ въ капиталъ на основаніе школы имени Шевченка. Екатеринодаръ. Изд. газ. „Кубань". 40 стр. Ц. 20 к.

209. *Дѣло* (галиц. газета), № 85. Розрита могила.

210. *Заря*, № 273. Корреспонденція изъ Полтавы относительно поправки могилы Шевченка.

211. *Горленко В.* Литературныя раскопки (свѣдѣнія о великорус. повѣстяхъ и стихотвореніяхъ Шевченка въ журн. Малкъ. Трудъ, № 39 и 40.

212. *Revista Minima.* Una litteratura plebea.

1883 г.

213. *Русская Мысль*, кн. I.
214. *Страна*, № 102. } Рецензіи на книгу Чалаго о Шевченкѣ.

215. *Кулябка С.* Т. Шевченко по книгѣ Чалаго и по „Кобзарю". Кіевъ. 1883 г. 80 стр. Ц. 30 к.

216. *В. Г—ко.* Рецензія на книгу Кулябки. Кіевская Старина, кн. 12.

217. *Юзе Е.* Мои воспоминанія о Т. Шевченкѣ, какъ о человѣкѣ. Вѣстникъ Европы, кн. 8.

218. *Смоктій А.* Воспоминаніе о Шевченкѣ. Кіевская Старина, кн. 9 и 10.

219. *В. Г—ко.* Эпизодъ о памятникѣ Т. Шевченка и о его могилѣ въ полтавскомъ земскомъ собраніи. Кіевская Старина, кн. I.

220. *Г. Б.* Черты поэзіи Т. Шевченка, какъ поэта народнаго. XXII годовщина смерти украинскаго поэта. Одесса. 8 стр. Ц. 15 к. Первоначально въ газетѣ Одесскій Вѣстникъ за тотъ-же годъ, № 46.

221. *О. Н.* Изъ давно минувшаго. О семьѣ Шевченка. Заря, № 46. Фельетонъ.

222. *Московскій Телеграфъ*, № 67. Корреспонденція изъ Кіева о вечерѣ на роковины Шевченка.

223. *Екатеринославскій Листокъ*, № 29 и 30. Т. Шевченко—другъ семьи. Образы и выраженія „Кобзаря" изъ сферы семейныхъ отношеній.

224. *Дѣло*, № 23. Вечоръ въ XXII роковины Шевченка, № 24. Зъ вечора въ память Шевченка. Вступне слово профессора *А. Вохнянина;* № 25. Привитни телеграммы, наспивши пидъ часъ вечера въ память Шевченка у Львови.

225. *Дѣло*, № 73. Про гуманизмъ въ „Кобзари" Шевченка. Про идеалъ женщинъ у Шевченка.

226. *Дѣло*, № 80. Де-що про могилу Т. Шевченка. Дописъ зъ Украины. Фельетонъ, № 86. Ще про могилу Шевченка. Дописъ зъ Канева. *М. К—ва.*

227. *Дѣло*, № 94. Споминки про Шевченка. Переводъ воспоминаній Е. Юнге, указанныхъ выше подъ № 217.

228. *Русская Старина*, кн. 9. Т. Шевченко въ письмахъ его къ Осипу М. Бодянскому (6 писемъ).

229. *Заря*, № 91 въ отдѣлѣ „Искусство и литература". Замѣтка о новомъ изданіи „Кобзаря". Спб. 1883 г.

230. *Заря*, № 237. Интересная встрѣча (извѣстіе о сватовствѣ Шевченка въ с. Кереливкѣ на дочери священника).

1884 г.

231. *Петровъ Н.* Очерки исторіи новѣйшей украинской литературы. Кіевъ. 457 стр. Ц. 3 р. Глава V. Украинское славянофильство и главнѣйшіе представители его: Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко.

232. *Рецензіи на книгу Петрова:* а) *И. Новицкій.* Кіевлянинъ, № 43, б) *Заря*, № 37, Судьбы украинской литературы и № 48, ст. М—на, в) *Недѣля*, № 10. Новый опытъ обозрѣнія украинской литературы. К., г) *Дѣло*, № 5. Новыя книги, д) *Вѣстникъ Европы*, кн. 3, Библіогр. листокъ и кн. 8, Литературное обозрѣніе и д) *Историческій Вѣстникъ*, кн. 3. Критика и библіографія.

233. *Зеленый И.* Кобзарь о дѣтяхъ и для дѣтей. XXIII годовщина смерти украинскаго поэта Т. Шевченка. Одесса. 5 стран., 4 д., ц. 15 к.

234. *Кіевская Старина.* Эпизодъ изъ авторской и издательской дѣятельности Т. Шевченка. Кн. 12. Извѣстія и Замѣтки.

235. *Дѣло*, № 27 и 28. Святкування памяти Т. Шевченка въ виденській Сичи; № 32. День святкування памяти незабутнёго Тараса. Дописъ зъ Петербурга *А. Маркова.*

236. *Зоря*, № 6 и 7. Де-що зъ життя Т. Шевченка. Роки 1845—1847 (писля М. Чалого).

237. *Недѣля*, № 15. Шевченковы поминки у русиновъ.

238. *Миронъ* ***. Обходъ XXII роковинъ смерти Шевченка. Зоря, № 5.

239. *Заря*, № 127. Изъ воспоминаній о пребываніи Т. Шевченка въ новопетровскомъ укрѣпленіи.

240. *Заря*, № 131. Анекдотъ о Шевченкѣ. Смѣсь.

241. *Заря*, № 170. Письмо инженера *Якубенка* объ окончаніи устройства могилы Т. Шевченка.

242. *F. Rawita.* Z literatury ukraińskiej, Prawda, № 9.

243. *A. Blochowski.* Taras Szewczenko, jako obywatel i poeta ruśko-ukraiński. Studium polityczno-literackie. Echo z Pokucia.

244. *Przegląd Tygodniowy*, № 3. Біографія Шевченка.

1885 г.

245. *Б. Сухановъ-Подколзинъ.* Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ его случайнаго ученика. Кіевская Старина, кн. 2.

246. *Кіевская Старина*, кн. 2. Къ біографіи Т. Шевченка (4 письма къ М. А. и М. В. Максимовичамъ).

247. *Ѳ. Каминскій.* Еще щепотка на могилу Т. Шевченка. Кіевская Старина, кн. 3.

248. *К. Ухачъ-Охоровичъ.* Могила Т. Шевченка. Изъ записокъ художника, съ рисункомъ могилы. Историческій Вѣстникъ, кн. 5.

249, *Кіевская Старина*, кн. 9. Народная пѣсня о Шевченкѣ. Сообщилъ *М. Васильевъ.*

250. *Кіевская Старина*, кн. 11. Автобіографія Т. Шевченка, писанная имъ для „Народнаго чтенія", съ примѣчаніями П. Кулиша.

251. *С—ко.* Эпизодъ изъ жизни Т. Шевченка. Кіевская Старина, кн. 12. Извѣстія и Замѣтки.

252. *Кулишъ П.* Воспоминаніе о Костомаровѣ. Новь, № 13. Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о Шевченкѣ.

253. *Автобіографія Костомарова.* Русская Мысль, кн. 5 и 6 (знакомство и отношенія его съ Шевченкомъ, исторія 1847 года и пр.).

254. *Бутурлинъ П.* Графъ. Могила Т. Шевченка. Сонетъ. Наблюдатель, кн. 10.

255. *Мордовцевъ Д.* По поводу иллюстрированнаго изданія поэмы „Гайдамаки". Новости. Перепечатка въ кіевской Зарѣ, № 268.

256. *О. Калитовскій.* За силу народнои свидомости у Шевченка. Отчитъ на вечернипяхъ товариствъ имени Шевченка: Просвита, Бесида и Академическаго братства, въ XXIV роковини смерти Шевченка. Зоря, № 5.

257. *Кокорудза И.* Посланіе Шевченка до мертвихъ и живихъ землякивъ. Естетично-критична студія. Зоря, № 15—19.

258. *Барвинскій А.* На Украини. Могила Т. Шевченка. Дѣло, № 112, 114 и 115.

259. *Athenaeum.* Zarysy ruchu literackiego rusinów, № 6. О Шевченкѣ, гл. VIII, стр. 501—511.

1886 г.

260. *Гаршинъ Е. М.* Шевченко въ ссылкѣ (1847—1857 г.). По новымъ документамъ. Историческій Вѣстникъ, кн. 1.

261. *Горленко В.* Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В. Тарновскаго. Кіев. Старина, кн. 2, въ „Изв. и Зам." Тамъ же, въ отдѣлѣ Библіографіи, рецензія В. Г—ка на Иллюстрированное изданіе „Гайдамакъ" Т. Шевченка, художника Сластёна.

Алфавитный указатель авторовъ статей о Шевченкѣ съ указаніемъ номера статьи.

1) Александровъ П. 73.
2) А—ръ. 144 и 146.
3) Антоновичъ В. Б. 168.
4) А—тыновъ. 44.
5) Аскоченскій В. 27.
7) Барвинскій А. 258.
8) Бирюковичъ Т. 207.
9) Blochowski A. 243.
10) Богомоловъ И. 40.
11) Battaglia. 70.

13) Бутурлинъ Гр. 254.
14) Бѣлинскій В. 5.
15) Бѣлозерскій В. 22.
16) Бѣлозерскій К. 57.
17) Бѣлозерскій Н. 193.
18) Вохнянинъ А. 224.
19) Вербицкій. 108.
20) Галка Іеремія. 9.
21) Ганенко Е. 113.
22) Геннади Г. 69.
23) Гербель Н. 92.
24) Гаршинъ Е 260.
25) Горленко В. 211, 216, 219 и 261.
26) Григорьевъ А. 24.
27) Г. Б. 220.
28) Добролюбовъ Н. 13 и 91.
29) Dunder V. 98.
30) Durond E. 135.
31) Дьяченко П. 45.
32) Ефименко А. 170.
33) Жемчужниковъ Л. 20.
34) Згарскій Е. 78.
35) Зеленый П. 233.
36) Землякъ. 191.
37) Ив--ко. 115.
38) Калитовскій О. 256.
39) Каминскій Ѳ. 247.
40) Kirkor A. 110.
41) Коблецъ. 52.
42) Козачковскій А. 114.
43) Кокорудза И. 257.
44) К—въ М. 226.
45) Корсаковъ Д. 1.
46) Костомаровъ Н. 9, 23, 92, 125, 161 и 253.
47) Котляревскій А. 169.
48) Кропивина. 112 и 140.
49) Кулишъ П. 10, 55, 165, 197 и 252.
50) Кулябка С. 196 и 215.
51) Лазаревскій А. 31, 60 и 66.
52) Л. П. 42 и 194.
53) Левицкій И. 67.
54) Лобко П. 72.
55) Лѣсковъ Н. 38 и 200.
56) Львенко-Моренко. 56.
58) Марковъ А. 235.
59) Межовъ. 97.
60) Миллеръ О. 105.
61) Митченко. 52.
62) Миронъ ***. 238.
63) Микѣшинъ М. 126 и 130.
64) Мокрицкій. 58.
65) Мордовцевъ Д. Л. 11, 129 и 255.
66) Мюнцеръ А. 82.
67) М—ій. 182.
68) М. С. 132.
69) М. П. 12 и 65.
70) Навроцкій В. 103.
71) Ната. 195.
72) Н—евъ. 28 и 68.
73) Огоновскій О. 95, 99, 100, 101 и 156.
74) О. П. 221.
75) Obrist. 89.
76) Острогорскій В. 107 и 155.
77) Панаевъ. 30.
78) Партицкій О. 89 и 94.
79) Петраченко. 25.
80) Петровъ Н. 231.
81) Пискуновъ Ф. 151.
82) Побратимъ А. 54.
83) Полонскій Я. 124.
84) Пономаревъ С. 110 и 154.
85) Праховъ. 127.
86) Прымовъ И. 74.
87) Пыпинъ А. 154.
88) Rawita F. 242.
89) Ремезовъ И. 43.
90) Русскій В. 37.
91) Рымовъ. 51 и 52.
92) Смоктій А. 192 и 218.
93) Софя—нова. 147.
94) Sowinski L. 59 и 64.
95) Студентъ. 183.
96) Сумцовъ Н. 201.
97) Сухановъ-Подколзинъ Б. 245.
98) С—ко. 251.
99) С. Л. 131.
100) С—чъ. 162.
101) Тихорскій. 6.
102) Тіунскій. 7.

104) Т—ый А. 152 и 208.
105) Украинецъ. 99 и 104.
106) Ухачъ-Охоровичъ К. 248.
107) Франко И. 166.
108) Frantzos. 149.
109) Фроловъ. 128.
110) Хуторянинъ. 26.
111) Чалый М. 39, 61, 136 и 186.
112) Чернышевъ Н. 35.
113) Чужбинскій А. 21 и 41.
114) Шашковъ С. 160.
115) Шевченко В. 120.
116) Шигаринъ. 171.
117) Эм-о-ве. 52.
118) Юнге Е. 217.
119) Якубенко А. 241.
120) Якушкинъ. 34.

Витебская Старина, т. IV, съ приложеніями и рисунками въ текстѣ. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ. 1885 г.

Въ задуманномъ г. Сапуновымъ многотомномъ изданіи памятниковъ „Витебской Старины" случилось имъ самимъ непредвидѣнное и едва-ли когда либо имѣвшее мѣсто обстоятельство, именно: настоящій IV томъ этого изданія вышелъ прежде II и III непосредственно послѣ перваго. Обстоятельство это почтенный издатель объясняетъ случайно собраннымъ имъ большимъ количествомъ документовъ, обнимающихъ время господства въ западномъ краѣ царей Іоанна Грознаго и Алексѣя Михайловича, а эти документы и составили настоящій томъ, не входившій существенно въ планы издателя. Теперь онъ даетъ ему видъ дополненія къ тремъ первымъ томамъ. Дѣло конечно не въ счетѣ, а въ томъ, что подлежитъ счету; но и тутъ нужно знать общій планъ изданія „Витебской Старины", число и содержаніе его томовъ.

По программѣ г. Сапунова, все его изданіе должно составить шесть томовъ; вышедшій уже томъ I-й посвященъ главнымъ образомъ г. Витебску, во II-мъ томѣ будутъ собраны документы, касающіеся г. Полоцка, въ III-мъ—документы, разъясняющіе исторію городовъ Велижа, Невля, Динабурга и другихъ, а также замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей, въ V й войдутъ матеріалы по возсоединенію уніатовъ съ православной церковью въ 1839 году, наконецъ въ VI-мъ издатель обѣщаетъ представить, на основаніи всего добытаго имъ матеріала, „историческія судьбы Витебской губерніи". Программа, какъ видитъ читатель, обнимаетъ всю избранную издателемъ мѣстность и довольно разнообразна, хотя, какъ видно по изданнымъ томамъ, даетъ документы, касающіеся болѣе политической жизни края, съ небольшой дозой относящихся къ исторіи церкви и городскаго самоуправленія, вообще матеріалы отрывочные, случайно попадающіе подъ руку издателя, при чемъ нѣкоторые существенные, болѣе дру-

соединенія края къ Россіи и проч., кажется, и совсѣмъ не имѣются въ виду.

Вышедшій теперь IV томъ, вслѣдъ за объяснительнымъ введеніемъ, открывается „краткимъ очеркомъ борьбы Московскаго государства съ Литвою и Польшею въ XIV—XVII вѣкахъ". Г. Сапуновъ начинаетъ исторію этой борьбы со времени князей московскаго Ивана Калиты и литовскаго—Гедимина, а оканчиваетъ ее временемъ царя Алексѣя Михайловича и короля Яна Казиміра. Факты въ этомъ „очеркѣ" расположены въ хронологическомъ порядкѣ, изложеніе кратко и скорѣе напоминаетъ лѣтопись; самая борьба является какъ бы прихотью правителей и совершенно не обоснована условіями, приводившими сосѣднія государства въ столкновенія, не указаны смыслъ и необходимость этой вѣковой борьбы; а между тѣмъ автору не много стоило бы труда сдѣлать такія указанія, извлекши ихъ изъ тѣхъ прекрасныхъ пособій, которыми онъ пользовался и которыя исчисляетъ въ началѣ статьи.

Отдѣлъ матеріаловъ, соотвѣтственно двумъ эпохамъ, къ которымъ онъ относится, дѣлится на двѣ части: въ одной находятся документы, сообщающіе подробности о времени Грознаго, въ другой о времени „тишайшаго" царя. Въ каждой изъ этихъ частей документы распредѣляются по родамъ: извѣстія лѣтописей, разрядныя, смѣтныя и дворцовыя книги, грамоты, отписки воеводъ, указы, челобитныя и сказанія иностранцевъ-современниковъ. Къ послѣднимъ издатель относитъ преимущественно польскихъ историковъ и, къ удивленію, между ихъ сказаніями помѣщаетъ извлеченія изъ лѣтописи „Самовидца". Изъ всѣхъ входящихъ въ IV-й томъ актовъ только 30 изъ 140 (т. е. немного менѣе ¼ общаго числа ихъ) появляются впервые на свѣтъ, будучи извлечены изъ главныхъ московскихъ архивовъ Министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, а равно и Императорской Публичной Библіотеки; всѣ остальные перепечатаны изъ разныхъ русскихъ историческихъ изданій, какъ напр. Акты Историческіе, Русская Историческая Библіотека, Акты Западной Россіи, Древняя Россійская Вивліоѳика, Археографическій Сборникъ, Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и другія. Новый матеріалъ содержитъ въ себѣ преимущественно отписки воеводъ къ царю, царскія жалованныя грамоты учрежденіямъ и лицамъ, челобитныя, переписи жителей и проч. Первая часть наполнена исключительно фактами военной исторіи; во второй, кромѣ этихъ послѣднихъ, встрѣчается не мало документовъ, указывающихъ на мѣры, принимаемыя правительствомъ по управленію [illegible] и описующихъ состояніе церкви и городовъ въ

Витебскомъ и Полоцкомъ воеводствахъ. Просматривая всѣ эти, болѣе или менѣе любопытные документы и видя, что большинство ихъ составляютъ простую перепечатку изъ другихъ изданій, можно бы, пожалуй, пожалѣть о лишней затратѣ, такъ какъ самостоятельные изслѣдователи при изученіи прошлаго витебской губерніи обратятся къ тѣмъ же основнымъ источникамъ, а читатели обыкновенные предпочтутъ обработанныя статьи сырому матеріалу; но не надо забывать, что г. Сапуновъ имѣетъ въ виду закончить свое изданіе именно общею исторіею того края и теперь подготовляетъ для этой работы весь необходимый матеріалъ. Впрочемъ, матеріалъ этотъ можетъ имѣть и особое значеніе, служа драгоцѣннымъ пособіемъ для учащихъ и учащихся, какъ хрестоматія по мѣстной исторіи. Такое повидимому значеніе названному труду дано и Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, рекомендовавшимъ I-й томъ „Витебской Старины“ для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній виленскаго и варшавскаго учебныхъ округовъ. Но имѣя въ виду такой кругъ пользующихся изданіемъ г. Сапунова, нельзя не пожалѣть объ отсутствіи въ немъ объясненій непонятныхъ словъ и техническихъ выраженій, а равно археологическихъ и историческихъ справокъ и толкованій. Большимъ подспорьемъ при пользованіи этимъ изданіемъ были бы, конечно, указатели, личный и географическій, но и тѣхъ не находимъ въ вышедшихъ томахъ „Витебской Старины“; вѣроятно почтенный издатель откладываетъ эту работу до окончанія всего труда

И вышедшій IV томъ, какъ и предъидущій I, снабженъ довольно значительнымъ количествомъ иллюстрацій; но всѣ онѣ болѣе общаго, а не мѣстнаго характера и значенія. Интересны конечно портреты и изображенія московскихъ царей, польскихъ королей и великихъ князей литовскихъ, а также снимки сѣверно-русскихъ почерковъ XVII вѣка; но въ чисто мѣстномъ изданіи естественнѣе было бы встрѣтить виды древнихъ общественныхъ зданій и храмовъ портреты мѣстныхъ свѣтскихъ и духовныхъ дѣятелей въ эпоху польскаго или русскаго владычества, изображенія разнаго рода предметовъ и вещей, употреблявшихся въ общественной или частной жизни края. Такихъ памятниковъ должно найтись большее или меньшее количество на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ витебской губерніей; частныя картинныя и портретныя галлереи, такъ же какъ церкви и монастыри по всей вѣроятности хранятъ еще кое-что изъ предметовъ древности, которые одни могутъ указать отличительныя черты характера туземнаго населенія

почерковъ; цѣлесообразнѣе было бы замѣнить сѣверо-русскіе почерки мѣстными изъ актовыхъ книгъ или отдѣльныхъ документовъ, такъ какъ каждой мѣстности и каждому времени, какъ каждому отдѣльному лицу и каждому возрасту, свойственъ свой особенный характеръ письма, выражающій внутреннія (духовныя) или внѣшнія (физическія) особенности индивидуума; указанія на эти особенности и ихъ измѣненія, зависящія отъ времени и вліянія культуры должны, по нашему крайнему разумѣнію, составлять задачу издателя, насколько конечно она достижима при настоящемъ младенческомъ состояніи русской палеографіи, какъ отдѣльной науки.

Будемъ надѣяться, что въ слѣдующихъ томахъ „Витебской Старины“ почтенный ея издатель восполнитъ указанные нами пробѣлы и обратитъ больше вниманія на научное распредѣленіе собираемаго имъ матеріала по содержанію, соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ жизни, которыя онъ рисуетъ. Сочувственный пріемъ, оказанный и печатью и публикой 1-му тому „Витебской Старины“, показываетъ, что въ обществѣ назрѣла потребность въ ознакомленіи съ мѣстною исторіею, а тѣмъ болѣе исторіею такого исключительнаго по своей трагической судьбѣ края, какъ Бѣлоруссія; но потребности надо удовлетворять обработкою раньше изданнаго матеріала и тщательнымъ собираніемъ и группировкой неизданныхъ, чисто мѣстныхъ документовъ, какихъ немало еще найдется какъ въ столичныхъ, такъ и въ мѣстныхъ древлехранилищахъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не отдать должнаго уваженія труду г. Сапунова, который такъ усердно и безкорыстно служитъ дѣлу науки, обогащая ее новыми и дорогими по своему значенію матеріалами.

И. Каманинъ.

Историческіе матеріалы. Изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 10-й. Сост. Ал. Андріевскій. Кіевъ. 1886 г.

Г. Андріевскій, оставивъ должность редактора Губ. Вѣдомостей, которая дала ему поводъ и возможность начать названное изданіе, выбывъ даже совсѣмъ изъ Кіева, продолжаетъ выпускать собранные имъ раньше „Историческіе Матеріалы“, и теперь мы имѣемъ уже 10-й ихъ выпускъ.

Въ немъ, какъ и въ выпускахъ предъидущихъ, немало цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи Кіева и края.

Кто захочетъ посвятить свой талантъ и трудъ исторіи кіевской

данія г. Андріевскаго будутъ существеннымъ пособіемъ. И въ настоящемъ выпускѣ едва не половина мѣста отведена этого рода матеріаламъ. Кіевскій магистратъ съ его общиною—явленіе высоко-интересное и едва ли не единственное въ исторіи нашего края. Начавъ свое существованіе еще въ то время и въ такомъ государствѣ, гдѣ всѣ, кто могъ, отдѣльныя лица и цѣлыя учрежденія старались отгородить и обезопасить себя особыми правами и привиллегіями, надѣленный, ради древности и важности мѣста, привиллегіями въ изобиліи, не бывъ никому, кромѣ верховной власти, подчиненнымъ, не неся никакихъ общегосударственныхъ повинностей и налоговъ и даже грамотами царей и государей россійскихъ обязанный отъ всѣхъ своихъ прибытковъ вносить въ казну всего лишь по 600 р. въ годъ, управляясь и судясь самъ собою, имѣвъ даже собственное войско, кіевскій магистратъ, точнѣе самый Кіевъ и его община, съ тяжелой руки Петра I, царствованіе за царствованіемъ, годъ за годомъ утрачиваютъ свои льготы, борются за наданныя имъ права, стонутъ подъ бременемъ налоговъ и поборовъ, обращаются въ орудіе иной власти, игралище административнаго произвола, изживаются во внутреннихъ несогласіяхъ и угодничествѣ, открываютъ цѣлый рядъ внутреннихъ язвъ, подвергаются самому строгому контролю и даже суду, но и до послѣднихъ дней своихъ не перестаютъ ссылаться на свои прежнія права и привиллегіи. Въ такой общей картинѣ превратностей судьбы, перепспытанныхъ Кіевомъ и его „упривиліованымъ“ магистратомъ, получаютъ значеніе и предложенныые въ настоящемъ изданіи г. Андріевскаго обрывки дѣлъ, касающихся кіевскаго магистрата, числомъ до 6-ти.

Насыпавшій здѣсь съ 1733 г ничему никогда не служившіе и десятками лѣтъ съ великимъ трудомъ разрытые валы, фельдмаршалъ Минихъ, имѣвшій конечно смутное представленіе о кіевскомъ „Монако“, привлекаетъ Кіевъ къ тягостямъ тогдашней турецкой войны, требуетъ отъ него строгій отчетъ о его доходахъ и расходахъ и даже удивляется медлительности кіевскаго магистрата въ исполненіи сего требованія, а магистратъ собираетъ „премощнѣйшіе монаршіе грамоты и протчіе крѣпости“ и яснѣе ока доказываетъ фельдмаршалу, что ни давать отчета въ доходахъ и расходахъ, ни поставлять „подводъ подъ пословъ, гонцовъ, курьеровъ, равно кормовъ и питья для самихъ пословъ и вообще иждивенія на разные привѣты“ онъ не обязанъ, а иждивеніе на все это было такъ велико, что, по словамъ магистрата, „ни ратушъ ему репаровать, ни юргельту при майстратѣ будучимъ давать было не изъ чего“. Конечно, фельдмаршалъ не посмотрѣлъ на представленныя ему привилегіи, если въ слѣдующемъ 1737 г. простой

бунчуковый товарищъ Чернолуцкій засадилъ самаго войта Павла Войничча подъ караулъ за недоставленіе провіанта изъ пригородья Преварки и даже приказа губернаторскаго объ освобожденіи войта не послушалъ. Тщетно магистратъ выступалъ съ челобитною по этому дѣлу на Высочайшее имя; не помогли ему и „премощнѣйшіе грамоты", и челобитная передана только на разсмотрѣніе кіево-губернской канцеляріи. Надъ магистратомъ, который не отчитывался нѣкогда даже предъ королевскими урядниками, стояли теперь, кромѣ сената, гетманъ и генеральная войсковая каннелярія въ Глуховѣ, генералъ-губернаторъ и губернаторъ въ Кіевѣ, ихъ канцеляріи и даже просто полицмейстеръ, а магистратъ мнилъ все еще себя неподвластнымъ, апеллировалъ, протестовалъ, ссылаясь на „вольности прародительной отчины града Кіева". Онъ не хотѣлъ даже чинить и содержать въ исправности Хрещатицкой дороги,—спуска, нынѣ уже не существующаго, сваливая это на обязанность кіевскаго казачьяго полка; но тутъ даже кіевскій вице-губернаторъ Костюринъ заставилъ его это сдѣлать. Увиливаніе кіевскаго магистрата отъ исполненія какихъ либо повинностей иногда слишкомъ мелочно и просто комично. Въ Кіевѣ существовала въ то время таможня; таможенные сборы шли въ магистратъ и онъ же конечно долженъ былъ отсылать ихъ въ Глуховъ, въ канцелярію Малороссійскаго скарбу, но и тутъ онъ старался свалить это на обязанность кіевской казачей сотни и не послушался въ этомъ даже приказа Генеральной Войсковой Канцеляріи, пока та не доложила объ его ослушаніи самому гетману. Не мудрено, что подчиненные непосредственно магистрату, не встрѣчая отъ него удовлетворенія своимъ нуждамъ, старались въ свою очередь обжаловать его рѣшенія, предъ тѣми властями, отъ которыхъ онъ *de facto* стоялъ въ полной зависимости. Въ 1773 г. такая жалоба была занесена кіевскими цехами бывшему тогда генералъ-губернатору Воейкову по поводу возникшаго въ магистратѣ чисто внутренняго, домашняго дѣла о перечисленіи въ бондарскій цехъ ремесленниковъ однородной спеціальности, приписанныхъ въ цехи малярскій и рыбальскій. Интересъ этого дѣла, извѣстнаго лишь по оглавленію бумагъ, не въ его сущности или обстоятельствахъ, его вызвавшихъ, а въ воспроизведеніи магистратомъ на справку краткой исторіи цеховъ, бывшихъ вмѣстѣ и братствами церковными, изъ которой узнаемъ о существованіи въ Кіевѣ въ концѣ XVI ст. разнообразія производствъ, представляемомъ уже тогда *одинадцатью* цехами, а также о королевскихъ грамотахъ, данныхъ кіевскимъ цехамъ въ разное время. Полное приниженіе привилегированнаго кіевскаго магистрата властями всякаго рода, а

преимущественно военными, крайнее обремененіе Кіева расходами на довольствованіе помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и даже содержаніемъ какъ расположенныхъ здѣсь въ большомъ числѣ войскъ, такъ и постоянныхъ крѣпостныхъ, военныхъ и полицейскихъ учрежденій, и въ тоже время крупныя злоупотребленія въ расходованіи общественныхъ суммъ, начавшіяся въ самомъ магистратѣ—рисуетъ намъ объемистое, въ извлеченіи переданное дѣло о магистратскомъ хозяйствѣ въ Кіевѣ въ 1799 и 1800 г., вызвавшее учрежденіе, по Высочайшему повелѣнію, особаго комитета для упорядоченія городскихъ доходовъ и расходовъ и облегченія кіевскихъ плательщиковъ.

За обрывками дѣлъ, касающихся треволненной жизни кіевскаго магистрата, въ сборникѣ г. Андріевскаго слѣдуютъ четыре, также не полныя дѣла, о сербахъ въ Кіевѣ, лишній разъ напоминающія, къ какимъ разочарованіямъ привела громкая въ свое время колонизація „Запорожскихъ вольностей“ выходцами изъ Сербіи, предпринятая по постороннимъ разсчетамъ, вызвавшая громадныя денежныя затраты и ничего не давшая, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ ловкихъ авантюристовъ, увеличившихъ незаслуженно составъ формировавшагося затѣмъ новороссійскаго дворянства и число розданныхъ ему земель, да нѣсколькихъ тысячъ, если даже не сотенъ, разнаго сброду, причинившаго властямъ много хлопотъ, а коренному населенію обидъ и разореній. Сербы и наплывшіе съ ними всякіе бродяги, соединенные вскорѣ подъ общимъ именемъ гусаръ, безчинствовали въ Кіевѣ, тѣснили, били и подъ караулъ брали „спудеевъ“ кіевской академіи, хотя въ свою очередь были побиваемы отъ этихъ прирожденныхъ юнаковъ, въ особенности же, какъ молодые и холостые, безпокоили женщинъ, „оказывая имъ по прихоти своей нѣкоторые поступки“, и лишь немногіе оселялись потомъ въ Кіевѣ и разводили виноградъ, или просто опочивали отъ военныхъ подвиговъ, какъ премьеръ майоръ Савичъ, никакъ однако не могшій поладить съ кіево-подольскимъ протопопомъ Бѣлявскимъ и его женою, взявшимися содержать его до конца жизни за взятую имъ у него въ крайности тысячу рублей.

Наиболѣе цѣнные историческіе матеріалы даетъ г. Андріевскій подъ рубрикою: „Къ исторіи административнаго устроенія кіевской губерніи“ послѣ присоединенія къ Россіи юго-западнаго края. Они касаются устроенія новыхъ уѣздовъ, центральными пунктами которыхъ избраны были на первый разъ Корсунъ, Каневъ, Васильковъ и Чернобыль,—пріисканія помѣщенія для присутственныхъ мѣстъ, учрежденія штатовъ служащихъ и набора личнаго ихъ состава, приведенія въ извѣстность общаго населенія уѣздовъ, въ частности казенныхъ и

старостинскихъ имѣній, доходовъ казны, ихъ источниковъ и проч. При этомъ мы получаемъ очень обстоятельныя и весьма любопытныя историко статистическія свѣдѣнія о древнѣйшихъ городахъ Кіевщины и тогдашнемъ ихъ состояніи. Оказывается, что Корсунъ, Богуславъ и Каневъ, не смотря на недавнія бурныя времена, были значительно населены шляхтою и вольными мѣщанами, владѣли огромными пространствами земель и лѣсовъ, имѣли самую разнообразную внутреннюю промышленность и производство; въ Богуславѣ была напр., кромѣ всего прочаго, „гамарня", въ которой плавили мѣдь, выдѣлывая изъ нея разныя вещи водою; Каневъ велъ отпускную торговлю по Днѣпру, а Корсунъ процвѣталъ садами; въ двухъ первыхъ были училища, въ послѣднемъ библіотека. Процентъ еврейскаго населенія былъ самый незначительный, число купцовъ, торговцевъ и ремесленниковъ изъ христіанъ въ три, пять и болѣе разъ превышало число тѣхъ же изъ евреевъ, многія же производства находились исключительно въ рукахъ христіанъ. Достойно замѣчанія, что въ Богуславѣ портныхъ изъ однихъ христіанъ значилось 76, а сапожниковъ 63, а въ Каневѣ, рядомъ съ извѣстнымъ въ свое время базиліанскимъ училищемъ, показаны два русскихъ училища. На первый разъ даже крупныя оброчныя статьи, сдававшіяся въ аренду русскимъ правительствомъ, попали въ руки христіанъ. Евреи свили себѣ гнѣздо въ этихъ древнѣйшихъ русскихъ поселеніяхъ лишь въ послѣдствіи, когда коренное населеніе путемъ изворотовъ и всяческихъ неправдъ присосѣдившихся владѣльцевъ лишилось своего вѣковаго имущественнаго достоянія, своихъ торговыхъ и промышленныхъ правъ, подтвержденныхъ для Богуслава въ 1788, а для Канева и Корсуна въ 1792 г., и когда борьба съ наплывавшимъ еврействомъ стала для него невозможною не только въ силу наступившаго обѣдненія и безправія, но и по причинѣ усилившагося давленія польской власти. Какъ ни странно, но именно это давленіе усилилось съ переходомъ края изъ польскаго владычества подъ русское. Отмѣнивъ здѣсь тѣ порядки, которые не согласны были съ общеимперскими, но которые давали возможность аборигенамъ бороться съ пришельцами, правительство тѣмъ болѣе не могло поддержать первыхъ въ этой борьбѣ, что его собственное здѣсь владычество и управленіе были долгое время такъ сказать номинальными. Изъ приведенной въ сборникѣ г. Андріевскаго переписки объ устроеніи ново-намѣченныхъ уѣздовъ видимъ, что только на мѣста городничихъ попали русскіе и одинъ нѣмецъ, всѣ же прочія мѣста и должности заняты сплошь польскою шляхтою, не говоря о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя наполнялись шляхтою по выборамъ. Была одна лишь часть въ обще-

ственной жизни новоприсоединеннаго края, куда въ слабой степени проникалъ польско-шляхетскій элементъ,—это часть медицинская, но за то по собраннымъ русскими властями свѣдѣніямъ всѣ почти аптекари, лекари, подлекари и фельдшера оказались нѣмцами или жидами.

Оставляемъ другія мелочныя бумаги, помѣщенныя въ сборникѣ г. Андріевскаго; довольно и приведенныхъ, чтобы пожелать продолженія изданія, готоваго, кажется, прерваться, вслѣдствіе личныхъ обстоятельствъ безкорыстно-трудолюбиваго издателя.

К. Цыбульскій.

Исторія Новой Сѣчи или Послѣдняго Коша Запорожскаго, на основаніи подлинныхъ документовъ запорожскаго сѣчеваго архива, удостоенная почетнаго отзыва императорской академіи наукъ. А. Скальковскаго. Изданіе третье. Часть I. Одесса. 1885 г.

Третье изданіе настоящаго сочиненія, ставшаго въ послѣднее время библіографической рѣдкостью, является вполнѣ желанной новинкой, какъ единственный до сихъ поръ трудъ, въ которомъ собраны всѣ главныя черты малопзвѣстнаго внутренняго быта запорожцевъ. Неизвѣстно почему, 1-я часть этого солиднаго труда, помѣченная прошлымъ годомъ, выпущена только теперь и мы въ первые получаемъ возможность извѣстить читателей о появленіи оной.

Намъ нѣтъ надобности входить теперь въ оцѣнку труда, десятки лѣтъ пользующагося заслуженною извѣстностію. Главное его достоинство въ тѣхъ документальныхъ данныхъ и извлеченіяхъ, которыя возможны только для почтеннаго историка Сѣчи, какъ обладателя значительной части запорожскаго архива. Поэтому насъ ни мало не удивляетъ, что, за необнародованіемъ новыхъ по этой части матеріаловъ, настоящее новое изданіе 1-й части Исторіи Сѣчи составляетъ точную почти копію 2-го изданія 1846 года. Въ немъ замѣчаются лишь самыя небольшія измѣненія; такъ на стр. 51 и 52 авторъ прибавилъ фактъ, что „въ 1762 году присягало по случаю вступленія на престолъ императрицы Екатерины II 20,281 козаковъ, въ томъ числѣ поселенныхъ въ паланкахъ женатыхъ 2,312 м. п.“; на стр. 97 опущенъ примѣръ отказа богуславскаго губернатора (управляющаго) Михаила Клечковскаго отъ приглашенія его запорожцами вступить въ составъ ихъ войска (2 сентября 1750 года); на стр. 287 опущенъ поздравительный гимнъ на латинскомъ языкѣ; на стр. 298 опущена баллада объ измѣнникѣ Филиппѣ Орликѣ; наконецъ на 302 стр. опущено заключительное четверо-

стишіе; встрѣчаются также нѣкоторыя незначительныя поправки въ примѣчаніяхъ. Если за тѣмъ во всемъ остальномъ первая часть настоящаго изданія сходна съ первой частью 2-го изданія, то, повторяемъ, это сходство должно быть объяснено исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что исторія внутренняго быта Запорожья въ теченіи протекшихъ 40 лѣтъ, со времени выхода въ свѣтъ 2-го изданія сочиненія г. Скальковскаго, мало подверглась разработкѣ и автору почти нѣчего было измѣнять. Въ двухъ остальныхъ частяхъ, гдѣ будетъ изложена политическая исторія Новой Сѣчи, болѣе разработанная въ послѣднее четыредесятилѣтіе, г. Скальковскій обѣщаетъ изобразить событія въ томъ видѣ, въ какомъ являются они по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Особенно виновнымъ онъ чувствуетъ себя передъ славной памятью ревностнаго поборника православія, мотронинскаго игумена Мелхиседека Значка-Яворскаго, котораго онъ характеризовалъ раньше на основаніи односторонннихъ клеветническихъ показаній очевидцевъ-поляковъ и котораго свѣтлый образъ выясненъ уже давно изслѣдованіемъ и матеріалами, изданными Ѳ. Г. Лебединцевымъ. Тоже обѣщаетъ авторъ сдѣлать и по отношенію къ исторіи гайдамачества, которое является и въ другихъ формахъ и въ другихъ размѣрахъ въ извѣстныхъ, основанныхъ на архивныхъ данныхъ, трудахъ В. Б. Антоновича и покойнаго Костомарова. Такое безпристрастіе и любовь къ истинѣ маститаго историка дѣлаютъ ему большую честь; при всемъ этомъ исторія гайдамацкаго движенія едва-ли можетъ быть выяснена имъ окончательно теперь, такъ какъ огромная масса сыраго, не изданнаго до сихъ поръ матеріала для нея, находящагося въ кіевскомъ и московскомъ главныхъ архивахъ, а также въ императорской публичной библіотекѣ ждетъ еще своихъ издателей и изслѣдователей.

Вышедшая теперь новымъ изданіемъ первая часть сочиненія г. Скальковскаго, основанная на неопровержимыхъ документальныхъ данныхъ запорожскаго архива, выиграла-бы еще болѣе въ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, если-бы авторъ въ тѣ главы, въ которыхъ говорится о происхожденіи козачества, его поселеніяхъ, владѣніяхъ и проч., ввелъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, обративъ вниманіе на появившіяся въ теченіи 1846—1886 годовъ нѣсколько новыхъ мнѣній по основному вопросу въ исторіи козачества, откуда оно, что опредѣляло такой, а не иной складъ его жизни и проч. Разборъ этихъ мнѣній далъ-бы. конечно, возможность автору найти наиболѣе правдоподобное разрѣшеніе затронутыхъ вопросовъ. Правда, что сами по себѣ эти вопросы на столько уже широки и важны, что

не разъ служили предметомъ самостоятельныхъ разсужденій, одно изъ какихъ напечатано было и на страницахъ нашего журнала.

Въ ожиданіи слѣдующихъ частей „Исторіи Новой Сѣчи", которыя явятся, по словамъ автора, нѣсколько измѣненными, намъ остается лишь пожелать, чтобы они были выпущены въ продажу по цѣнѣ уменьшенной хотя-бы до 3-хъ рублей. Вѣдь этотъ почтенный и единственный въ своемъ родѣ трудъ г. Скальковскаго долженъ служить настольной книгой для всѣхъ, занимающихся южно-русской исторіей, а между тѣмъ не для всѣхъ онъ доступенъ по своей высокой цѣнѣ. Пониженіе ея, при соотвѣтственномъ увеличеніи числа печатаемыхъ экземпляровъ, вполнѣ окупятъ и трудъ автора и издержки печатанія, а что всѣ экземпляры разойдутся въ продажѣ, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться.

И. Каманинъ.

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ VIII. Холмская Русь (люблинская и сѣдлецкая губерніи варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885 г. Ц. 15 р.

Давно слѣдовало намъ говорить о новомъ выпускѣ этого большаго и дорогаго изданія; но намъ лишь недавно попалъ въ руки этотъ выпускъ, да и не вдругъ мы могли одолѣть увѣсистую книгу въ большую восьмуху, заключающую свыше 500 страницъ, со множествомъ приложеній и особымъ роскошнымъ альбомомъ

Выписанное нами многословное заглавіе имѣетъ между прочимъ цѣлью указать на внѣшнюю связь настоящаго выпуска съ предъидущими семью выпусками изданія, растянутаго на пространствѣ двадцати лѣтъ. Если-бы желать заглавія болѣе краткаго и болѣе точнаго, то съ удобствомъ можно было-бы употребить такое: Сборникъ статей, касающихся исторіи Холмщины и Подлясья, съ пояснительными снимками и изображеніями, выпускъ 2-й.

Въ свое время мы ознакомили читателей съ общимъ содержаніемъ 1-й части этого сборника, вышедшаго въ прошломъ году, сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній о его цѣлесообразности и частнѣйшихъ о той или другой статьѣ, съ общимъ заключеніемъ о достоинствахъ изданія и его пробѣлахъ или недосмотрахъ. И теперь мы не можемъ пойти далѣе этого и ограничимъ нашу замѣтку также общимъ

обзоромъ содержанія вышедшей книги, не входя въ разборъ статей, одно поименованіе которыхъ занимаетъ довольно мѣста.

Вотъ вкратцѣ составъ книги: Нѣсколько словъ по поводу герба на старинной картѣ Володиміро-галицкаго княжества, *Я. Г.*, О границахъ Польской Короны и Вел. Княжества Литовскаго, *С. В. Шолковича*, Краткій очеркъ религіознаго состоянія Холмской Руси до брестской уніи, *Х. Х.*, Люблинскій съѣздъ 1569 г., *И. И. Малышевскаго*, Присоединеніе Подлѣсья къ Польшѣ на томъ-же съѣздѣ, *М. О. Кояловича*, О кормчей люблинскаго священника Василія 1604 г., *А. Павлова*, Памятники русской старины въ г. Люблинѣ, *А. В. Лонгинова*, Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ (противникъ брестской уніи), *Н. И. Петрова*, Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій и Ипатій Потѣй, епископъ владимірскій (виновники уніи), двѣ статьи *О. И. Левицкаго*, Уніатскій лже-мученикъ Іосафатъ Кунцевичъ (архіепископъ витебскій) и его мнимыя мощи, *Н. И. Петрова*, Аѳанасій Филипповичъ (брестскій игуменъ) и шляхтичъ Янъ Луба (самозванецъ), *А. Станкевича*, Устная народная словесность въ Холмской и Подляской Руси, *прот. М. Я. Страшкевича*, Михаилъ Куземскій, послѣдній греко-уніатскій епископъ холмской епархіи, *М. И. Городецкаго*, О представленіи имп. Александру II уніатской депутаціи въ 1875 г. (по Правит. Вѣстнику). Къ сборнику приложены алфавитные указатели для обѣихъ частей, гербы и карты къ двумъ первымъ статьямъ 2-й части, а за тѣмъ портреты царей Алексѣя Михайловича и Михаила Ѳедоровича, епископовъ Гедеона, Кирилла, Ипатія и Іоасафата, снимокъ съ иконы Купятицкой Божіей Матери, что въ кіево-софійскомъ соборѣ, портретъ князя Черкасскаго и епископа Марка Господнѣвича (послѣдніе два, какъ не вошедшіе въ 1-ю часть сборника).

Уже по однимъ заглавіямъ статей, вошедшихъ въ сборникъ, и приложеній къ нимъ читатель можетъ видѣть, насколько въ немъ статей, воспроизводящихъ прежнюю исконно-русскую жизнь Холмщины и Подлясья, а въ ряду приложеній много-ли такихъ, которые представляли-бы собою дѣйствительные памятники этой жизни. Конечно, касаясь частнаго, нельзя не говорить о цѣломъ, но тутъ цѣлое, общее притачивается къ частному. Преобладаніе статей общаго характера, имѣющихъ отдаленное, едва примѣтное отношеніе къ изображенію собственной жизни Холмщины и Подлясья, недостатокъ статей и памятниковъ мѣстнаго характера чувствовалъ и самъ издатель, а потому въ обширномъ предисловіи на 10-ти страницахъ онъ старается мотивировать такъ или иначе помѣщеніе тѣхъ или иныхъ статей и приложеній; но

отъ его объясненій и мотивировки ни мало не измѣняется ни сущность дѣла, ни собственный взглядъ читателя на цѣлесообразность статей и приложеній. Почему напр. къ сборнику приложены, рѣдкіе, положимъ, портреты царей Алексѣй Михайловича и Михаила Ѳедоровича? А потому, что въ то время, когда они царствовали на Москвѣ, въ Брестѣ Литовскомъ жилъ и даже въ Москву за подаяніемъ приходилъ игуменъ Аѳанасій, о которомъ помѣщена въ сборникѣ статья; да къ тому-же игумена приплели было къ дѣлу о самозванцѣ Янѣ Лубѣ, о которомъ также говорится въ этой статьѣ. Почему-же помѣщена здѣсь статья объ игуменѣ Аѳанасіѣ? А потому что онъ противился уніи, а унія, извѣстно, была въ Холмщинѣ и Подлясьѣ, а отсюда до Бреста уже рукой подать, хотя Брестъ не входилъ въ составъ ни той, ни другой земли. Мы понимаемъ умѣстность статьи объ игуменѣ Аѳанасіѣ въ холмскомъ календарѣ,—изданіи холмскаго братства, желавшаго въ лицѣ его представить возсоединеннымъ изъ уніи образчикъ страдальца отъ уніи за православіе; но притянуть такую статью къ „Памятникамъ Холмской Руси“ столь же трудно, какъ мотивировать приложеніе къ ней изображенія Купятицкой Божіей Матери тѣмъ, что предъ этою иконою молился тотъ-же игуменъ Аѳанасій. Тѣ-же вопросы можно сдѣлать и относительно многихъ другихъ статей сборника и получить на нихъ подобные-же отвѣты. Прекрасныя сами по себѣ, но все-же далекія отъ цѣли изданія и не представляющія новости по сюжету, статьи проф. Малышевскаго и Кояловича о люблинскомъ съѣздѣ 1569 г. почтенный издатель считаетъ необходимымъ помѣстить „въ виду важности событія и для большаго распространенія вѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ съѣздѣ среди русскаго общества“, хотя большое распространеніе трудно достижимо при высокой цѣнѣ изданія. Статьи о Кириллѣ Терлецкомъ и Ипатіѣ Потѣѣ онъ считаетъ вполнѣ умѣстными въ своемъ изданіи „по общему историческому ихъ фону“ и не видитъ надобности „въ воспроизведеніи отрицательной дѣятельности каждаго изъ этихъ лицъ“, не потому, что такого воспроизведенія въ статьяхъ не оказалось, а потому, что оно яко-бы не входитъ въ „Памятники русской старины“. И однако-жъ не другое что, какъ именно такая-же отрицательная дѣятельность воспроизводится въ слѣдующей за ними статьѣ проф. Петрова объ „Уніатскомъ лжемученикѣ Іосафатѣ Кунцевичѣ“. Положительная дѣтельность „львовскаго епископа Гедеона Балабана на пользу православія и русской народности въ Галиціи и юго-западномъ краѣ Россіи“, излагаемая въ статьѣ того-же проф. Петрова, не приближаетъ также этой статьи къ „Памятникамъ русской старины“ въ Холмской Руси и остается одна связь этого ревни-

теля православія съ Холмщиной—это то, что Гедеонъ Балабанъ въ 1606 г. благословилъ своею грамотою учрежденное въ г. Замостьѣ церковное братство, а грамота эта, хранящаяся нынѣ въ музеѣ холмскаго братства, помѣщена въ точномъ снимкѣ въ предъидущемъ выпускѣ настоящаго изданія. Столь-же общее и далекое отношеніе къ задачамъ изданія имѣютъ и статьи Я. Г. и г. Шолковича, выше нами поименованныя.

Конечно, всѣ эти статьи болѣе или менѣе высокаго научнаго достоинства и сохранятъ свое значеніе въ дѣлѣ общей разработки западно-русской исторіи; но въ изданіи „Памятниковъ русской старины" въ Холмщинѣ и Подлясьѣ хотѣлось бы видѣть не то. Ужъ если самъ издатель говоритъ, что „этотъ край покрытъ древнѣйшими остатками русскаго зодчества, ярко отмѣченъ мѣстною русскою письменностью и старопечатью", что „по всему его пространству слышится русская рѣчь, поется русская пѣсня; да и обычаи рѣзко выдѣляются отъ обычаевъ пришлыхъ въ краѣ ляховъ", то казалось-бы, за чѣмъ и дѣло стало? Давайте намъ всѣ эти памятники въ вѣрныхъ снимкахъ, въ точныхъ спискахъ, правильныхъ записяхъ, съ научными объясненіями, описаніями и изслѣдованіями, все это будетъ имѣть новость для науки и общества, привлечетъ къ себѣ живѣйшій интересъ, а главное—мы будемъ тогда имѣть дѣйствительные памятники православія и русской жизни въ Забужьѣ, а не многоученыя изслѣдованія о матеріяхъ, достаточно извѣстныхъ, объ усиліяхъ іезуитовъ, поляковъ и уніатовъ къ подавленію въ немъ и православія и народности русской. Въ рецензіи на 1-й выпускъ разсматриваемаго изданія мы указали на нѣкоторые письменные памятники холмской старины, ждущіе изданія и могущіе представить высокій научный интересъ; въ сообщенномъ намъ отчетѣ холмскаго братства, о которомъ мы вскорѣ будемъ говорить, въ числѣ рукописей братскаго музея указано множество не менѣе драгоцѣнныхъ такихъ-же памятниковъ; самъ издатель говоритъ о рѣдкой находкѣ—„Лѣтописцѣ пресвитеровъ церкви св. Рождества присно Дѣвы Маріи", веденномъ въ г. Бѣлѣ, на Подлясьѣ, съ 1582 по 1690 г. и, кромѣ массы другихъ свѣдѣній, „замѣчательномъ полнотою русскаго текста статей Зборовскаго договора, какъ ихъ сочинили и списали козаки". За чѣмъ-же, спрашиваемъ опять, была остановка? Вѣдь ни въ средствахъ, ни въ сотрудникахъ недостатка быть ие могло, спѣшить-же изданіемъ тоже не приходилось, такъ какъ оно не періодическое.

Къ этому общему замѣчанію о статьяхъ сборника, которыя, по нашему мнѣнію, съ большею гораздо пользою и соотвѣтствіемъ задачѣ

изданія могли-бы быть замѣнены другими, мы прибавимъ лишь нѣсколько словъ по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Въ превосходной статьѣ И. И. Малышевскаго непріятно поражаютъ недостатокъ тщательной редакціи и даже просто опечатки; въ статьѣ объ Афанасіѣ Филипповичѣ, разъ она допущена въ сборникъ, излишне пристегнутъ самозванецъ Янъ Луба и переговоры о немъ между московскимъ и польскимъ правительствами, чѣмъ раздвояется и измѣняется цѣльный характеръ очерка, хотя именно въ свѣдѣніяхъ о Лубѣ весь интересъ новизны; къ живымъ, мѣстами художественнымъ статьямъ О. И. Левицкаго о Кириллѣ Терлецкомъ и Ипатіѣ Потѣѣ приложены блѣдныя изображенія ярко очерченныхъ имъ лицъ и не указанъ источникъ, откуда заимствованы эти изображенія,—сказано только, что они присланы изъ Кіева, тогда какъ въ Кіевѣ нигдѣ портретовъ этихъ лицъ нѣтъ; наконецъ въ статьѣ проф. Петрова объ Іосафатѣ Кунцевичѣ, въ любопытной и обстоятельной группировкѣ свѣдѣній о странствованіи мнимыхъ его мощей усмотрѣна нами въ одномъ изъ источниковъ небольшая неточность, которую мы имѣемъ возможность дополнить и исправить. Неточность эта совсѣмъ устраняетъ тотъ фокусъ, который продѣлывали съ мощами ихъ хранители, а фокусъ заключался въ слѣдующемъ. Въ гробницѣ, въ которой хранились мощи, было не три, какъ говоритъ видѣвшій мощи врачъ Сикорскій, а четыре стекла и вся суть заключалась въ стеклѣ, помѣщавшемся на верху гробницы надъ головою Кунцевича. Дѣло въ томъ, что свѣтъ, падая чрезъ это стекло на желтую парчевую митру, отсюда посредствомъ отраженія, окрашенный слегка въ желтый цвѣтъ, доходилъ до стекла, помѣщеннаго у ногъ, къ которому обыкновенно допускали поклонниковъ, а потому поклонникамъ лице Кунцевича, на самомъ дѣлѣ черное, казалось желтоватымъ и близко подходящимъ къ цвѣту лица недавно умершаго человѣка. Мы слышали не разъ отъ русскихъ, православныхъ, глядѣвшихъ на мощи чрезъ стекло у ногъ, что лице Кунцевича имѣетъ натуральный цвѣтъ человѣка спящаго или недавно умершаго, и тоже впечатлѣніе испытали лично, глядя въ тоже стекло; но когда, ставъ на скамеечку, мы заглянули въ верхнее стекло, то убѣдились, что лице также темно, какъ и рука, и тоже оказалось при открытіи крышки гробницы. Относительно бѣльскаго „Лѣтописца“ мы также имѣли гораздо раньше сего свѣдѣніе; но когда три года назадъ навели справки о немъ, то уже не могли напасть на его слѣдъ, и были-бы очень рады, если-бы этотъ драгоцѣнный памятникъ былъ вскорѣ отысканъ и изданъ.

Обращаясь за симъ къ тѣмъ статьямъ настоящаго выпуска, которыя имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ историческимъ судьбамъ Холмской Руси, не безъ удовольствія можно остановиться на сжатомъ очеркѣ судьбы православія въ Холмской Руси отъ начала въ ней христіанства до брестской уніи. Онъ не блещетъ новизною данныхъ, ни строгою ихъ провѣркою, но чуждъ излишествъ и запутанности и въ тоже время даетъ достаточное число разнообразныхъ по источникамъ историческихъ свидѣтельствъ для того, чтобы получить общее представленіе о движеніи и предѣлахъ распространенія православія, а паралельно и католицизма, на пространствѣ между Бугомъ и Вислою, искони занятомъ русскимъ населеніемъ, равно іерархической зависимости этого населенія, предѣлахъ и составѣ древней холмско-православной епархіи. Можно пожалѣть только о томъ, что авторъ не провелъ своего очерка дальше, не въ видахъ изложенія распространенія въ Холмщинѣ уніи, а въ видахъ подбора точныхъ свѣдѣній, какъ долго и гдѣ именно удерживалось какъ православіе, такъ и связанные съ ними обряды и обычаи. Когда нибудь и кому нибудь да нужно-же заняться этимъ, а такое изслѣдованіе отвѣчало-бы существенно задачамъ изданія.—Спеціалистовъ заинтересуетъ краткая замѣтка г. Павлова о Кормчей люблинскаго священника Павлова, писанной въ 1604 г. и хранящейся въ Румянцевскомъ Музеѣ, для всякаго-же вообще читателя любопытно вообще самое указаніе на этотъ рѣдкій памятникъ русской письменности и своего рода учености въ такомъ пунктѣ, гдѣ ничего русскаго не предполагалось.—Съ живѣйшимъ любопытствомъ прочли мы статью г Лонгинова „Памятники русской старины въ г. Люблинѣ". Памятниковъ этихъ, положимъ, въ настоящее время почти нѣтъ, кромѣ описанной авторомъ раньше Преображенской церкви, о которой онъ трактуетъ и здѣсь; но за то въ лѣтописныхъ и архивныхъ источникахъ разсѣяна масса указаній на присутствіе въ самыя отдаленныя времена въ самомъ Люблинѣ и люблинской землѣ русскаго поселенія, русскаго владычества и жизни. Г. Лонгиновъ съ удивительною кропотливостію подбираетъ эти указанія и прямыя свидѣтельства у лѣтописцевъ русскихъ и польскихъ, въ актахъ люблинскаго трибунала и другихъ мѣстныхъ архивовъ, въ рѣдкихъ польскихъ и другихъ изданіяхъ и по совокупности всѣхъ ихъ, съ помощію искусныхъ соображеній, даетъ мѣсто и Люблину и люблинской землѣ въ первоначальномъ составѣ Червонорусскихъ земель, утверждая также, что и „во всей Сандомірской области, которой, по древнимъ грамотамъ, нѣкоторое время подчинялась люблинская земля, было также русское населеніе и православныя церкви",

а сама Сандомирія у иностранцевъ называлась русскою землею". Это, можетъ быть, очень смѣло и положеніе г. Лонгинова встрѣтитъ немало возраженій; но тѣмъ не менѣе онъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ, удостовѣряющихъ, что въ самомъ Люблинѣ православіе древнѣе католичества и тогда какъ первый костелъ является здѣсь лишь въ концѣ XIII в., а первый католическій монастырь въ концѣ XIV в., указанія на существованіе здѣсь русскаго монастыря и русской часовни относятся къ болѣе раннему времени. а свидѣтельство о церкви св. Николая восходитъ даже къ X в. Найбольшій интересъ въ статьѣ Лонгинова представляетъ его попытка установить границы люблинской земли въ половинѣ XIII в., а вмѣстѣ и сосѣднихъ Холмской, Червенской, Белзской, Перемышльской, Брестской, а также Польши и Мазовіи. Предпосланная статьѣ карта этихъ границъ указываетъ вмѣстѣ и черты русскихъ поселеній здѣсь, которыя авторъ отодвигаетъ на западъ до Вислы, на сѣверъ до устья Вепря, а на югъ до р. Сана. Проводимая имъ по Вепрю и Быстрицѣ восточная граница люблинской земли, отдѣлявшая ее отъ холмской, рядомъ новыхъ данныхъ, въ собственномъ смыслѣ архивныхъ открытій, передаетъ въ эту послѣднюю и перечисляетъ въ разрядъ древнихъ коренныхъ русскихъ городовъ такіе, какъ Щебрешинъ, Туробинъ, Красникъ, Крешовъ и многіе другіе, которыхъ никому и въ голову не приходило считать русскими. И это не гипотеза; несомнѣнный документъ обстоятельно трактуетъ о русской церкви, русскомъ священникѣ, его строеніяхъ и земляхъ въ Туробинѣ еще въ началѣ XVI в.

Особенное вниманіе въ сборникѣ привлекаетъ новостью сюжета, чисто мѣстнымъ его характеромъ и живостью изложенія статья прот. Н. В. Страшкевича: „Устная народная словесность въ Холмской и Подлясской Руси". Почтенный авторъ хорошо знакомъ съ краемъ, его исторіею и недавнимъ прошлымъ, слово его дышетъ живѣйшимъ сочувствіемъ къ народу, о которомъ онъ говоритъ; но новость предмета, почти не початаго, завлекла его въ пространныя разсужденія, съ помощію общихъ источниковъ и пріемовъ, о миѳическомъ, религіозномъ, обрядовомъ и всякомъ иномъ значеніи холмско-подлясскихъ пѣсенъ и въ массѣ этихъ разсужденій расплывается тотъ сравнительно небольшой матеріалъ, который подлежитъ еще сличенію съ однороднымъ матеріаломъ другихъ малорусскихъ мѣстностей и опредѣленію со стороны количественнаго запаса, точности записи и точнаго обозначенія какъ мѣстности оной, такъ и всего протяженія пѣсни по холмско-подлясскому краю. Авторъ самъ затрогиваетъ подобные вопросы, дѣлаетъ многіе любопытныя сближенія и выводы, вообще положилъ на это дѣло не

мало труда, и хотя самое это дѣло требуетъ еще большой подготовительной работы, но ему будетъ принадлежать честь хорошаго въ немъ почина.

Полна живаго интереса и статья г. Городецкаго о послѣднемъ холмскомъ уніатскомъ епископѣ Михаилѣ Куземскомъ. Свѣдѣнія о немъ взяты изъ хорошаго источника и тѣмъ не менѣе въ нихъ не точно переданы обстоятельства какъ избранія Куземскаго въ епископы, такъ и объясненія его съ намѣстникомъ предъ принесеніемъ присяги; отсюда вся дальнѣйшая путаница и рядъ противорѣчій въ дѣйствіяхъ епископа Куземскаго, которыхъ не можетъ понять авторъ статьи и которыхъ на самомъ дѣлѣ не было. Прежде всего не мы избирали Куземскаго, а намъ его предложили и мы согласились. Вышло такъ по ходу переговоровъ, а наводившіяся о Куземскомъ справки не дали намъ главнаго и существеннаго относительно его церковно-религіознаго направленія. За тѣмъ Куземскій, ссылаясь въ своемъ первомъ посланіи на „торжественное *запорученіе* высокаго управительства, що тоежде нѣякъ не будетъ стѣсняти совѣсти нашой, ниже нашому соединенію во вѣрѣ съ римско-католическою церквою въ нѣчомъ препятствовати", буквально только повторилъ слова графа Берга. О намѣреніяхъ правительства относительно упорядоченія епархіи между прочимъ путемъ очищенія обрядности извѣстно было ему изъ переговоровъ нашихъ съ нунціемъ; но Куземскій разумѣлъ это по своему, какъ дѣло, по его взгляду, ему одному принадлежащее. Никакой двойственности въ его дѣйствіяхъ не было, но о его „неподатливости на дѣло, не согласное съ его взглядами", предупреждалъ еще протоіерей Раевскій. Коротко сказать: Куземскій былъ человѣкъ очень умный, но вмѣстѣ и очень самостоятельный. Онъ былъ строгій народникъ, но вмѣстѣ и строгій уніатъ, точнѣе папистъ. Первое у насъ знали, послѣднему долго не хотѣли вѣрить. Пришлось однако повѣрить. Говорить объ этомъ больше и мы считаемъ преждевременнымъ.

Что касается альбома, составляющаго приложеніе къ настоящему выпуску „Памятниковъ", то онъ исполненъ съ тою роскошью, какую позволяютъ средства, находящіяся въ распоряженіи издателя. Состоитъ онъ изъ 15 приложеній, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ по нѣсколько изображеній. Изъ числа ихъ выдаются по своей древности: Церковь Спаса близъ Холма на мѣстѣ Щекова капища, церковь въ с. Витулинѣ XVI в. на Подлясьѣ, церковь св. Николая въ Брестѣ, въ которой провозглашена была унія 1596 г., евангеліе Холмское XIV в., Казимірское XV в. и другія, крестъ Брестскаго собора X или XI в.,

блюдо Замостьское XVI в. и проч. Въ ряду этихъ превосходно исполненныхъ снимковъ непріятно поражаетъ плохая фотографія депутаціи представлявшейся Государю во время присоединенія въ 1875 г., на которой мы съ трудомъ могли узнать близко знакомыхъ намъ лицъ.

Подготовляется новый выпускъ Памятниковъ старины въ Холмщинѣ и Подлясьѣ. Желаемъ почтенному издателю полнаго успѣха и жалѣемъ объ одномъ, что это изданіе такъ трудно доступно для публики по своей цѣнѣ.

Ѳ. Лобода.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ПОТРЕБНОСТЬ ВЪ БІОГРАФИЧЕСКОМЪ СЛОВАРѢ ЮЖНО-РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ И НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЕГО ПРОГРАММѢ.

Русская литература не скупа біографическими работами, касающимися крупныхъ дѣятелей, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Есть біографическіе словари, начиная съ труда Бантыша-Каменскаго, «Русскіе достопамятные люди» и кончая книгой Михневича «Наши знакомые». Но, къ сожалѣнію, ни въ общей, ни въ мѣстной литературѣ совсѣмъ нѣтъ біографическихъ трудовъ, касающихся дѣятелей провинціальныхъ. Можетъ быть, въ какихъ нибудь мѣстныхъ изданіяхъ и найдутся отдѣльныя отрывочныя статейки, или замѣтки подобнаго рода; но цѣльныхъ работъ, на сколько намъ извѣстно, не существуетъ, если не считать неудавшіяся попытки въ этомъ родѣ давняго времени.

Вполнѣ признавая все значеніе трудовъ перваго рода, отдающихъ должное тѣмъ людямъ, дѣятельность которыхъ стоитъ на виду у всего государства, мы считаемъ все таки не менѣе полезными и необходимыми мѣстные словари, которые заключали бы въ себѣ біографію дѣятелей провинціальныхъ.

Пусть тѣ замѣчательные люди, жизнь и дѣятельность которыхъ вносится въ общерусскіе словари, вполнѣ заслуживаютъ признанія и оцѣнки; значитъ ли отсюда, что не заслуживаютъ его тѣ

лица, дѣятельность которыхъ видна лишь съ точки зрѣнія небольшаго территоріальнаго района? Скажемъ больше: не ихъ ли дѣятельностію, этихъ скромныхъ, не видныхъ мѣстныхъ дѣятелей. главнымъ образомъ создается культура, блестящій фокусъ которой отражается въ центрѣ?

Конечно, для всероссійскаго читателя нѣтъ интереса въ знакомствѣ съ жизнью и дѣятельностію всей огромной и разнообразной массы провинціальныхъ работниковъ; но за то для каждаго провиціальнаго обывателя не менѣе интересно и полезно знать дѣятелей своего территоріальнаго района, чѣмъ и дѣятелей съ общегосударственнымъ значеніемъ.

Отсюда слѣдуетъ, какъ необходимы біографическія изданія, посвященныя дѣятелямъ той, или другой области. Помимо всѣхъ прочихъ соображеній, подобныя изданія, во всякомъ случаѣ, будутъ достигать слѣдующихъ нравственно-общественныхъ цѣлей. Прежде всего, такимъ образомъ, мы отдаемъ дань признательности мѣстнымъ скромнымъ дѣятелямъ, не замѣчаемымъ общею печатью; затѣмъ мы будемъ надеждой на признаніе и оцѣнку питать и въ живыхъ дѣятеляхъ бодрость духа; наконецъ, и что самое главное, мы создаемъ фактическій матеріалъ, необходимый для сужденія о томъ, правильно ли, цѣлесообразно ли, т. е. вполнѣ ли сознательно ведется дѣло изученія родины и ея развитія, указывая же недостатки въ этомъ направленіи, мы будемъ способствовать внесенію въ это дѣло большей правильности, большей сознательности.

Все сказанное выше я примѣняю къ нашей мѣстности, и думаю, что было бы въ высшей степени полезнымъ дѣломъ собираніе матеріаловъ для словаря южно-русскихъ дѣятелей, прежде всего литературныхъ и научныхъ, а затѣмъ и общественныхъ, работавшихъ на пользу своей родины. Словарь этотъ долженъ захватывать и современниковъ, и умершихъ, дѣйствовавшихъ съ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Само собой понятно, что здѣсь не можетъ имѣть мѣста какой-нибудь исключительный подборъ, напр. подборъ лицъ, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ того или другого образа мыслей, направленія, хотя, конечно, слѣдуетъ давать преимущество біографіямъ лицъ, болѣе сознательно относившихся къ своей дѣятельности, передъ лицами, работавшими чисто случайно или по необходимости на томъ или другомъ поприщѣ.

Размѣръ біографическихъ свѣдѣній о томъ или другомъ лицѣ долженъ соотвѣтствовать также достоинству и количеству дѣятельности его на пользу родины. Минимумъ біографическихъ свѣдѣній долженъ состоять въ перечисленіи слѣдующихъ фактовъ: имя, отчество, фамилія, званіе, мѣсто и годъ рожденія и годъ смерти, мѣсто воспитанія и родъ службы, или занятій, родъ дѣятельности и указаніе работъ или трудовъ. Отъ лицъ, дѣятельность которыхъ опредѣлялась сознательной идеей изученія родины и содѣйствія ея развитію, желательно было бы получить также и указаніе на то, подъ какими вліяніями и обстоятельствами они воспитали въ себѣ эту идею (здѣсь разумѣется вліяніе семьи, отдѣльныхъ личностей, кружковъ, литературныхъ и научныхъ произведеній и т. п.).

Для практическаго осуществленія этого дѣла нужно предварительное собраніе свѣдѣній, черезъ лицъ той или другой мѣстности, о найболѣе выдающихся мѣстныхъ дѣятеляхъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, и обращеніе къ живымъ личностямъ съ просьбой доставить, по извѣстной программѣ, біографическія свѣдѣнія о себѣ и объ умершихъ лицахъ, съ которыми они были хорошо знакомы. Затѣмъ нужны пересмотръ общихъ литературныхъ источниковъ (біографическихъ словарей россійскихъ дѣятелей) и мѣстныхъ изданій и извлеченіе изъ нихъ всего подходящаго матеріала. Заключительнымъ фазисомъ должна служить редакціонная разработка всего накопленнаго такимъ образомъ матеріала, которая дастъ уже возможность составить и общій обзоръ дѣятельности по всѣмъ разнообразнымъ сферамъ нашей общественной жизни.

Тогда-то и лишь тогда мы получимъ возможность знать, что уже сдѣлано въ той или другой сферѣ дѣятельности, общественной, или литературно-научной, чего еще не сдѣлано, получимъ данныя для правильныхъ указаній на счетъ ближайшихъ задачъ будущаго. Но чтобы этотъ обзоръ дѣйствительно соотвѣтствовалъ своему назначенію, чтобы онъ послужилъ руководствомъ для современниковъ и ближайшихъ потомковъ, необходимо для составителей его самимъ имѣть въ головѣ нѣкоторую программу должнаго, желательнаго и возможнаго. А такая концепція, какъ бы относительно малы ни были предъявляемыя къ ней наши требованія, все таки дѣло не легкое. Вотъ какъ

намъ приблизительно представляется эта программа по отношенію къ сферѣ научной.

Прежде всего, наука должна бы была дать намъ книгу по родиновѣдѣнію, т. е. такую книгу, которая знакомила бы насъ, хотя въ краткихъ очеркахъ, съ югомъ въ отношеніяхъ географическомъ, естественно-историческомъ, этнографическомъ, статистическомъ. Мы не имѣемъ ни экономики юга, т. е. того, что давало бы намъ понятіе о положеніи сельскаго хозяйства, промышленности заводской, кустарной и проч. и торговли юга, ни даже сборника лучшихъ экономическихъ статей, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ, касающихся той или другой стороны экономическихъ явленій той или иной мѣстности. Между тѣмъ, такой сборникъ, какъ и вообще сборникъ лучшихъ журнальныхъ статей о югѣ, представлялъ бы весьма полезное изданіе. У насъ даже нѣтъ систематическаго указателя статей и книгъ, касающихся юга въ томъ, или другомъ отношеніи. Наше народное обычное право не только не разработано, но даже не сдѣлано простой сводки юридическихъ обычаевъ по существующимъ печатнымъ и письменнымъ матеріаламъ (рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, книгамъ общественныхъ приговоровъ, книгамъ сдѣлокъ и договоровъ и проч.). Недостаетъ у насъ цѣльной исторіи южно-русскаго народа, хотя отдѣльныхъ работъ уже сдѣлано не мало. Нѣтъ у насъ книги для изученія народа, которая бы служила руководствомъ по части познанія его въ этнографическомъ отношеніи, въ отношеніи экономическаго быта, народнаго здравія, правовыхъ воззрѣній, нравственно-религіознаго быта и т. д., заключала бы въ себѣ историческій очеркъ нашего самоизученія, программы для изученія народа и практическія указанія для лицъ, приступающихъ къ собиранію фактовъ, и наконецъ библіографію предмета. Нѣтъ у насъ талантливо написанной исторіи южно-русской литературы. Гдѣ у насъ сборники, или хрестоматіи лучшихъ произведеній южно-русскихъ писателей? Гдѣ словарь и грамматика малороссійскаго языка, надъ которыми многіе трудились многіе годы? И многаго, многаго у насъ нѣтъ по части изученія юга.

Въ такихъ, сознаемся, слишкомъ общихъ и грубыхъ чертахъ представляется намъ идеальная программа того, чего долженъ былъ

бы желать и ждать отъ научной дѣятельности нашъ югъ. Если принять эту программу за критерій для оцѣнки того, что уже сдѣлано или дѣлается въ этомъ направленіи, то ясно будетъ, какъ оно миніатюрно, отрывочно, какъ мало удовлетворяетъ своему назначенію.

Но за то тѣмъ большей признательностью мы обязаны по отношенію къ слишкомъ малочисленнымъ отдѣльнымъ единицамъ, которыя рѣшаются посвятить свою дѣятельность родному краю, и тѣмъ сильнѣе должны чувствовать потребность въ ознакомленіи съ ихъ жизнью.

П. Е.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ О МАЛОРУССКИХЪ ОДАХЪ ИЗЪ ВРЕМЕНИ НАПОЛЕОНОВСКИХЪ ВОЙНЪ.

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» текущаго года напечатаны двѣ малорусскія оды 1807—1812 гг. и предложенъ вопросъ: нельзя-ли признать авторомъ ихъ, или по крайней мѣрѣ *второй* изъ нихъ, И. П. Котляревскаго?

Положительно—нельзя. Именно *вторая*-то ода и была въ свое время напечатана, съ полною подписью автора ея, и о ней упоминаютъ крупные библіографическіе источники: извѣстная «Роспись» Смирдина (1828 г., № 7909) и «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ», Геннади (1876 г., ч. I, стр. 279). Въ «Росписи» Смирдина читаемъ: «Ода малороссійскаго простолюдина на случай военныхъ дѣйствій при нашествіи французовъ въ предѣлы Россійской Имперіи въ 1812 году; соч. *Петра Данилевскаго.* Спб. въ типографіи Ив. Глазунова, 1813 года (8), 1 р. 50 коп.»

Экземпляръ этой оды есть и въ нашей библіотекѣ: онъ дозволенъ къ печати цензоромъ Иваномъ Тимковскимъ 12 февраля 1813 года; въ экземплярѣ 22 страницы, изъ коихъ 12 занимаетъ собственно ода, а остальныя 13—22 представляютъ «словарь» къ ней, расположенный не по алфавиту, а по строфамъ, по порядку стиховъ. Нашъ экземпляръ представляетъ немалыя отличія отъ текста, напечатаннаго въ «Кіевской Старинѣ». Такъ напр. первые четыре

стиха въ «Кіевской Старинѣ» всѣ имѣютъ *женскія* риѳмы, чего не должно быть и что не встрѣчается ни въ одномъ изъ всѣхъ послѣдующихъ куплетовъ. Въ нашемъ экземплярѣ читается такъ:

«Слава Богу, стало гарно,
Мовъ видлигло въ животи;
Було дуже гирко, хмарно,
Якъ видъ дыму на печи.
Ніякійсь було поганець... и т. д.»

Отличій вообще много, но не всѣ онѣ важны. И если въ «Кіевской Старинѣ», вслѣдствіе описокъ, появились кое-гдѣ ямбы среди хореевъ, то и въ печатномъ экземплярѣ питерскіе наборщики соорудили немало опечатокъ. Не находя большого поэтическаго достоинства въ этой одѣ, мы укажемъ еще лишь одно—другое отличіе, да приведемъ пропущенные стихи.

Въ третьемъ куплетѣ пропускъ читается:

«Скильки війська зопсувавъ».

Конецъ пятаго куплета совсѣмъ иной:

«Мы божилися для ёго,
Кровь до капельки пролити,
Коли треба боронити
Руського Царя свого».

Стихъ: «И не Видень тоби брати»: читается:

«И не въ Вини даню брати».

Конецъ 16-го куплета опять иной:

«Зробимъ мы Москву Москвою,
А Парижъ тутъ головою
Все подправить до кола;
Мы й Москву не будемъ сами,
А пранцюзькими жъ плечами
Зробимъ кращу, нижъ була».

Слѣдующій пропускъ (на стр. 194) читается:

«Бачицця-бъ, зъ ёго й доволи
Въ свити симъ такои доли».

Наконецъ послѣдній куплетъ начинается такъ:

«Якъ хто-бъ зъ Музами ни знався,
Славу описати сю... и т. д.»

и этимъ покрывается пропускъ.

Любопытны объясненія въ *Словарь*, изъ которыхъ видны филологическія познанія нашихъ отцовъ въ 1812 году; приведемъ нѣкоторыя: *выструганець*—вырвавшаяся фурія изъ ада; *бусурманъ*—беззаконный; *а зась*—прочь, не дождешь; *мурый*—чернорожій; *не здурить*—не обакулишь (sic!); *пудло*—звѣрообразная нечесаная голова; *випиканець*—выскочившій какъ изъ кремня искра; *личина зла*—ядовитое твореніе; *тутъ имъ жаба цицьки дасть*—тутъ имъ гробъ будетъ; *мыронъ* (въ «Кіевской Старинѣ»: Иродъ) усталая лошадь; *атаману*—начальнику разбойниковъ; *Гге*—а что?; *Бигъ-ма*—Богу не угодно, этого не водится; *самъ якъ пыжъ*—одинехонекъ; *десь*—вѣрно; *якъ галушки*—какъ пироги; *коляду*—хвалу.

Съ этою одою имѣетъ очевидное *внутреннее* сходство и первая, напечатанная въ «Кіевской Старинѣ»; кромѣ того, въ обѣихъ встрѣчаемъ ту же самую форму стиха, тотъ-же порядокъ риѳмъ, тоже число стиховъ въ строфѣ, а иногда и совершенно одинакія выраженія; все это даетъ намъ основаніе заключить, что и первая ода несомнѣнно принадлежитъ тому-же Петру Данилевскому; а была ли она напечатана, не знаемъ.

Оды эти напоминаютъ намъ иную, *бытовую* пьесу 1812 года, сохранившуюся у насъ въ спискѣ и, какъ намъ кажется, весьма замѣчательную по легкости и картинности стиха. Читаешь ее—и просто не хочется вѣрить, что она написта *74 года назадъ*. Намъ списали ее давнымъ-давно, лѣтъ 50, если не больше, и помнится—*изъ книги съ синими страницами;* но откуда именно, и кто авторъ ея, и когда она напечатана—ничего этого нѣтъ въ нашемъ спискѣ; не библіографія тогда была и у насъ на умѣ. Судя по подписи подъ нею, думается, что она должна быть напечатана въ одномъ изъ *харьковскихъ* журналовъ, и мы усердно просимъ харьковскихъ книгочіевъ навести при случаѣ справки о ней. Можетъ быть, кто нибудь изъ богодуховцевъ вспомнитъ автора ея. А пока вотъ самая пьеса.

БЫВАЛО И ТЕПЕРЬ.

(Въ походѣ въ 1812 году).

Бывало, въ домѣ преобширномъ,
Въ кругу друзей, среди родныхъ,
Проводишь дни въ весельи мирномъ
И спишь въ постеляхъ пуховыхъ.

* * *

Теперь-же, въ обгорѣлой хатѣ,
Среди крестьянъ всегда живешь;
Взберешься скорчась на полати,
И на соломкѣ тамъ уснешь.

* * *

Бывало предъ меня поставятъ
Уху стерляжью, соусъ, кремъ,
Лимономъ бланманже приправятъ,—
Сижу—и ничего не ѣмъ.

* * *

Теперь—похлебкою худою
Съ мякиной хлѣбомъ очень сытъ;
Дадутъ капустицы съ водою,
Ѣмъ—за ушами лишь пищитъ.

* * *

Бывало, блюдечко варенья
Или конфектовъ съѣмъ одинъ,
Пью кофе для обыкновенья,
Какъ будто знатный господинъ.

* * *

Теперь—и подлпиво дурное
Мнѣ нектарь, съ трубкой табаку;
Червонцы богачу пустое,
А нищій радъ и пятаку!

* * *

Бывало, знатныхъ по примѣру,
Безъ лучшей водки ѣсть нельзя,
И пьешь шампанское, мадеру,
И чаши пунша вкругъ тебя!

Теперь, забывъ сіи бездѣлки,
Бѣжишь къ жиду скорѣй въ корчму,
На гривну тяпнешь тамъ горѣлки,—
И радъ блаженству своему.

* * *

Бывало, въ шубы двѣ одѣвшись,
Летишь на четырехъ коняхъ
Въ коляскѣ франкфуртской розлегшись,
Иль парой въ городскихъ саняхъ.

* * *

Теперь всѣ кони—кляча рыжа,
А шубы—тепленькій колетъ;
Готовъ въ немъ ѣхать до Парижа,
И горя никакого нѣтъ!

* * *

Бывало, съ милою дѣвицей
Сидишь и ловишь нѣжный взглядъ,
Мѣшаешь были съ небылицей,
Не видишь, какъ часы летятъ...

* * *

Теперь, отъ милой въ отдаленьи,
Воспоминаньемъ лишь живешь;
Вздохнешь, и сердцу въ облегченье
Слезу горячую прольешь...

* * *

Бывало, мнѣ лишь царедворцамъ
Стихи хотѣлось посвящать,
Я думалъ, славу стихотворцамъ
И дюжиннымъ доставитъ знать;

* * *

Теперь—я славы сей не знаю,
Вельможамъ лести не пишу;
Отраду въ дружбѣ обрѣтаю
И дружбѣ трудъ сей приношу.

Уланъ изъ Богодухова.

Какъ хотите—судите строго, но подобная піэса отъ *1812 года* показываетъ опытнаго въ стихотворствѣ человѣка, и веселый харак-

теръ его, и полноту молодости, которая легко переноситъ все, и именно по этому піэса чрезвычайно нравилась въ свое время и возбуждала сочувствіе молодыхъ дѣвицъ. Кто-же авторъ ея? И что еще есть въ печати изъ его произведеній?

С. П.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

4.

Въ пирятинскомъ уѣздѣ полтавской губерніи находится м. Тепловка. Много интересныхъ преданій соединено съ этимъ именемъ. Запишу нѣкоторыя изъ нихъ.

Свое названіе Тепловка получила отъ имени своего основателя и перваго владѣтеля Григорія Теплова, извѣстнаго любимца послѣдняго гетмана, своего рода временщика. Памятна его записка «О непорядкахъ въ Малороссіи»; но самъ онъ, пользуясь своимъ значеніемъ у гетмана, производилъ большіе непорядки. Самое основаніе Тепловки и разширеніе ея земельныхъ владѣній запечатлѣно именно непорядками. По р. Оржицѣ, на которой расположена Тепловка, въ половинѣ XVIII в. много земель принадлежало роду Свѣчекъ. Часть ихъ отнята была у Свѣчекъ Тепловымъ и тутъ оселена была большая слобода съ его именемъ, нынѣшнее мѣстечко Тепловка [1]). На противуположной сторонѣ Оржицы въ дачахъ Тепловки и теперь есть такъ называемая *Усова могила*. Тутъ жилъ уже послѣ основанія Тепловки козакъ Усъ, имѣвшій здѣсь поля на 500 дней (около 375 десятинъ). Теплову понравились эти поля и онъ захватилъ ихъ, какъ и земли Свѣчекъ. Въ живущей и доселѣ роднѣ козака Уса (родня по женской линіи: прадѣдъ нынѣшняго священника Залѣсскаго по матери, священникъ Суходольскій былъ женатъ на дочери Уса) сохранилось преданіе о самомъ способѣ захвата. Во время какой-то прогулки, или поѣздки въ гости Тепловъ подкатилъ къ хатѣ Уса на шестеркѣ бѣлыхъ лошадей и, приказавъ позвать его къ себѣ, самъ предложилъ ему уступить свои поля. Усъ молча стоялъ передъ знатнымъ паномъ, снявши шапку.

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1882 г., т. III, стр. 258.

Тепловъ бросилъ ему въ шапку кошелекъ съ деньгами. Усъ угрюмо отвѣтилъ: «на що мени гроши? Земля батькивьска; не хочу», и бросивъ кошелекъ въ экипажъ, ушелъ въ хату. Тепловъ уѣхалъ, а на другой день, когда Усъ вышелъ съ работниками на поле сѣять, явились козаки отъ Теплова и разогнали ихъ, заявивъ, что это поля Теплова. Усъ долго усомъ крутилъ, да ничего уже сдѣлать не могъ, ибо и сынъ его, служившій въ Лубнахъ въ полковой канцеляріи, заявилъ, что отъ Теплова нельзя ждать добра. Такъ и пропала «батькивщина». Въ Тепловкѣ васъ поразитъ обширность пруда, поверхность котораго и въ настоящее время, спустя сто лѣтъ послѣ рытья, равняется 150 десятинамъ, а жители вамъ разскажутъ, что надъ логовищемъ для этого пруда работали 1,000 козаковъ по наряду отъ Теплова. Извѣстенъ знаменитый его дворецъ, на постройку котораго, по записанному у Максимовича преданію, козаки-же возили кирпичъ изъ Кіева. По смерти Теплова и дворецъ и Тепловка находились во владѣніи гр. Завадовскихъ, а отъ нихъ пріобрѣтены князьями Долгорукими, теперь-же они принадлежатъ Штиглицу. Во время владѣнія Тепловкою Долгорукими, ее посѣтилъ покойный императоръ Александръ II.

Это было въ 1858 г. или 1859 г., во время или по случаю происходившихъ здѣсь лѣтнихъ маневровъ. Резиденція Теплова сохраняла еще тогда слѣды прежняго своего великолѣпія, увеличеннаго послѣ Теплова заботами Завадовскихъ и Долгорукихъ. Посреди громаднаго парка, расположеннаго на берегу многоводнаго озера, только теперь начавшаго нѣсколько заростать камышомъ, высился грандіозный трехэтажный дворецъ; къ нему вела длинная аллея, у начала которой стояли каменные ворота, съ урнами на столбахъ; всѣ усадебныя постройки были въ высшей степени художественныя въ архитектурномъ отношеніи. Когда было рѣшено, что государь пріѣдетъ въ Тепловку на смотръ, то изъ казны была отпущена значительная сумма на отдѣлку тепловскаго дворца. У Долгорукихъ дѣла были нѣсколько запутаны, къ тому-же хозяйка, княгиня Вѣра Гавриловна Долгорукая (урожд. Вишневская, сестра знаменитой кіевской красавицы Софіи Гавриловны Писаревой), постоянно проживала въ Парижѣ и протрачивала тамъ всѣ доходы, поэтому усадьба, требовавшая большихъ затратъ на ремонтъ, была запущена. Услыхавши о намѣреніи государя, князь Михаилъ Михайловичъ и кня-

гиня Вѣра Гавриловна пріѣхали въ Тепловку, гдѣ постоянно жили только ихъ дѣти: двѣ дочери и три сына. Въ концѣ лѣта государь дѣйствительно прибылъ въ Тепловку и прожилъ здѣсь нѣсколько дней, производя смотры войскамъ. Онъ милостиво обходился съ собравшимся дворянствомъ и хозяевами и обѣщалъ послѣднимъ позаботиться о судьбѣ ихъ дѣтей. Дѣвочки поступили потомъ въ смольный монастырь и одна изъ нихъ нынѣ свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская.

Во все время пребыванія государя въ Тепловкѣ въ княжескихъ хоромахъ жизнь била ключемъ и еще по отъѣздѣ августѣйшаго гостя одно увеселеніе смѣнялось другимъ. Дней черезъ десять гости стали разъѣзжаться, чтобы никогда уже болѣе не съѣзжаться въ этотъ волшебный замокъ. Отплясавши въ послѣдній разъ, и остальные приглашенные выбрались изъ-подъ гостепріимнаго крова. Всѣ были заняты проводами отъѣзжавшихъ и никто не замѣтилъ, какъ упала свѣчка изъ канделябра, загорѣлась гардина и вскорѣ огонь охватилъ все зданіе. Такъ какъ въ усадьбѣ не было никакихъ приспособленій на случай пожара, то въ самое короткое время отъ Тепловскаго дворца осталась лишь фасадная стѣна съ тремя рядами зіяющихъ оконъ, которая и понынѣ угрюмо высится въ глубинѣ полузаросшей аллеи. Усадьба запустѣла и время привело въ разрушеніе оставшіяся постройки. И теперь стоятъ эти развалины и напоминаютъ о быломъ величіи!

Самъ владѣлецъ сталъ потомъ сильно пить и умеръ въ Тепловкѣ въ хатѣ у бывшаго своего дворовaго.

5.

Рѣшетиловское кое-что, но не смушки...

Рѣшетиловка, мѣстечко полтавскаго уѣзда, въ свою очередь напоминаетъ о быломъ величіи,—не происходившими впрочемъ въ ней многолюдными ярмонками, не продававшимися на ней смушками, т. е. кожами сивыхъ барашковъ и шапками изъ нихъ, но остатками богатствъ извѣстнаго Потемкинскаго секретаря Попова. Въ домѣ его наслѣдниковъ до послѣдняго времени сохранялась современная событію картина, изображавшая трагическую смерть «великолѣпнаго князя Таврида» посреди новороссійскихъ степей. Устное преданіе

минута застигла его на пути. И вотъ на картинѣ изображена безпредѣльная степь, остановившаяся колымага и другіе экипажи; на разостланномъ по землѣ коврѣ лежитъ Потемкинъ, около него свита, племянница его графиня А. В. Браницкая, передъ нимъ на колѣняхъ съ иконой въ рукахъ стоитъ его докторъ Андрей Санковскій. По преданію, на картинѣ схваченъ слѣдующій моментъ: Потемкинъ, почувствовавъ себя дурно, говоритъ, обращаясь къ доктору: «спаси, Санковскій!» Послѣдній, указывая на икону, отвѣчалъ: «молитесь, только Богъ васъ спасетъ!» У потомковъ Санковскаго сохраняются, кажется, копіи съ этой картины. Снимокъ съ нея я встрѣчалъ въ видѣ приложенія къ чьему-то труду. Санковскій родомъ изъ г. Нѣжина, гдѣ имѣлъ собственный домъ, одинъ изъ лучшихъ въ то время въ городѣ домовъ. Потемкинъ, проѣзжая на югъ черезъ Нѣжинъ, всегда останавливался у него и полюбилъ гостепріимнаго хозяина. Узнавши, что Санковскій искусный врачъ, онъ предложилъ ему мѣсто своего домашняго доктора, на что тотъ, конечно, согласился. Послѣ смерти Потемкина, Санковскій купилъ себѣ хуторъ Скочакъ въ пирятинскомъ уѣздѣ, гдѣ и проживалъ послѣдніе годы своей жизни.

Весьма было-бы желательно, чтобы потомки этого близкаго къ Потемкину человѣка подѣлились съ публикою какими-либо документальными данными для его біографіи и фамильными преданіями о немъ.

6.

Еще память объ исчезнувшихъ богатствахъ, но вмѣстѣ съ памятникомъ искупительной жертвы за грѣхи.

По большой дорогѣ изъ г. Прилукъ въ г. Нѣжинъ, верстахъ въ восьми отъ Прилукъ, расположено большое село Товкачевка; у самой дороги стоитъ грандіозная церковь, которая, какъ по внѣшнему своему виду, такъ и по внутренней отдѣлкѣ, могла-бы составить украшеніе любого губернскаго города. Храмъ—каменный и обведенъ каменной-же оградой. Исторія его сооруженія слѣдующая.

Въ с. Товкачевкѣ въ первой половинѣ XIX ст. жила богатая помѣщица Сильвановичъ, жестоко обходившаяся со своими крѣпостными. Самымъ обычнымъ у нея наказаніемъ для провинившихся

часовъ на пробритое темя несчастной жертвы панскаго произвола. Когда подъ старость лѣтъ Сильвановичъ стала болѣть, то совѣсть заговорила въ ней и она, боясь загробныхъ мукъ, обратилась къ извѣстному полтавскому архіепископу Гедеону (Вишневскому) съ просьбой исповѣдать ее въ ея ужасныхъ грѣхахъ и дать наставленіе, какъ ей смягчить грозящую ей въ загробной жизни кару. Гедеонъ отвѣчалъ, что ея грѣхи столь велики, что только самоотверженнѣйшіе христіанскіе подвиги могутъ облегчить ихъ тягость и что первое доброе дѣло, какое ей слѣдовало-бы сдѣлать, это—сооруженіе храма Божія въ с. Товкачевкѣ. Тотчасъ-же было приступлено къ постройкѣ и въ результатѣ явился нынѣшній товкачевскій соборъ, на ремонтировку котораго Сильвановичъ оставила капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ.

В. Н.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

Въ кременецкомъ уѣздѣ, между глубокими стариками, которыхъ у насъ не мало, въ числѣ различныхъ преданій о дѣлахъ давно минувшихъ дней, сохранилось кое-что и о пребываніи на Волыни части громадной арміи Наполеона при нашествіи его на Россію. Боковыя части Наполеоновскихъ полчищъ захватили на своемъ пути владимірскій уѣздъ и части уѣздовъ луцкаго, дубенскаго и кременецкаго. Между стариками изъ крестьянъ такихъ преданій не сохранилось. Крестьянинъ нашъ помнитъ только то, что вынесла его спина подъ властью пановъ, но ничего почти не знаетъ о томъ, что выходило за предѣлы обыкновенной его обстановки или за черту деревни, въ которой онъ жилъ.

Хранителями преданій о нашествіи Наполеона является обыкновенно старый, подъ часъ крѣпкій, коренастый чиншевой шляхтичъ или шляхтянка. Лица этой категоріи, не смотря на свою приниженность, не чужды были въ свое время политики и сознательно относились къ явленіямъ жизни, имѣющимъ общественный интересъ. Что я слышалъ отъ одного изъ такихъ шляхтичей, то и передаю здѣсь возможно точно.

«Какъ шелъ Наполеонъ на Россію, то войско его двигалось нѣсколько мѣсяцевъ такими большими массами, что «ажъ земля гуда».

Для народа это было очень трудно; постои и подводы замучили. Хотя начальники и велѣли своимъ войскамъ платить за все, что берутъ у обывателей, но не обходилось и безъ шкоды: куры, гуси, овцы, а часомъ волы и коровы забирались безъ спросу. Но особенно сильно злодѣйствовали саксонцы. Они отнимали у людей скотъ и рѣзали его; если чего нельзя было брать съ собой, то портили; заколетъ на дорогѣ или въ дворѣ свинью и бросить ее; развѣвали по вѣтру муку; разрѣзывали и выпускали на вѣтеръ пуховики; людей били и дѣлали всѣмъ всякую пакость. Русское начальство хотѣло тогда, чтобы изъ чиншевой шляхты, а также изъ панскихъ полѣсовщиковъ, надворныхъ козаковъ и проч. составить конные полки для войны противъ Наполеона. Чиншевая шляхта охотно соглашалась, но просила, чтобы ей предоставили въ вѣчное владѣніе ту землю, которую она держала у помѣщиковъ на чиншѣ, чтобы освободили шляхтичей и ихъ семьи отъ всякихъ отработковъ въ пользу помѣщика и чтобы во все время нахожденія шляхтича въ войскѣ семью его кормилъ помѣщикъ; если-же шляхтича убьютъ на войнѣ или онъ тамъ умретъ, то чтобы помѣщикъ навсегда обезпечилъ содержаніемъ сиротъ. Но затѣмъ дѣло это затихло и вскорѣ было совсѣмъ забыто.

Когда вошелъ въ Россію Наполеонъ, то объявилъ нашимъ большимъ панамъ: кто наберетъ и приведетъ съ собою въ его войско полкъ, тотъ будетъ полковникомъ, а кто два полка—генераломъ. Изъ такихъ великихъ пановъ набрали по полку и пошли за Наполеономъ графъ Ржищевскій и графъ Тарновскій. Полки эти графы набрали изъ своихъ крестьянъ; не обходилось тамъ и безъ нашей братіи шляхты. Ой, тай бѣды-жъ тамъ набрались наши жолнеры! Много было такихъ, что и не вернулись назадъ. Говорятъ, что много съ голоду пропало. Какъ гнали ихъ козаки отъ Москвы, то не дали нигдѣ даже и поѣсть. Отбили обозъ и графскую кухню; забрали въ плѣнъ панскихъ кухарей и всю прислугу. Одно время козаки какъ-то отстали; наши жолнеры сварили крупнику, заправили его саломъ и дали покушать своему полковнику графу. «Нигде, каже графъ, такои смачнои стравы не ядлъ». Я зналъ обоихъ полковниковъ Ржищевскаго и Тарновскаго; такъ и до самой ихъ смерти всѣ называли ихъ полковниками. Тарновскій умеръ недавно; будетъ съ небольшимъ десять лѣтъ. Онъ очень любилъ полюванье, и

справу до этого дѣла имѣлъ хорошую: егерей, псарей, собакъ столько, что и не сочтешь; а сѣти веревочныя такія имѣлъ, что ими можно обложить на нѣсколько верстъ лѣсъ. Какъ обложатъ этими сѣтями лѣсъ, то и гонятъ туда звѣрей, какъ въ «ятири» рыбу. А въ концѣ этой сѣти стоятъ стрѣлки, гости графа и самъ графъ; старый уже былъ крѣпко; не могъ стоять, такъ сидѣлъ. И какъ сбѣжится въ конецъ сѣти туча всякаго звѣря: дикія козы, волки, лисицы—хоть руками бери, то графъ стрѣляетъ самаго крупнаго звѣря. О, дуже старый уже былъ графъ! Былъ кавалеръ (не женатъ) до самой смерти».

Какъ иллюстрацію къ этому разсказу стараго шляхтича, прилагаю случайно попавшую ко мнѣ прокламацію того-же полковника Наполеоновской арміи, выданную за его подписью къ волынскимъ дворянамъ. Конечно, оригиналъ ея былъ на польскомъ языкѣ, мнѣ-же досталась она въ плохомъ русскомъ переводѣ, въ спискѣ затасканномъ и малограмотномъ, требовавшемъ нѣкоторой почистки.

О б ы в а т е л и!

Не могу равнодушно слышать, какъ холодность волынянъ бросается въ глаза правительства нашего. Мимо желанія защищать васъ, признаться долженъ, что слишкомъ мало имѣю къ тому основаній. Когда отовсюду стараются доносить о движеніи и силѣ россіяновъ, волыняне одни молчатъ. Развѣ вы не имѣете одного съ нами желанія? Какая-же отговорка можетъ оправдать васъ въ глазахъ вашихъ братій, которые съ опасностію жизни придутъ сбрасывать съ васъ оковы? Волынь всегда имѣла признакъ обоюдности; было нѣсколько несогласныхъ, и они, гнѣздясь между многими, принесли общую отечеству гибель, а исторія наполнена описаніемъ событій, которыя съ содроганіемъ читать доводится. Вырокъ (воля) неба избавилъ васъ отъ нихъ, но вы-же должны искупить ихъ вины. Или не имѣете уже больше побужденій помогать возврату отчизны? Среди васъ я воспитался, съ вами живши, цѣнилъ вашъ образъ мыслей: гдѣ-же тотъ запалъ, который какъ меня, такъ и многихъ молодыхъ людей побудилъ броситься вдругъ, схватить оружіе и достигнуть побѣдъ съ горстью тѣхъ, которымъ географическое положеніе и политическія обстоятельства дозволили прежде назвать имя поляка! Увѣряю васъ, что приближается минута счастія: помогайте пораженію непріятеля сообщеніемъ намъ вѣрныхъ свѣдѣній о его движеніи и силѣ, да каждый шагъ его удостовѣритъ, что, ходя на чужой землѣ, гробъ себѣ уготовляетъ. Будучи репрезентантомъ вашимъ, предназначеннымъ съ полками первый поворот[illegible]

отдѣляющую васъ, имѣю право желать съ вашей стороны вниманія ко мнѣ и доставленія мнѣ самыхъ частыхъ извѣстій. Расположеніе полковъ по границѣ даетъ вамъ удобные къ тому способы. Пусть-же никакія крайности не уменьшаютъ вашего рвенія къ общему благу въ такое время, когда благодареніе Богу и Великому Наполеону за возвращеніе отчизны должно наполнять сердца наши!

Графъ Тарновскій, полковникъ 16 полка польской кавалеріи.

На спискѣ перевода ни мѣста, ни времени выдачи прокламаціи нѣтъ, но подлинность ея видна по духу, складу и обстоятельствамъ дѣла, котораго она касается.

И. О—въ.

«НѢЧТО О ДИКОМЪ ПОПѢ».

Подъ такимъ заглавіемъ года два назадъ передана намъ членомъ кишиневскаго окружнаго суда В. Ѳ. Соловьевымъ рукопись, въ верху коей было написано: «Протоіерея Оранскаго». Изъ наведенныхъ нами у священника ново-московскаго собора о. Іоанникія Вахнина, по поводу сей рукописи, справокъ, мы узнали, что о. Кириллъ Оранскій былъ протоіереемъ новомосковскаго собора, состоялъ законоучителемъ въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ и тамъ же умеръ въ 1855 г., записку же свою о Дикомъ попѣ писалъ въ концѣ 40-хъ или началѣ 50-хъ годовъ по предложенію тогдашняго директора екатеринославской гимназіи Грахова. Для чего заказывалась записка и была ли она напечатана, о. Іоанникій отозвался невѣдѣніемъ, но при этомъ указалъ намъ на два источника объ интересовавшемъ насъ предметѣ: брошюру «Самарскій екатеринославской епархіи пустынно-николаевскій монастырь», изданную въ 1873 г. умершимъ недавно преосв. Ѳеодосіемъ (Макаревскимъ), епископомъ екатеринославскимъ, да въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 50-хъ годовъ неболъшую статейку, написанную или извѣстнымъ Н. Мизко, или директоромъ Граховымъ. Но статейки Губернскихъ Вѣдомостей мы вовсе не могли добыть, а въ запискѣ протоіерея Оранскаго свѣдѣнія о Дикомъ попѣ болѣе полныя, чѣмъ въ брошюрѣ преосв. Ѳеодосія. Къ сожалѣнію записка страдаетъ полнымъ почти отсутствіемъ хронологіи, отъ чего ея свѣдѣнія теряютъ свою опредѣленность и достовѣрность.

Авторъ смѣшиваетъ притомъ послѣдніе годы существованія Запорожья съ наступившею за ними колонизаціею и имѣетъ смутное понятіе о ней и запорожцахъ а это еще болѣе усиливаетъ неясность изложенія. Краткое, но точное опредѣленіе Дикаго попа далъ въ своемъ рефератѣ на VI археологическомъ съѣздѣ спеціальный изслѣдователь запорожской старины г. Эварницкій, говоря, что это былъ сначала запорожскій священникъ, затѣмъ колонизаторъ Новороссіи и наконецъ строитель каменной церкви ново-московскаго, бывшаго запорожскаго, монастыря на р. Самарѣ. Въ виду такого значенія Дикаго попа всякое свѣдѣніе о немъ будетъ не лишне, и именно поэтому мы предлагаемъ здѣсь подлинный текстъ записки о немъ протоіерея Оранскаго, не смотря на неточность многихъ ея данныхъ.

Екатеринославской губерніи, ново-московскаго уѣзда въ народномъ преданіи отъ временъ Екатерины II донынѣ повторяется неполная біографія «*Дикаго попа*», названнаго такъ по неосѣдлости его въ продолженіе 75 лѣтней жизни. «Дикій попъ», сколько узналъ я изъ народнаго преданія и незначительныхъ письменныхъ документовъ, былъ отецъ *Кириллъ Тарловскій*, дворянинъ черниговской губерніи. Подъ кровомъ родителей достигнувъ полнаго возраста, о. Кириллъ на правахъ дворянина вступилъ въ гвардію временъ Екатерины II. Военная служба по началу ему далась, въ короткое время онъ пожалованъ офицеромъ; но послѣ неосторожность или шалость, свойственныя молодому офицеру гвардіи, уравнили его съ рядовыми, о. Кириллъ былъ разжалованъ. Жалкій конецъ военнаго поприща послужилъ урокомъ въ послѣдующей жизни Тарловскаго и потерянное время жизни въ военномъ званіи онъ вполнѣ вознаградилъ въ санѣ священника. По истеченіи срока службы рядоваго, Тарловскій получилъ отставку простаго солдата, и водимый упрекомъ совѣсти, захотѣлъ провести остатокъ жизни въ дали и неизвѣстности отъ родныхъ и знакомыхъ. Скитаясь по разнымъ мѣстамъ, Тарловскій успѣлъ пріучиться къ нѣкоторымъ механическимъ работамъ и, съ достоинствомъ самороднаго механика, въ Кіевѣ занялъ должность смотрителя (*мирошника*) мельницъ, принадлежащихъ владѣнію кіево-печерской лавры. Однообразная жизнь мельника скоро надоѣла Тарловскому. Проживши на мельницѣ среди днѣпровскихъ волнъ три года, онъ успѣлъ втереться въ послушники кіево-печерской лавры. Вотъ здѣсь-то, въ святой лаврѣ, гдѣ каждый шагъ напоминаетъ о небесной жизни, Тарловскій измѣняетъ родъ занятій, совершенно предается изученію духовныхъ божественныхъ истинъ. За неослабный трудъ въ исполненіи путей спасенія Провидѣніе увѣнчало его неимовѣрнымъ успѣхомъ: въ три года проживанія своего въ св. лаврѣ,

Тарловскій, въ качествѣ послушника, обратилъ особое вниманіе лаврскаго начальства доброю жизнію и знаніемъ истинъ православной вѣры, такъ что успѣлъ испросить дозволеніе итти лѣвой стороной внизъ по Днѣпру, какъ для собственнаго усовершенствованія въ духовной жизни, такъ и для просвѣщенія нѣкоторыхъ мѣстъ тогдашняго Запорожья. Совершая путь внизъ по Днѣпру—до устья рѣки Самары, Тарловскій ничѣмъ не обратилъ на себя вниманія запорожцевъ. По крайней мѣрѣ народное преданіе ничего о томъ не говоритъ. Отъ устья Самары направилъ онъ путь свой по лѣвой сторонѣ означенной рѣки къ Новосельцамъ—Самарѣ (нынѣшнему Новомосковску). Обозрѣвши здѣшнія окрестности, перешелъ на правый берегъ рѣки Самары, поворотилъ на городъ Павлоградъ. Путь въ Павлоградъ не далекъ. Но какъ любопытство Тарловскаго останавливало его походъ на каждомъ почти шагу, то прекрасные виды полей, окружающихъ село Кочережки, на пути въ Павлоградъ, остановили нашего путешественника на ночлегъ. Удовлетворивши жадное любопытство обзоромъ очаровательныхъ окрестностей, Тарловскій принялся для подкрѣпленія силъ готовить скромный дорожній ужинъ. Едва успѣлъ развести огонь и приготовить простой бурлацкій кулишъ—кашу, какъ два всадника предъ одинокимъ путешественникомъ остановили своихъ борзыхъ коней... Судя по наряду и наружности всадниковъ, Тарловскому не трудно было признать ихъ за запорожцевъ, съ которыми желая покороче познакомиться, дружески пригласилъ раздѣлить съ нимъ скромный, но пріятный полевой ужинъ. Незванные гости изъ незнакомцевъ въ нѣсколько минутъ пріятной бесѣды сдѣлались друзьями Тарловскаго. Прекрасный вечеръ, благоуханіе полей, пѣніе полевыхъ птицъ, жужжаніе травяныхъ насѣкомыхъ, голубое звѣздное небо—всѣ эти близкіе сердцу предметы навели разговоръ новыхъ друзей на предметы божественные, святые, и какъ гости Тарловскаго изъ разговора о предметахъ святыхъ, религіозныхъ замѣтили въ немъ знатока православной вѣры, то предложили ему мѣсто священника въ Запорожскомъ Кошѣ. Тарловскій не долго противился сердечной просьбѣ вечернихъ друзей, сказалъ впрочемъ, что «утро мудренѣе вечера, а потому вечеромъ я согласенъ, а утро не знаю что скажетъ». Друзья обрадовались такой интересной нечаянной находкѣ, расположились ночевать съ новымъ пріятелемъ. На утро вставши Тарловскій помолился Богу, тревожно сказалъ запорожцамъ: «быть по Божьему—согласенъ предъ Богомъ молиться о благополучіи вашего Коша». Съ восходомъ солнца друзья поцѣловались, перекрестились и—съ Богомъ въ Запорожскій Кошъ пустились. Въ полдень показался Запорожскій Кошъ. Путники спѣшились и не торопясь подходили къ жилью, внимательно наблюдая за Тарловскимъ, котораго взоры быстро перебѣгали съ одного «куриня» (шалаша) на другой. Быстро пробѣжала

вѣсть въ запорожскихъ шалашахъ о прибытіи незнакомца въ Кошъ. Старшины запорожцевъ приняли съ радушіемъ Тарловскаго, не долго испытывали новаго знакомца, въ двѣ недѣли рѣшили общимъ совѣтомъ просить чрезъ своихъ пословъ кіевскаго митрополита рукоположить Тарловскаго во священника въ Запорожскій Кошъ. Послы назначены и Тарловскій отправился съ ними въ Кіевъ. Судя по вниманію лаврскаго начальства и по невѣжеству Запорожья въ религіозномъ отношеніи, онъ не сомнѣвался получить санъ священника—и дѣйствительно не обманулся въ надеждѣ. Кіевскій митрополитъ, споспѣшествуя просвѣщенію Евангеліемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Запорожья, по испытаніи въ догматахъ вѣры рукоположилъ Тарловскаго. Такимъ образомъ о. Кириллъ, удостоившись священнаго сана, возвратился въ Запорожскій Кошъ, гдѣ и началъ блистательное поприще своей жизни въ высокомъ званіи священника. Прежде всего обратилъ вниманіе на нравственность и религіозность запорожцевъ—и долго боролся отецъ Кириллъ съ новой паствой, закоренѣлой въ предразсудкахъ, глупыхъ повѣрьяхъ; однако-же трудъ, свойственный истинному пастырю духовнаго стада, увѣнчался желаннымъ успѣхомъ. О. Кириллъ исторгъ самые корни суевѣрія въ пасомыхъ, и сдѣлался извѣстнымъ во всей почти екатеринославской губерніи. Запорожцы на опытѣ увѣрившись, что совѣты отца Кирилла доставляютъ благополучіе въ простомъ ихъ быту, мало по мало начали забывать невыгодные курини и знакомиться съ осѣдлою жизнію. Внимательность начальства не упустила изъ виду заботливости отца Кирилла. Бывшій въ то время въ Екатеринославѣ губернаторъ генералъ Чертковъ, видя въ немъ человѣка нужнаго въ успѣхѣ заселенія новороссійскаго края, о трудахъ отца Кирилла и участіи его въ желанномъ исполненіи распоряженій правительства, довелъ до свѣдѣнія свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Съ этого времени кругъ дѣятельности о. Кирилла разширился. Не ослабѣвая въ исполненіи обязанностей, возложенныхъ на него саномъ священническимъ, отецъ Кириллъ показалъ себя ревностнымъ, заботливымъ пастыремъ и во внѣшнемъ устройствѣ своей паствы. Извѣстно, что въ здѣшнихъ мѣстахъ во времена Екатерины II почти не имѣли понятія объ осѣдлой жизни. Селился, кто гдѣ хотѣлъ. Управлялись поселенцы болѣе естественнымъ произволомъ и пользовались полями, сколько кому дозволяли средства. При благомъ распоряженіи о заселеніи южнаго края—отецъ Кириллъ явился неутомимымъ исполнителемъ мысли правительства. Губернаторъ генералъ Чертковъ, опытомъ дознавши дѣятельность отца Кирилла въ дѣлѣ заселенія новороссійскаго края, довѣрилъ его распоряженію нѣкоторыя средства, назначенныя правительствомъ для успѣшнаго устройства осѣдлости поселенцевъ. Отецъ Кириллъ вполнѣ оправдалъ довѣріе г. Черткова. Содѣйствуя внутреннему

настроенію своей паствы, развитію умственныхъ и чувственныхъ (sic) способностей, онъ избиралъ для селенія самыя очаровательныя мѣста, такъ что довольно было поселенцу посмотрѣть на мѣстность, чтобы забыть невыгодный «куринь» (шалашъ) и навсегда остаться осѣдлымъ жителемъ. Зная приверженность поселенцевъ къ вѣрѣ, отецъ Кириллъ, гдѣ хотѣлъ устроить селеніе, прежде всего полагалъ камень въ основаніе церкви, для которой дѣлалъ модель, самъ былъ фундаторомъ и распоряжался работами. Какъ только окончится постройка церкви, тотчасъ является селеніе, состоящее по началу изъ незначительнаго числа избъ, приготовленныхъ ранѣе стараніемъ отца Кирилла. Мало того: чтобы поселенцы не оставались праздными, о. Кириллъ, при средствахъ дарованныхъ г. Чертковымъ, каждому новому хозяину давалъ пару воловъ, лошадь, 10 овецъ и нѣкоторые полевые снаряды, необходимые для сельскаго быта. При такихъ средствахъ и неутомимой дѣятельности, о. Кириллъ въ своей жизни успѣлъ соорудить нѣсколько церквей и столько-же устроить селеній. Первое селеніе устроилъ *Булаховку* (имѣніе Сокологорскаго) съ церковію на томъ мѣстѣ, гдѣ названные запорожцы пожаловали къ о. Кириллу на ужинъ. На лѣвой сторонѣ Самары соорудилъ церкви въ *Васильевкѣ* (имѣніе графа Ностицъ въ 30 верстахъ отъ Новомосковска), въ *Воскресенкѣ* (имѣніе Болюбаша). Въ этомъ послѣднемъ селеніи, можно сказать, болѣе всего о. Кириллъ провелъ времени, оставилъ много драгоцѣнностей собственной работы, интересныхъ записокъ по разнымъ предметамъ; даже до сихъ поръ уцѣлѣла его рабочая комната. Впрочемъ говорю объ этомъ, какъ слыхалъ—не болѣе. На правомъ берегу Самары устроилъ *Новоселку* (Шинѣевъ)... и наконецъ основалъ Пустынно-Николаевскій монастырь [1]), нынѣшній загородный архіерейскій домъ. Въ ризницѣ монастырской до сихъ поръ сохраняется портретъ о. Кирилла. Прекрасная мѣстность Пустынно-Николаевскаго монастыря понравилась о. Кириллу такъ, что хотя онъ и наблюдалъ за всѣми устроенными имъ церквами, однако-жъ навсегда избралъ жильемъ своимъ монастырь, гдѣ и упокоилъ себя послѣ 75 лѣтнихъ трудовъ.

Авторъ записки, видимо старался пріукрасить личность Дикаго попа, низводя запорожцевъ чуть не на степень дикарей и язычниковъ и навязывая Тарловскому высшія побужденія къ странствованію, которое привело его къ сану священника. Болѣе вѣроятнымъ представляется, что Тарловскій, послѣ разжалованія въ солдаты, просто бѣжалъ изъ военной службы и не имѣвъ возможности укрываться долго въ стѣнахъ кіево-печерской лавры, сталъ

[1]) Т. е. построилъ въ немъ новую каменную церковь... *Л. М.*

рѣшилъ пробираться въ Запорожье, гдѣ наставалъ уже конецъ всякимъ поискамъ. На одномъ изъ ночлеговъ въ дикомъ полѣ наѣхали на него запорожцы и когда прибывъ съ ними въ Кошъ, Тарловскій оказался пригоднымъ къ священству и получилъ наконецъ священный санъ, то по обычаю запорожцевъ, дававшихъ простыя и мѣткія прозвища, для него не могло быть болѣе естественнаго, какъ названіе Дикаго попа, т. е. взятаго съ дикаго поля. Но ни это прозваніе, ни предшествовавшій ему побѣгъ и скитальчество, такъ обыкновенныя въ то время, нисколько не умаляютъ значенія о. Тарловскаго, какъ строителя церквей и безкорыстнаго колонизатора.

Закончимъ нашу замѣтку слѣдующею выдержкою изъ письма къ намъ упомянутаго выше достопочтеннаго о. Іоанникія Вахнина, называющаго почему-то о. Кирилла *Тарахъ-Тарловскимъ*. «Въ 1873 году были мы, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Ѳеодосіемъ въ с. Воскресновкѣ, у родственниковъ Тарловскаго, въ обитаемомъ ими домѣ они показывали намъ *свѣтличку*, въ которой проживалъ о. Кириллъ, но ничего болѣе важнаго не могли о немъ сообщить. Въ самарскомъ монастырѣ, въ архіерейскомъ домѣ, въ числѣ прочихъ портретовъ, есть и портретъ Тарловскаго. Портретъ во весь ростъ, писанъ масляными красками. О. Кириллъ—въ рясѣ зеленаго цвѣта; внизу риѳмованная подпись:

«Портретъ сей Кирыла,
Щедрота коего сей храмъ соорудыла».

Собщ. **Л. Мацѣевичъ.**

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ БІОГРАФІИ АДАМА КИСЕЛЯ.

Въ XIII т. «Кіевской Старины» помѣщенъ историко-біографическій очеркъ, подъ заглавіемъ: «Адамъ Кисель, воевода кіевскій». Авторъ этого очерка, между прочимъ, говоритъ: «ни одинъ изъ извѣстныхъ источниковъ не указываетъ ни мѣста кончины Адама Григорьевича, ни точной даты». Изъ этихъ словъ и другихъ мѣстъ очерка видно, что авторъ его, къ сожалѣнію, не знакомъ съ содержаніемъ надписей на памятникъ надъ гробомъ и на самомъ гробѣ Адама Григорьевича Киселя въ церкви с. Низкиничъ и его духовнымъ завѣщаніемъ, копія котораго, выданная вдовѣ Адама Григорьевича 24 іюля 1653 г. (Wypis z ksiąg Grodzkich zamku Włodzimir

skiego) хранится до настоящаго времени въ архивѣ низкиничскаго имѣнія. По этому мы рѣшаемся дополнить біографическія свѣдѣнія объ А. Гр. Киселѣ нѣсколькими данными, извлеченными изъ упомянутыхъ источниковъ и прилагаемъ списокъ надписей, находящихся на памятникѣ Киселя и его гробѣ въ низкиничской церкви.

Адамъ Григорьевичъ Кисель умеръ, какъ видно изъ надписи на памятникѣ, во время брестскаго похода 3 мая 1653 г. 1 мая составлено имъ въ Брестѣ-Литовскомъ духовное завѣщаніе, которое, послѣ его смерти, 6 того-же мая внесено въ брестскія гродскія книги. Все это указываетъ, что онъ умеръ въ Брестѣ-Литовскомъ. Надгробная надпись и духовное завѣщаніе удостовѣряютъ, что Адамъ Григорьевичъ жилъ 53 года, слѣдовательно родился онъ въ 1600 г.

Согласно духовному завѣщанію, Адамъ Григорьевичъ похороненъ въ низкиничской церкви въ одномъ гробѣ съ роднымъ братомъ своимъ Николаемъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ надгробная надпись. На поляхъ духовнаго завѣщанія помѣщена замѣтка, судя по почерку и черниламъ, близкая ко времени написанія копіи завѣщанія, т. е. 24 іюля 1653 г., а въ этой замѣткѣ послѣ словъ о томъ, что Николай Кисель тоже умеръ въ Брестѣ, хотя раньше Адама, и что тѣло его перевезено въ Низкиничи, написано буквально слѣд.: «а не такъ, какъ декретахъ трибунальскихъ написано, будто на войнѣ погибъ». Какъ согласить эту столь категорическую поправку съ тѣмъ, что такъ обстоятельно говоритъ авторъ «Очерка» о погибели Николая Киселя въ битвѣ съ Богуномъ подъ Винницею, приводя выдержку изъ слѣдовавшаго за тѣмъ письма Адама Григорьевича къ канцлеру и изустнаго отвѣта Хмельницкаго Адаму Киселю о смерти брата его Николая, не оставляющія, кажется, сомнѣнія въ томъ, что Николай палъ въ битвѣ? Не были-ли первыя о семъ свѣдѣнія, при тогдашнихъ сообщеніяхъ, не точными и не умеръ-ли Николай Кисель и въ самомъ дѣлѣ въ Брестѣ, хотя, быть можетъ, и отъ ранъ полученныхъ въ битвѣ подъ Винницей?

Изъ духовнаго завѣщанія Адама Григорьевича видно, что послѣ него осталось много родственниковъ и всѣ они не забыты при распредѣленіи завѣщателемъ своего имущества; но близкою родственницею онъ считалъ только дочь роднаго брата Николая, Елену-Илларію, жену старосты владимірскаго Стемпковскаго, къ которой, какъ и къ умершему своему брату, относился съ особенною

любовью. Кромѣ этой племянницы въ завѣщаніи упоминаются дальніе родственники покойнаго: Николай Кисель, подкоморій дербскій, Петръ—староста вышгородскій, Юрій—староста синицкій, Яковъ, Илья, Владиславъ, Ярославъ и Михаилъ Кисели, послѣдніе четыре малолѣтніе (minoreni).

Что касается религіозныхъ убѣжденій Адама Григорьевича и преданности его православію, этой самой симпатичной черты его характера, то въ духовномъ завѣщаніи говорится слѣдующее: «Пятьдесятъ три года жизни моей, которые позволилъ мнѣ прожить Господь Богъ, пребывалъ я въ православной католической религіи святой восточной церкви Божіей, матери моей, въ которой лѣтъ шестьсотъ неизмѣнно оставались предки мои; въ ней хочу оставаться и теперь до послѣдняго моего издыханія»...

Относительно доставки надгробнаго камня, по старанію Адама Григорьевича, изъ Польши въ Москву, авторъ высказываетъ предположеніе, что въ смутное время увезены поляками изъ Москвы мощи одного изъ русскихъ князей, вмѣстѣ съ мраморною гробницею или плитою, что мощи возвращены вскорѣ обратно, а за тѣмъ, по старанію Адама Григорьевича возвращена и плита. Не знаемъ, на чемъ основано предположеніе автора объ увозѣ поляками *мощей* какого-то князя изъ Москвы; надгробная плита, доставленная Адамомъ Григорьевичемъ, составляла надгробный памятникъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Въ Справочномъ Энциклопедическомъ словарѣ, изд. 1847 г., подъ ст. «Адамъ Кисель» говорится: «Адамъ Кисель въ 1648 г. прислалъ изъ Польши надгробный мраморный камень съ могилы скончавшагося тамъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, съ латинскою надписью». Изъ очерка Костомарова—«Василій Шуйскій» видно, что надъ могилой этого царя дѣйствительно былъ поставленъ памятникъ «съ латинскою надписью, восхваляющею великодушіе Сигизмунда». Самые гробы царя Василія, его брата Димитрія и жены послѣдняго Екатерины Шуйскихъ привезены въ Москву еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и тѣло царя Василія похоронено 11 іюня 1635 г. въ архангельскомъ соборѣ, а надгробная плита была уже доставлена по ходатайству А. Гр. Киселя.

Построенная А. Гр. Киселемъ въ родовомъ его имѣніи Нискеничахъ крестообразная, о пяти куполахъ, церковь во имя По-

крова Божіей Матери сохраняется доселѣ, хотя по малочисленности прихода находится въ крайней бѣдности. По стѣнамъ видны изображенія, свидѣтельствующія о томъ, что церковь была въ уніи; остались даже боковые олтари при стѣнахъ. Вправо отъ средины церкви подъ поломъ церковнымъ сохраняется гробница Киселя, а въ нишѣ стѣны устроенъ памятникъ ему, состоящій изъ поясной статуи, отдѣляющейся отъ стѣны, съ металлическимъ перначемъ въ правой рукѣ, и двухъ утвержденныхъ подъ нею мраморныхъ плитъ, окаймленныхъ мраморною-же узорчатою рамою.

На верхней доскѣ высѣчена эпитафія на польскомъ языкѣ, латинская надпись на нижней доскѣ содержитъ въ себѣ краткое описаніе заслугъ покойнаго.

Привожу первую какъ въ прекрасномъ ея подлинникѣ въ стихахъ, такъ и въ переводѣ прозою, съ удержаніемъ по возможности конструкціи и ритмъ подлинника, вторую-же передаю только въ переводѣ.

Вотъ текстъ первой:

Anastasia z Nowosiułek Bohuszowiczowna Kisielowa Wojewodz. Kiowska. N. T. St.

Анастасія изъ Новоселокъ Богушевичевна Киселева, воеводина кіевская, носовская, тлумацкая старостина.

Synowcu z bratem niedawnoś mogiły
I matce sypał ze mną, mężu miły;
Teraz niestety na tom się została,
Bym ci mogiłę samemu sypała.
Mnie kto wysypie! zostałam się sama,
Przecz mie nic kryje z mężem jedna jama.
Jedno, mężu, ciało byłam z tobą; twoje
Tu lezy w grobie, czemu też nie moje?
Smierć mię od przyjaciela łączy:
Wprzod cie, jak głowe, wzięła, na mnie skonczy
Aż w ten czas chyba w tey serdeczney ranie
Bol, ktory cierpie, boleć nie przestanie.

Племяннику съ братомъ недавно могилы
И матери ты сыпалъ со-мною, мужъ милый!

Теперь здѣсь за тѣмъ я осталась,
Чтобъ тебѣ могилу насыпала.
Мнѣ кто-жъ насыплетъ?.. Осталась я сама,
Не скроетъ меня съ мужемъ яма одна.
Одно тѣло была я съ тобою; твое
Лежитъ тутъ во гробѣ,—отъ чего-жъ не мое?
Разлуку устроила мнѣ смерть съ тобой,
Впередъ тебя, какъ голову взяла, а кончитъ ужъ мной,
И развѣ тогда въ моей сердечной ранѣ
Боль, которую терплю, болѣть перестанетъ.

Содержаніе надписи на нижней доскѣ памятника слѣдующее:

«Прохожій! остановись, читай! Этотъ мраморъ кроетъ славнаго потомка рода Святольдта, славу и опору государства, Адама съ Брусилова Киселя, бывшаго каштеляномъ черниговскимъ, потомъ воеводой брацлавскимъ и кіевскимъ, мужа, отличавшагося въ бояхъ прозорливостью, твердостью, побѣдителя въ сраженіяхъ, при Сигизмундѣ III, подъ Хотиномъ противъ турокъ, въ Пруссіи противъ шведовъ, а во время Владислава прославившагося въ дѣлахъ противъ Москвы; онъ, будучи посломъ въ Москвѣ, склонилъ царя дать клятвенное обѣщаніе на вѣрность заключенному договору присоединить къ королевству сѣверское княжество и, какъ правитель его, со славою поддерживалъ въ немъ порядокъ; въ нѣсколькихъ дѣлахъ противъ взбунтовавшихся козаковъ заставилъ (козаковъ) преклониться съ покорностью къ стопамъ Яна-Казиміра, и въ то время, когда онъ съ особеннымъ усиліемъ трудился на этомъ пути для общественной пользы, жизненная нить его пресѣчена смертью въ брестскомъ походѣ 3 мая 1653 г., на 53 году жизни.

Я (говорится, конечно, отъ имени вдовы Адама Григорьевича) желала, чтобы ты зналъ объ этомъ. Будь-же здоровъ! Плачь о потерѣ этого знаменитаго мужа, оплакиваемаго мною и его достойными согражданами, и да будетъ этотъ памятникъ образцомъ для твоей жизни!»

Гробъ А. Гр. Киселя находится въ подземельѣ, куда надо спускаться по ступенькамъ. Склепъ просторный; внутри его помѣщается металлическій, весь съ барельефными изображеніями гробъ; крышка его плохо держится, внутри кости воеводы кіевскаго и остатки его истлѣвшей одежды. На гробѣ вырѣзаны слѣдующія слова:

(съ правой стороны) Adam z Brusiłowa Kisiel Wojewoda, Generał ziem Kiowskich, Nósowsky, Tłumacky et caet. Starosta.

(на лѣвой сторонѣ) Mikołay z Brusiłowa Kisiel, Czerkasky, Sienicky Starosta, pułkownik. i. k. Послѣднія двѣ буквы съ прибавкою *m*, опущенной, какъ кажется, по недостатку мѣста, могутъ означать: его королевской милости.

Е. Д—кій.

ПАМЯТИ ПРЕОСВ. ФИЛАРЕТА, АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО.

Скоро исполнится 20-ть лѣтъ со дня смерти высокопреосвященнаго Филарета (Гумилевскаго), архіепископа черниговскаго. Онъ принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ и достойнѣйшихъ архипастырей русскій церкви послѣднихъ десятилѣтій, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ученѣйшихъ и плодовитѣйшихъ писателей нашихъ вообще и въ частности духовныхъ. Его достойнымъ соперникомъ въ этонъ отношеніи является лишь свѣтлая личность недавно скончавшагося митрополита московскаго Макарія (Булгакова). Ученые труды его настолько всѣмъ извѣстны и служатъ столь важнымъ пособіемъ и руководствомъ при всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ по отечественной исторіи церковной и гражданской, что распространяться о нихъ было бы совсѣмъ излишне. Довольно назвать капитальнѣйшія изъ его произведеній: Исторію русской церкви, О пѣснопѣніяхъ въ русской церкви, Историческое ученіе объ отцахъ церкви, Догматическое Богословіе, Жизнь святыхъ русской церкви и Историко-статистическое описаніе харьковской, а также черниговской епархіи, чтобы припомнить себѣ его важное значеніе въ нашей церковно-исторической литературѣ.

Но тогда какъ ученая дѣятельность и заслуги архіепископа Филарета всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны и представляются въ яркомъ свѣтѣ, дѣятельность его по управленію разновременно ввѣрявшимися ему епархіями (рижскою, харьковскою и черниговскою), а также частная его жизнь не только не пользуются извѣстностію, но при жизни архипастыря составляли иногда предметъ злословія и

осужденія. Не отъ того ли это, что, по слову Спасителя, *никто-же возможетъ двѣма господиномъ работати, либо единаго возлюбитъ, о другѣмъ же нерадити имать?* Нѣтъ, многое можно бы сказать въ похвалу архипастырскихъ трудовъ и заботъ и непорочной жизни этого симпатичнаго святителя; но потому, что труды административные рѣдко получаютъ общую извѣстность, а келейная жизнь и совсѣмъ бываетъ закрыта отъ очей міра, но не отъ его языковъ. Самое положеніе нашихъ архипастырей таково, что отъ злословія и нареканій, которыя доходятъ до нихъ гораздо рѣже, чѣмъ куреніе и лесть, они не имѣютъ возможности защититься ни путемъ гласности, ни путемъ общественныхъ отношеній. Тѣмъ отраднѣе выслушать живой голосъ со стороны, направленный къ опроверженію злословія и уясненію истины относительно личности столь высокочтимаго архипастыря, какимъ былъ архіепископъ черниговскій Филаретъ. Такимъ именно голосомъ является намъ помѣщаемое ниже письмо одного изъ помѣщиковъ черниговской губерніи къ архіепископу могилевскому Анатолію Мартиновскому, заимствованное изъ бумагъ сего послѣдняго и посвященное цѣликомъ воспоминанію о преосв. Филаретѣ. Преосв. Анатолій состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ пр. Филаретомъ, переписывался съ нимъ по вопросамъ нуждъ нашей церкви и незадолго до смерти послѣдняго посѣтилъ его въ Черниговѣ. Письмо писано спустя два мѣсяца послѣ смерти архіеп. Филарета и дышетъ такою искренностію и непринужденностію, что невольно располагаетъ къ полному довѣрію. Фамиліи лица, писавшаго это письмо, мы не могли разобрать и не доискивались узнать ее, такъ какъ тутъ интересъ не въ имени, а въ дѣлѣ. Въ письмѣ факты и никакихъ общихъ фразъ, и тѣмъ болѣе потому оно цѣнно. Пр. Филаретъ скончался, какъ извѣстно отъ холеры, постигшей его въ пути. Страхомъ за собственную жизнь сопровождавшихъ его священниковъ объясняется то мѣсто письма, гдѣ брошенъ укоръ всѣмъ или нѣкоторымъ изъ нихъ въ томъ, что они оставили умершаго владыку. Приводимъ текстъ этого любопытнаго письма во всемъ его объемѣ и точномъ видѣ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Архипастырь!

Начну письмо мое словомъ благодарности за дорогую память вашу и вниманіе, переданное мнѣ Надеждой Егоровной Кулябкой-Корецкой. И о васъ, владыка, память присуща всегда намъ. И постоянно мы утѣшаемъ себя мыслію видѣть васъ у себя въ Ущерпьи, такъ какъ вы можете быть отъ насъ въ 20-ти верстахъ. Очень прискорбно было намъ узнать, что вы посѣщали Сухари въ отсутствіе наше.

По доброй памяти вашего высокопреосвященства къ почившему архипастырю нашему я почелъ не лишнимъ сообщить вамъ нѣкоторыя факты и свѣденія о владыкѣ, болѣе или менѣе обрисовывающіе его дѣятельность, его качественную сторону. Быть можетъ о. ректоръ сообщилъ вамъ, владыка, что Богъ не допустилъ меня носить въ сердцѣ грѣховное недоразумѣніе на счетъ жизни и личныхъ качествъ владыки. Я до того сталъ близокъ къ нему послѣднее время, что лишеніе его и нынѣ не изгладило глубокой скорби моей. Я видѣлъ и узналъ въ немъ истиннаго христіанина, стойкаго блюстителя высокихъ истинъ, ввѣренныхъ его храненію, человѣка, исполненнаго горячей любви къ ближнему.

Біографія его его вамъ извѣстна, труды его тоже. Но я не могу не сообщить вамъ о нѣкоторыхъ случаяхъ его частной жизни, обнаруживающихъ его взглядъ на вещи, его постоянную намять о небѣ, нѣкоторыя случайности, имѣющія какое-то пророческое указаніе на его кончину. Такъ какъ письмо мое не имѣетъ претензій на литературную статью, то не ищите, владыка, здѣсь ни послѣдовательности, ни системы. Я передамъ вамъ все болѣе интересное, какъ придетъ оно на память.

Владыка спалъ 5 часовъ въ сутки. Въ опредѣленную пору хотя и давали обѣдъ, но онъ удовлетворялъ этой потребности мимоходомъ. Иногда во время занятій ночью онъ ощущалъ голодъ и шелъ тихонько къ шкафу въ комнату, гдѣ спятъ послушники, вынималъ хлѣбъ черный, отламывалъ корку, которую. посоливъ, кушалъ, запивая водой. Однажды ему сказалъ послушникъ, что о немъ говорятъ, будто онъ взятки беретъ. «Пусть говорятъ: тамъ будетъ легче», отвѣчаетъ владыка. А другому монаху, Николаю,

говоритъ: «вотъ про меня говорятъ, что я взятки беру. Господи! и такъ я великій грѣшникъ предъ тобою; а что-жъ бы со мною было, еслибъ и этимъ занимался я»?! Въ Харьковѣ одинъ предводитель сказалъ ему о молвѣ на счетъ его жизни, несвойственной сану. У него въ минуту полились ручьями слезы: «этого недоставало еще»! произнесъ онъ. Эти слезы лились за клеветниковъ, полагать надо, потому что въ первомъ случаѣ онъ не оскорбленъ клеветой. Онъ и велъ себя такъ, что его сокрытой жизни не зналъ никто, а судили по наружности. Его послушникъ подавалъ ему поплоше рясу: «что ты бережешь тѣ? вѣдь умремъ,—все останется! что-жъ ты прячешь ихъ?» Спрашиваетъ разъ: «а сколько у меня рубахъ?» 36 отвѣчаютъ ему. «Куда ты это столько напряталъ? что намъ замужъ что-ли отдавать кого? раздай, раздай»; затѣмъ самъ распредѣляетъ рубахи всѣмъ монахамъ, оставляя себѣ восемь. Онъ далъ на свѣчной заводъ, имъ устроенный, 2,500 руб. Изъ нихъ 1500 руб. ему разновременно возвратили, по 100 или 150 руб. «Охъ, уже надоѣли мнѣ ваши счеты, пусть ужъ лучше останется у васъ». Такъже точно далъ 6,000 руб. на устройство типографіи; ему 2000 руб. возвратили. »Да Богъ съ вами! уже надоѣли вы мнѣ расчетами. Молитесь уже за меня, какъ помру, и за родителей!» Доказательство теплоты его младенческой вѣры: назначилъ онъ ко гробу угодника монаха стараго. «Не могу, говоритъ тотъ, глаза слабы, силы нѣтъ». «А ты иди, да и упади у гроба, лежи и не отходи, проси все у угодника помощи, и управишься. А отказызываться намъ отъ служенія нельзя». И по слову владыки, говоритъ монахъ, не стражду и помогаетъ Господь въ силахъ.

Выѣхалъ онъ по епархіи 6 августа. Ему говоритъ помощникъ исправника, что 17-го прикажетъ ожидать.—«Нѣтъ, какъ же 17-го?»—«Да вы изволили написать, что 16-го отправитесь».—«Какъ это случилось, отвѣчаетъ владыка, и самъ не знаю! Вѣдь и самъ составлялъ маршрутъ и какъ это такъ вышло?»... Итакъ только выразилъ удивленіе и не сказавъ положительно ничего въ разрѣшеніе этого недоумѣнія, поѣхалъ. Представьте, что онъ долженъ бы былъ возвратиться 25 или 26, а между тѣмъ прахъ его привезенъ 17-го въ Черниговъ. Затѣмъ прощался съ консисторіей, какъ-бы навсегда. Всю дорогу говорилъ все о смерти. Обыкновенно во время совершенія святыхъ даровъ онъ простирался на землѣ и плакалъ. Въ

послѣднюю-же его литургію, что служилъ въ дорогѣ, онъ рыдалъ. Когда онъ скончался, все бѣлье было уже въ употребленіи, то кое-что, за недостаткомъ его, брали у другихъ, а между тѣмъ какимъ-то случаемъ одна перемѣна была забыта и ее надѣли на усопшаго. Представьте, владыко, что духовенство, когда онъ скончался покинуло его и разбѣжалось. Приходитъ къ вечеру помѣщикъ, профессоръ Рачинскій, у котораго наканунѣ обѣдалъ преосвященный и, позвавъ священника, отслужилъ первую панихиду. Когда было ужъ очень дурно владыкѣ, вошелъ архимандритъ какого-то (не помню) монастыря. «Исповѣдуй меня», сказалъ онъ, и исповѣдался. Затѣмъ благочинный говоритъ: «владыка, вы изволили писать въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», что слѣдуетъ въ болѣзняхъ прибѣгать къ соборованію, не позволите-ли совершить надъ вами?»—«Хорошо».—Послѣ 9-го евангелія онъ скончался. Тѣло почившаго 4 дня стояло въ конотопскомъ соборѣ и никакихъ признаковъ тлѣнія не было слышно. Затѣмъ гробъ былъ поставленъ въ деревянный ящикъ, плохо сдѣланный, не плотно обитый сверху желѣзомъ, что при жарѣ во время слѣдованія гроба, всю дорогу везомаго народомъ, увеличивало температуру внутри гроба и должно было ускорить разложеніе; но похоронили въ 11-й день и ничего не было замѣтно. Кто близко зналъ его, говоритъ: «святой нашъ владыка». Его погребли подъ престоломъ въ большой церкви троицкаго монастыря. Гробъ поставленъ почти на полу и обложенъ кирпичемъ и оштукатуренъ, такъ что представляетъ продолговатый престолъ. Склепъ обширный, свѣтлый. Въ 40-й день два сторожа видѣли въ полночь горящія свѣчи при гробѣ. Монахъ, который спалъ 6 недѣль въ покояхъ владыки, говорилъ мнѣ, что они (съ товарищемъ) ни одной ночи не могли спать, что владыка ходилъ все по комнатамъ въ мантіи и клобукѣ и даже шелестъ мантіи пробуждалъ ихъ. Онъ явился одной благочестивой старушкѣ, генеральшѣ Свѣчиной во снѣ. «Зачѣмъ вы насъ оставили, владыка?» спрашиваетъ она.—«Я не оставилъ васъ, я всегда съ вами и вы близь меня». Въ 40-й день она скончалась праведно и погребена подъ тою-же церковью.—Враги владыки разсыпались, какъ прахъ. Въ Нѣжинѣ двѣ дамы, говоря о немъ, бранили и осуждали его. Когда они разошлись и одна легла спать и уже хотѣла гасить свѣчу, какъ предъ нею предсталъ владыка въ мантіи и митрѣ. «Старыня! за

что вы меня поносите? вѣдь вы ничего того не видѣли, о чемъ говорите? Прошу я васъ: оставьте меня навсегда въ покоѣ». Она безъ страха, говорятъ, и теперь не можетъ вспомнить объ этомъ посѣщеніи. Это говорила наша губернаторша помѣщику Ханенкѣ, котораго подробная статья о жизни преосвященнаго выйдетъ къ новому году. Онъ собираетъ матеріалы, чтобы раскрыть анекдотическую форму.—Мнѣ явился владыка, но я не смѣю вѣрить и обольщать себя дѣйствительными его посѣщеніями, потому что нахожу себя далеко недостойнымъ; но если слова, сказанныя имъ, оправдаются, я приму это посѣщеніе, какъ доказательство того христіанскаго смиренія, коимъ отличался онъ всегда, и той любви, съ которой онъ принималъ просьбу и желаніе ближняго. Я очень скорбѣлъ. что самъ лишилъ себя удовольствія видѣть владыку еще нѣсколько разъ, не смотря на его отеческое вниманіе и приглашеніе, и желалъ хоть во снѣ видѣть усопшаго. Наканунѣ 40 дня я заказалъ на другой день послѣ обѣдни за упокой соборне панихиду, а ночью вижу во снѣ владыку въ облаченіи. Онъ прощается со мной, обнимаетъ меня, цѣлуетъ, какъ живой и я, цѣлуя его послѣднимъ цѣлованіемъ, со слезами прощаюсь. Онъ ласково говоритъ: «не скорби, не скорби: у васъ хорошій будетъ архіерей».—Вотъ единственный разъ, что удостоилъ меня владыка утѣшить. Я грустилъ, что не простясь уѣхалъ изъ Чернигова;—онъ говорилъ мнѣ утѣшеніе.

У него осталось 400 руб. и 200 руб. въ запискахъ, пожертвованные на монастыри. Подобныя деньги, кричали попы, они даютъ архіерею, а онѣ, по словамъ монаховъ, всѣ передавались монастырю. И эти 200 руб., еще не переданные, оставались въ самыхъ запискахъ, какъ не его собственность.—Да что, можно ли передать въ письмѣ то, на что нужны томы?

Прося святыхъ молитвъ и проч.

Сообщ. **И. Каргопольцевъ.**

ВЛАДИМІРО-ВОЛЫНСКІЙ МСТИСЛАВОВСКІЙ СОБОРЪ XII В. И ПРЕДСТОЯЩЕЕ ЕГО ОБНОВЛЕНІЕ.

(Корреспонденція «Кіевской Старины»).

На западной нашей окраинѣ, на границѣ Холмщины и Галиціи, въ сторонѣ отъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, стоитъ надъ р. Лугомъ забытый всѣми древній городъ св. Владиміра, нынѣ захудалый уѣздный городишка Владиміръ-Волынскій. Всякій современный благополучный россіянинъ, привыкшій къ желѣзнымъ дорогамъ и удобствамъ жизни большихъ городовъ, попавши случайно въ г. Владиміръ, считаетъ своимъ долгомъ помянуть его крѣпкимъ словомъ за его неблагоустройство и даетъ зарокъ никогда въ него болѣе не попадать.

Но не всегда этотъ опальный городъ былъ такимъ, какимъ мы его видимъ въ настоящее время, и съ нимъ связано для всякаго русскаго столько дорогихъ воспоминаній, что о немъ стоитъ сказать и доброе слово.

Великій сѣятель христіанства на Руси кн. Владиміръ во время похода въ Червонную Русь избралъ этотъ городъ разсадникомъ христіанскихъ идей на западной окраинѣ своихъ владѣній. Давши городу свое имя, св. Владиміръ построилъ въ немъ 3 церкви, двѣ въ самомъ городѣ и одну въ пригородѣ Зимно и учредилъ въ 992 г. епископскую каѳедру для волынской области, въ составъ которой входили, кромѣ западной части Волыни, вся Холмщина, Подлясье и часть Галиціи съ гг. Галичемъ, Перемышлемъ. До 1137 г. владимірская каѳедра была единственная въ этомъ краѣ и ее занимали, въ числѣ другихъ епископовъ, святители Стефанъ и Амфилохій. Владиміръ-волынскимъ княжествомъ правили и жили въ немъ такіе ревнители православія, какъ Мстиславъ Изяславовичъ, Романъ Галицкій и извѣстный въ свое время ученостью и христіанскими добродѣтелями Іоаннъ Владиміръ, прозванный философомъ. Тѣла этихъ и другихъ князей русскихъ покоятся подъ развалинами владиміръ-волынскаго каѳедральнаго собора. Заботами св. Владиміра и его пріемниковъ князей владиміръ-волынскихъ о духовныхъ нуждахъ народа сооружено было въ городѣ болѣе 20 церквей и устроены училища. Лѣтописецъ Несторъ, посѣтившій въ 1097 г. г. Владиміръ «для обозрѣнія учи-

лищъ и наставленія учителей», называетъ его «славнымъ» городомъ. Но отъ его минувшей славы, отъ всего величія города, которому удивлялись иностранцы и о которомъ венгерскій король Андрей говоритъ, что такого города не встрѣчалъ и въ нѣмецкой землѣ, остались до настоящаго времени только развалины великолѣпнаго Успенскаго собора, построеннаго Мстиславомъ Изъяславичемъ, бывшимъ вел. кн. кіевскимъ, въ послѣдніе-же годы своей жизни княземъ владимірскимъ, правнукомъ Владиміра Мономаха, скончавшимся въ 1170 г. Возвышающіяся надъ городомъ стѣны и башни этого храма служатъ нѣмымъ укоромъ нашему равнодушію къ древнимъ святынямъ. Многое видѣлъ, многое испыталъ этотъ храмъ: ни одна изъ русскихъ областей не дала столько борцовъ, не принесла столько кровавыхъ жертвъ за православіе какъ Волынь, вся ея исторія—борьба за эту народную святыню, и свидѣтель этой борьбы храмъ Богоматери не разъ, по словамъ лѣтописца, «переполняхся трупьями» его защитниковъ. Нельзя не удивляться необычайной крѣпости постройки этого храма: пожары, татарскіе набѣги и внутреннія смуты, уничтожившіе весь городъ и всѣ храмы, за исключеніемъ Васильевской церкви, пощадили эту древность, которая пострадала болѣе всего въ XVIII вѣкѣ отъ усердія не по разуму уніатскихъ епископовъ, желавшихъ придать этому православному храму видъ католическаго костела. Для этого задѣланы прежде существовавшія окна прекраснаго византійскаго стиля и надъ ними пробиты новыя въ романскомъ стилѣ, отъ чего образовались трещины въ стѣнахъ; при устройствѣ-же хода въ одномъ изъ внутреннихъ столбовъ храма, на которыхъ упирался сводъ, къ проповѣднической каѳедрѣ, подпора эта ослабѣла и рухнула; но, не смотря на это, сводъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ продержался на остальныхъ трехъ столбахъ.

По присоединеніи Волыни къ Россіи, между 1802—1809 гг. два раза дѣлались попытки къ возобновленію этого храма. Отъ первой попытки остались наружные контрафорсы, поддерживающіе и до настоящаго времени стѣны зданія, постройка-же новаго столба, вмѣсто обрушившагося въ прошедшемъ столѣтіи, не удалась—новая подпора тоже рухнула. Слѣдами второй попытки по возобновленію храма остались: 1) указъ волынской духовной консисторіи о поминаніи на ектеніяхъ «боголюбиваго господина Михаила Ивановича»

Комбурлея, бывшаго въ то время волынскимъ губернаторомъ, за его хлопоты, впрочемъ совершенно безплодные, о возобновленіи собора и 2) дѣло о растратѣ 60 злотыхъ, всей суммы, собранной 1808—1810 г. по подпискѣ на возобновленіе храма. Съ того времени храмъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрушается, своды его и крыша рухнули и завѣдывавшіе имъ домовитые отцы прогоіереи смотрѣли на него, какъ на одну изъ своихъ экономическихъ построекъ.

Наконецъ, въ настоящемъ году, по соглашенію волынскаго губернатора съ высокопреосвященнѣйшимъ Палладіемъ, архіепископомъ волынскимъ, учреждена въ г. Владимірѣ-Волынскѣ коммисія для собранія и разработки фактическихъ данныхъ къ исторіи означеннаго собора, съ цѣлью опредѣленія его археологическаго, политическаго и религіознаго значенія, а также для разработки проэкта возобновленія этого храма въ его первоначальномъ, на сколько это возможно, стилѣ. Коммисія открыла уже свои дѣйствія, членами ея розыскано нѣсколько дѣлъ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, относящихся къ этому храму, собраны нѣкоторые относящіяся къ нему историческія данныя и приступлено къ очисткѣ внутренней части храма отъ навоза и мусора.

Будемъ надѣяться, что дѣло это начато въ добрый часъ и окончится вполнѣ успѣшно. Свѣдѣніями, какія будутъ добыты коммисіей, постараемся подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины».

Е. Д.

Отъ Редакціи. Въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» замѣчены слѣд. опечатки:

Стр. 574. Отд. III, № 2, слѣдуетъ „Маякъ“ вм. „Макъ“.

Стр. 275 № 12 и 577 № 12, слѣд. „Заря“ вм. „Зоря“.

Стр. 576 № 13 слѣд. Sowinski вм. Sawinski.

„ „ № 22 слѣд. „Жинзифова“ вм. Жинзирова.

Стр. 577 № 23 слѣд. 1859 г. вм. 1ń59 г.

Стр. 591 № 78 слѣд. „Згарскій“, а не Згорскій и № 81 слѣд. Curivos вм. Curious и alaska Herald вм. aloska Herold.

Стр. 582 № 102 слѣд. „Статутъ“ вмѣсто „сто душъ“.

14. Государыня изволила прибыть въ С.-Питербурхъ изъ Царского Села. Мы были у графа Розумовского.

15. Принималъ сухую ванну.

16. Иванъ Ялоцкій, служитель, уйшолъ. Ездили на Василевскій островъ и у Новоторжцова, и у дѣтей, и на бѣржи были.

17. За направу чолокъ синовѣ 12 к. Портному за роботу 25 к.

18. Недѣля Сошествія Святого Духа. Въ дворцѣ были на службѣ.

19. Скоропадского дѣти у насъ были и обѣдали.

20. Мы обѣдали съ архіереями у преосвященного архіерея новгородского, архіепископа Стефана Калиновского.

21. Я одинъ у преосвященного крутицкого Платона Малиновскаго обѣдалъ. Графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій пожалованъ въ академію наукъ презесомъ. За чолки бѣлые полковые, сину Василю купленные, даны 2 р. 50 к.

22. Отписалъ къ брегадиру Витковичу на его писмо въ Псковъ.

23. Опредѣленъ оберъ-гофъ-мейстеромъ до князя великого князь Василій Никитовичъ Репнинъ, генералъ фелтцехъ-мейстеръ.

24. Ялоцкій приходилъ и наказанъ.

25. Рано будучи въ дворцѣ, поздравляли графа Кирилла Григоріевича Розумовского пожалованнымъ чиномъ. Vixa cum Hudovitz ad mensam.

26. Явилъся салдатъ съ писмами изъ Глухова. Взяли позволеніе у графа отехать въ Кронштатъ.

27. Писаны писма до Скоропадского и до жены. Отехали на яхтѣ, называемой Аранибомъ, до Кронштата, при офицеру морскомъ Ивану Михайловичу Силиванову, и прибыли туда позно...

28. Въ Кронштатѣ вездѣ водилъ насъ капитанъ флота морского Андрей Ивановичъ Полянскій, и у него на квартерѣ были, за которимъ жена полковниковъ рыбянского и харьковского Тевяшовыхъ сестра Марія Ивановна.

29. Отехали зъ Кронштату и за непогодою ночовали на устѣ Невы.

30. Прибыли въ С.-П.-Бурхъ.

31. Были у графа Розумовского и подалъ я сенатскаго мнѣнія копію о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Были вечеромъ у преосвященного переславского Арсенія. Сину Василю до шпаги ефесъ купленъ за 1 р. 20 к.

Юнь.

1. По службѣ Божой изволила государыня віехать до Пітеръ-гофа при пушечной палбѣ.

2. Синъ Василь у принца Августа былъ. Господъ Толстыхъ сестра, а маіора конной гвардіи Салтикова жена, умре.

3. Сину Василю купленъ на плате сундукъ за 1 р. 20 к. Великій князь и великая княгиня отехали до Питеръ-гофа.

4. У принца Августа синъ Василь отобралъ писмо о себѣ до тайного его императорского высочества государя великого князя совѣтника Вестфалена, чтобъ въ городѣ Килѣ въ тамошней академіи синъ мой учился и столъ государевъ имѣлъ.

5. У преосвященного Тодорского, епископа псковского, обѣдалъ я съ Гудовичемъ. За гарусные чолки и за штаны, сину Василю купленные, даны 1 р. 20 к.

6. Были съ Гудовичемъ въ сенатѣ и въ штатсъ-канторѣ онъ.

7. Были въ крѣпости на панахидѣ и обѣдали у архимадрита рождествепского Платона Петрункевича.

8. Вечеромъ отехали до Пітеръ-гофа и прибыли туда по полночи въ 3-мъ часу.

9. Въ Пітеръ-гофѣ пожалованъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ генераломъ адютантомъ, графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій кавалерію св. Анны. Ночовали мы въ мизѣ Головинской, графу Розумовскому пожалованной.

10. Были рано у графа и съ нимъ имѣли розговоръ о дѣлахъ малороссійскихъ, потомъ обѣдали у стола оберъ-маршалского. Камеръ-геръ Никита Андріановичъ Вожжинскій пожалованъ кавалеріею св. Анны. Отехали изъ Пітеръ-гофа и ночовали въ той-же графской мизѣ.

11. Возвратились въ С.-Пітеръ-бурхъ. Писалъ въ Москву къ Ивану Гамаліи и писмо включилъ объ немъ отъ духовника до князя Ивана Василіевича Одоевского, вотчинной коллегіи президента и до Скоропадского въ Глуховъ, чрезъ салдата гварнизону глуховского Кручкова.

12. Были въ дворцѣ у Стефана Федоровича Апраксина за дѣломъ полтавскимъ. Лейбъ-компаніи адютантъ Зотовъ похороненъ въ Невскомъ.

13. Юнгансу даны на росходъ для дѣтей 50 р. Государыня изволила прибыть въ С.-Питеръ-Бурхъ.

14. Были рано у графа. Государыня ездила послѣ обѣда посѣщать болного гофъ-квартермейстера Петра Ивановича Гагина.

15. Были въ дворцѣ и у ручки государини. По обѣдѣ званъ Гудовичъ до г. Шувалова. Государыня изволила отехать въ Царское Село.

16. Былъ у духовника за денгами, да у оберъ-камеръ-гера Бернголца съ синомъ. Подано доношеніе наше въ сенатъ о сотнику вибелскомъ Николаю Тризнѣ.

17. Обѣдали съ Гудовичемъ у г. Носка, учителя племѣнниковъ господина Розумовского.

18. Отобралъ у духовника 200 р. денегъ. За мите рубашокъ синовыхъ 30 к., за писма изъ почты полученные изъ Москвы 46 к. Секретарь Новоторжцевъ былъ у насъ.

19. Сотникъ вибелскій Тризна отехалъ до Пітеръ-гофа.

20. За паперъ гербовую 6 к., за два замочки 16 к.

21. Юнгансу еще дано на росходъ 150 р. изъ денегъ, у духовника взятыхъ. За переписку копій поддячему артилерійскому 25 к.

22. Великій князь и великая княгиня вчора, а государыня сего числа въ ночѣ изволили прибыть изъ Пітеръ-гофа въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ.

23. Сину Василю куплены бачмаки за 70 к., зеркало и гребенци 30 к.

24. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены подъ числомъ 31-мъ къ посилки чрезъ сотника вибелского Тризну.

25. Посѣщали съ Гудовичемъ графа Мойсея Владиславича болного.

26. Подано доношеніе въ коллегію иностранную о пашпортѣ служителю въ чужіе краи, съ синомъ отпускаючомуся. Еще у духовника отобраны 300 р.

27. Даны Грицку на росходъ дорожный 10 р.

28. Государыня въ придворной своей церквѣ сообщалась св. тайнамъ. Сотникъ вибелскій Николай Тризна отехалъ по почтѣ ночю [232]).

---

[232]) Посылка Тризны въ Малороссію объясняется слѣдующимъ письмомъ депутатовъ къ генеральной старшинѣ: «на поданные отъ всѣхъ малороссійскихъ становъ ея императорскому величеству, во время кіевскаго походу, челобитные все-

29. Тезоименитство великого князя празднована, чего для его высочество изволилъ быть на набоженствѣ въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, где по молебствіи палено зъ пушокъ, тако-жъ и при столѣ, а пополдни въ 6 и 7-мъ часахъ былъ сездъ ко двору и балъ, а потомъ обрученіе было-жъ въ придворной болшой церквѣ графу Кирилу Григоріевичу Розумовскому съ фрейлиною Екатериною Ивановною, умершого Ивана Львовича Наришкина дочерью. Онъ-же графъ Кирило Григоріевичъ рано послѣ обѣдень пожалованъ кавалеріею св. Александра, а маіоръ гвардіи преображенского полку Ушаковъ кавалеріею св Анны. Въ вечеру былъ у насъ отецъ духовникъ.

30. Рано были въ дворцѣ и поздравляли первей графа Кирила Григоріевича, потомъ и графа Алексія Григоріевича, у которого тутъ-же были и архіереи синодалніи и с.-питеръ-бурскій, а по службѣ Божіей туда-жъ пришедшей государини кланялись и были допущены къ ручки. По полднѣ палено въ крѣпости и въ адмиралтействѣ изъ многихъ пушекъ, ради поезду государини водою до Катерингофа. Виданъ пашпортъ изъ иностранной коллегіи служителю Григорію Дмитріеву для проезду въ чужіе краи при сину нашемъ Василю. Розышлось 31 к. Пущалъ цилюрикъ кровь мнѣ банками, которому даны 40 к.

Юлъ.

1. Пашпорты сину и Григорію, виданные изъ иностранной коллегіи, подписаны въ коллегіи адмиралитейской.

2. Были въ дворцѣ у графа, где извѣстились, что по утру имѣетъ быть походъ государини и великого князя и великой княгини до Ревеля.

милостивѣйшую ея величества декларацію чрезъ его сіятельство, рейсграфа и кавалера, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, что о избраніи гетмана въ Малороссіи на основаніи прежнемъ, по давнимъ нашихъ войсковымъ привилегіямъ и обыкновеніямъ, вскорѣ состоится, мы радостно получили, якой высочайшой монаршой милости здесь и ожидать имѣемъ. И нынѣ для того при семъ зъ попутепными, лзъ высоко правительствующого сената о малороссійскихъ до скарбу войскового надлежащихъ зборахъ, указами панъ сотникъ вибелскій Николай Тризна въ Глуховъ нарочно отъ насъ отправленъ. А какъ онъ вашихъ высокородій о состояніи малороссійскихъ дѣлъ, здѣсь благополучно происходящихъ, увѣритъ, о томъ имѣть свое благоразсмотреніе объявляемъ». Это письмо объясняетъ и главную причину дальнѣйшаго пребыванія Ханенка въ С.-Петербургѣ.

3. Рано графу отклонились, который велѣлъ дожидатись ея императорского величества возвращенія въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ изъ нинешнего походу, въ которій государиня съ дворомъ изволила, сего-жъ числа, въ 12-мъ пополуденномъ часу, віехать при многой изъ пушекъ налбѣ.

4. Въ сихъ дняхъ, кромѣ вышеписанныхъ 10 р., данныхъ на дорожные расходы для сина, еще розышлось на тѣ-же дорожные потребы 9 р. 59 к.

5. Писалъ писма до капитана поручика Марковича съ посилкою писма до протопопа петропавловского рижского собора, отца Сумеона Ростовецкого, да до капитана флоту морского о отправленіи сина моего въ Любекъ, или прямо въ Киль. Сину Василю, отправляючомуся въ чужіе краи для наукъ, дано на содержаніе его тамъ 75 червонныхъ и 25 талерей битыхъ, да Григорію Дмитріеву особливо даны 5 червонныхъ, и сего-жъ числа онъ, синъ мой, съ Григоріемъ отехали на доншкотѣ до Кронштату съ молодими Скоропадскими.

6. Івану Рудому кухтику куплены сапоги за 80 к. Розышлось на прочее 25 к.

7. Были зъ Гудовичемъ у подполковника Матвія Прокофіевича Куліковского. Писаны писма въ Глуховъ къ Скоропадскому и къ Іосифу и къ женѣ подъ числомъ 5—6-мъ.

8. На покупку ганишу до водки 8 к. Оный-же Куліковскій у насъ ужиналъ.

9. Полковникъ нѣжинскій Семенъ Василіевичъ Кочубей отехалъ изъ Санктъ-Питеръ-Бурха, а при немъ и Петръ Івановичъ Розумовскій и Левъ Сорока, чрезъ когорого и писма вышепомянутые отпущены.

10. Писма, до сина Василя и до капитана морского флоту, Андрея Івановича Полянского, о Івану Политицѣ писанные, вручены ему, который сего числа имѣлъ и отездить въ Кронштатъ для поездки въ Голстинію въ Киль. Писалъ писмо до Скоропадского чрезъ Королкевича, который сего числа изъ Санктъ-Питеръ-Бурха къ Малой Россіи віехалъ.

11. Присталъ до мене въ службу Марко Козминъ Беленчукъ, полку кіевского, изъ Серединки. Похоронили въ Невскомъ монастырѣ басиста дворцовой пѣвческой музики, іеромонаха Іоасафа, вчора

скоропостижно умершого. Вчора были у кофишенка Александра Юліановича Савлукова. Скоропадскій съ Юнсансомъ и Елихомъ изъ Кронштата возвратились.

12. Оному принятому слузѣ Марку на харчъ въ складку дано 60 к. За направу каламаря жестяного—3 к.

13. Послѣ обѣда были въ квартерѣ Василія Ивановича Венякова, совѣтника отъ комисаріата адмиралитейства, который понялъ себѣ жену покойного Андрея Лизогуба дочь Татіану, прежде бывшую за Жоравкою (Тимофеемъ), а потомъ за Ленкомъ, где застали и Івана Жоравку съ женою его Евдокіею Герасимовною.

14. За переписку челобитной писцу артилерійскому осадной комисарской Василю Григоріеву 20 к., за гербовую бумагу 4 к., за печатку 3 к. Писано писмо къ сину Василю въ Кронштатъ о скоромъ его оттоль віездѣ въ намѣренный путь и ему-жъ послана печатка, да имъ-же занятыхъ у Григорія Политики 1 р. денегъ отданъ. За пузирокъ лекарства 15 к.

15. Подана челобитная съ аппелляціею по дѣлу съ Соколовскимъ генералу рекстмейстеру чрезъ Павла Скорупну. За доску каменную дано 8 к.

16. Обѣдалъ у насъ секретарь Новоторжцовъ. Маркуѣдано 13 к.

17. Генералъ інтендантъ адмиралитейства Головинъ обѣдалъ у насъ.

18. Куплено стекло зажигателное, за которое дано 20 к., да за оправу оного-жъ стекла въ дерево орѣховое 25 к.

19. Куплено 10 лимоній свѣжыхъ для посылки въ домъ за 60 к.

20. Писаны писма: одно до жены съ посылкою оныхъ лимоній, другое до Івана Гамаліи въ Москву и меморіалъ канцеляристѣ Яскевичу, который

21 числа, купно съ Кутневскимъ, отехалъ до Малой Россіи.

22. Первого морского полку отъ маіора Григорія Ивановича Безобразова принеслъ ко мнѣ капралъ Григорій Шамановъ писмо отъ капитана морского флота Андрея Ивановича Полянского, которому капралу дано 6 к. Писаны писма въ Кронштатъ 1-е къ сину Василю, 2-е до капитанши Полянской Маріи Ивановны.

23. Оные писма отданы г. маіору Безобразову для пересылки до Кронштату.

24. 25, 26, 27 vacant. 28 рано былъ у генерала рекстмейстера Івана Ивановича Дивова, стороны челобитной моей, съ апелляціею поданной.

29. Былъ въ сенатѣ и челобитную взялъ для переправки. Даны сторожу сенатскому 6 к., за папѣръ гербовый 3 к., и бутылка простого вина поддячому 6 к. Сего числа въ 8-мъ часу пополудни изволила ея імператорское величество со всѣмъ своимъ придворнымъ статомъ возвратиться въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ и прибыть въ лѣтный дворецъ, при пушечной палбѣ изъ крѣпости и изъ адмиралитейства изъ многихъ пушокъ.

30 Тую-жъ челобитную знову подалъ генералу рекстмейстеру Дивову. Превеликая погода была изъ моря и наводненіе весь день.

31. Такая-жъ погода продолжалась и сей весь день и всю ночь.

Августъ.

1. Рано были въ дворцѣ у графа Розумовского и получили отъ него наставленіе быть у государственного великого канцлера, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмына; потомъ были въ службѣ въ дворцовой церкви и на водосвятіи, которое целебровалъ архіепископъ новгородскій, преосвященный Стефанъ Калиновскій. Послѣ въ болной салѣ съ протчими допущены были до ручки ея імператорского величества.

2. Рано были у канцлера графа Бестужева-Рюмына и просили о главной малороссійской нуждѣ. Писалъ до сина въ Кіль и къ нему-жъ въ одинъ пакетъ включилъ письмо Григорія Политики до брата его Івана Андріевича Политики, съ синомъ моимъ отехавшого. За яловець, камфору и на другіе потребности пошло 25 к.

3. Получена вѣдомость, что корабли купеческіе, отішовши въ море, знову до Кронштату возвратились, ради бывшой великой погоды, чего ради писалъ къ сину, чтобы онъ въ Кронштатѣ перенесься на государевъ пакетъ-ботъ изъ купеческого судна, ежели его тое письмо застанетъ въ Кронштатѣ.

4. Послѣ полдня былъ у капитана командира Вонна Яковлевича Корсакова и прежное и вчорашное письмо вручилъ до сина для пересылки. Служителю Марку куплены сапоги за 80 к.

5. Рано ездили съ Гудовичемъ до оберъ-секретаря іностранной коллегіи Івана Осипова Пуговишникова, а потомъ были у

графа Розумовского и доносили, что канцлеръ намъ говорилъ о имѣющой быть сторони гетмана справкѣ. Въ 1-мъ часу по полднѣ всемилостивѣйшая государиня изволила отехать въ Царское Село съ нѣкоторою частію своего гофъ-штата, а оттоль и до Пітеръгофа. За 6 бритовъ дано 42 к.

6. Послѣ исповѣди въ Невскомъ монастырѣ удостоилъся сообщится Святымъ Тайнамъ Евхаристіи, а по поздней обѣдалъ у преосвященного С. П. Бурского Феодосія; потомъ простясь съ духовнымъ своимъ отцемъ, Софроніемъ намѣстникомъ, прибылъ въ квартеру и засталъ тутъ секундъ-маіора Ландлилицкого.

7. Обѣдалъ у Носка и тамъ видѣлъся съ секретаремъ его імператорского высочества Вінклеромъ. За ганишъ и на прочее розышлось 16 к.

8. Были рано у князя Никиты Юревича Трубецкого и у Петра Івановича Шувалова и просили о дѣлѣ сторони пограничныхъ пошлинъ поголовныхъ.

9. Простилъся съ нами отежджающый племѣнникъ преосвященного Платона Маліновского, Алексій Малиновскій, за которымъ и інстаціалные писаны писма: 1-е до старшины генералной, присутствующыхъ въ войсковой енералной канцеляріи, другое отъ мене до полковника переясловского г. Сулимы. По полднѣ были у господина Венякова, совѣтника отъ адмиралитейского коммиссаріата.

11. Писалъ до жены и отдалъ оное писмо Павлу Скорупнѣ для включенія въ его пакетъ до дому отправуемый чрезъ сотника полтавского полку Павла Кота[233]), который сего числа по полдни, а съ нимъ Прокопъ Затиркевичъ отехалъ къ Малой Россіи, чрезъ него-жъ писалъ и до Скоропадского. Вечеромъ былъ на Василевскомъ острову у Новоторжцова и у молодыхъ Скоропадскихъ.

11. Обѣдали у насъ дворцовіи отъ строеній Лукянъ Кузмичъ Карзитовъ и Николай Андріевичъ Сорокинъ. Рано былъ съ Гудовичемъ у оберъ-камеръ-гера Бернъголца, отежджающого въ Голс-

---

[233]) Бѣлицкій сотникъ Котъ пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ по какому то дѣлу, касавшемуся полтавскаго полка. При отъѣздѣ его Ханенко писалъ въ Глуховъ: «полтавского полку бѣлицкій сотникъ Павелъ Котъ въ порученномъ ему отъ полку интересѣ здѣсь ничего того не примінулъ, что до его ревностного патріотства и доброй совѣсти касалось».

тинію, чрезъ которого писано и писмо отъ мене до сина въ Кіль, а по полднѣ у генерала рекстмейстера Дивова.

12. Писалъ писмо до жены въ домъ чрезъ адмиралитейского куріера, солдата 3-й роти первого морского полку, Уласа Столинникова, чрезъ него послалъ къ ней зеленого чаю полфунта, за якій далъ 1 р. На покупку нѣкоторыхъ потребностей до перешиваня каѳана гатласового зеленого пошло чрезъ руки портного 22 к. На гербовую бумагу въ рекстмейстерской канторѣ 9 к.

13. Изъ Пітеръ-гофа государиня изволила прибыть въ Санктъ-Пітербурхъ. Писалъ до Іосифа Красінского, управителя Толстыхъ, въ Москву о продажѣ запасу моего, въ вѣдомствѣ его имѣючогось, и тое писмо включилъ въ пакетъ, къ поддячему ямской канторы Якову Беляеву надписанный. За писма изъ почти полученніе зъ Москвы дано 6 к.

14. Рано былъ у маіора первого морского полку Григорія Івановича Безобразова, и тамъ въ капитанши Полянской, Маріи Івановны Тевяшовой, отобралъ писмо отъ сина моего Василя изъ моря, зъ корабля, прошлого іюля 28 писанное. Сего-жъ числа писалъ къ Скоропадскому въ Глуховъ и включилъ въ оное писмо пакетъ отъ господина брегадира Вітковича: якое писмо мое отдалъ графу Мойсею Івановичу Владиславичу для пересилки въ Стародубъ, а оттоль изъ войсковой канцеляріи въ Глуховъ. Послѣ полдня былъ у мене капитанъ отъ флоту, Андрея Іваповича Полянского синъ, Петръ Андріевичъ, сержантъ інгермоландского полку и принесъ ко мнѣ другое писмо отъ сина моего, зъ моря писанное, которому я подарилъ книжку молитвенникъ печерского друку съ тропарами.

15. Рано были у канцлера и у сенатора Голицина, потомъ въ дворцѣ службы Божой слушали, а передъ службою чинила отреченіе отъ римской вѣры съ дочерью и синомъ княгиня Долгорукая, князя Сергія Долгорукого жена. Послѣ службы были допущены къ ручки государыни, потомъ и у графа Разумовского съ архіереями видѣлись. Обѣдалъ у насъ генералъ-інтендантъ, господинъ Головинъ, потомъ ѣздили въ дворецъ государевъ лѣтный для візити отданя Івана Жоравки женѣ, Евдокіи Гарасимовнѣ, которая дочъ родила Анну, сего августа 11. Ей-же была воспріемницею всемилостивѣйшая государиня 14-го числа и пожаловала оную перстнемъ, и

сергами дорогими, и крестомъ съ мощами. Наши были потомъ на комедіи.

16. Государиня зновъ изволила отъехать изъ П. Бурха въ Петергофъ.

17. Обѣдали мы у генерала інтенданта Головина, а по возвратѣ отъ него былъ у насъ кофішенкъ Савлуковъ, который хотѣлъ дать на вексель 200 рублей.

18. Ночью жестоко я занемогъ, и первей здѣлалъся поносъ, потомъ рвоты, отчего изнемогъ, принужденъ весь день лежать. За фунтъ мила дано 5 к.

19. Вечеромъ была у насъ Татіана Лизогубовна, Венякова жена.

20. Отослана чрезъ Марка къ отцу Барановскому, ключару Петропавловскому, книга латинская, которую я у него для читаня бралъ—*de monachatu*.

21. Отослалъ чрезъ хлопця Карпа книжкў нѣмецкую до Носка—о. св. Ѳеодорѣ Стратилатѣ.

22. Куплена ночная лятарня хрусталная за 12 к.

23. На разные потребности, да за секиру розышлось 32 к.; за здѣланье кизекина 48 к.

24. Обѣдали у совѣтника Венюкова, а потомъ были у оберъ секретаря адмиралитейского Бориса Ивановича Никитина въ домѣ его, на публичной улици, противу синіого моста, имѣючемъся.

25. Великій князь и великая княгиня изъ Петергофа прибыли въ Санктъ-Петербургъ.

26. Писалъ къ сину Василю въ Киль, чтобъ онъ увѣдомилъ мене о своемъ до Любека и до Киля прибытіи, и въ его-жъ пакетъ сообщено писмо отъ Григорія Полетики, переводчика академіи наукъ санктъ п. бурской, до брата его Івана Полетики, и оные писма рекомендованы купцу Еллерсу, имѣючему ехать въ Любекъ и другіе Германіи мѣста, для пересилки до ихъ въ Киль. Рано были у насъ племѣнники графа Розумовского Василь Евфимовичъ Дараганъ и Михайло Власіевичъ съ учителемъ своимъ господиномъ Носко, мимоездомъ въ монастыръ Невскій. Надъ вечеръ были на Василевскомъ острову у капитана командира и рентмейстіра Семена Ивановича Лаптева.

27. Послѣ полдня былъ у мене купецъ іноземецъ Стефенсонъ, съ которымъ договорилъся, чтобъ чрезъ его руки пересилать деньги къ сину Василю, где онъ будетъ обращаться. Сего числа всемилостивѣйшая государиня изволила возвратится изъ Петергофа въ С.П.бурхъ.

28. Публикованъ указъ пяти копѣечной монетѣ ходить въ народѣ по 2 к. Григорію Политицѣ позичены 5 р. Прибыли въ Санктъ Пітеръ-бурхъ бунчучный товарищъ Іванъ Піроцкій и отставный полку чернѣговского, писаръ Іванъ Янушкевичъ. Отдано писмо отцу духовнику отъ Шоха, что онъ у господина Скоропадского въ Глуховѣ взялъ сто рублей денегъ.

29. Рано были у барона Черкасова и тамъ застали генерала Апраксина, потомъ слушали обѣдню въ дворци и обозный генералный былъ у ручки. Писалъ къ Скоропадскому о полученіи его писма, іюня 6 писанного, и чтобъ онъ въ домъ мой отписалъ о моемъ состояніи.

30. Передъ полднемъ въ 11-мь часу изволила государиня съ великимъ княземъ и княгинею и придворнымъ штатомъ церемоніално ехать до монастыря Александро-невского, ради нынѣшного кавалеровъ С. Александра Невского празденства, и тамъ отслушавъ обѣдню, возвратится въ свой дворецъ, где былъ для кавалеровъ того ордина столъ публічный при многократной пушечной палбѣ. Сего 30-го числа рано были мы у вицеканцлера Михаила Иларіоновича Воронцова, возвратившагося недавно изъ чужестранныхъ государствъ, съ поздравленіемъ его сіятелству того возвращенія и нынѣшнаго праздника.

31. Рано были у князя Никиты Юревича, у Петра Ивановича Шувалова и у великого канцлера, потомъ у графа Кирила Григоріевича Розумовского, таже въ обѣдни въ придворной церкви, и въ салѣ къ ручки государини и великого князя допущены.

Послѣ обѣда смотрѣли въ новомъ зимнемъ дворцѣ новои пристройки.

Сентеврій.

1. Розданы служителямъ на сей мѣсяцъ кормовые денги, а именно 16 руб. 20 к.

2. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского, а въ домъ до жены, и вручилъ оныя для включенія въ пакетъ Павла Скорупны къ отсилки чрезъ писаря запорожского.

3 и 4 Ничего не случилось.

5 Рано ездили съ поздравленіемъ и были у канцлера графа Бестужева-Рюмина и у князя Голицина, потомъ въ дворцѣ на службѣ Божой, послѣ которой была палба изъ многихъ пушекъ, потомъ изъ пушекъ-же полковыхъ и отъ полковъ гвардіи и наполныхъ три залпы бѣглымъ огнемъ палено, ради тезоименитства ея императорского величества. Таже столъ былъ публичной, и государыня съ ихъ императорскими высочествы, великимъ княземъ и великою княгинею, изволила кушать на тронѣ подъ балдахиномъ въ салѣ лѣтняго дворца, а протчіе господа и дамы, такожъ и духовные персоны кушали у особливыхъ столовъ. Мы такожде имѣли столъ особенной. Передъ обѣдомъ пожалованы господа Александръ и Петръ Івановичи Шуваловы графами. Въ вечеру былъ балъ и преизрядная въ дворцѣ иллюмѣнація, а кромѣ того и по всему. С. П. Бурху домы и крѣпость и корпусъ кадецкій иллюмінованы.

6. Купленъ шнуръ до дипліома и за оный дано 8 к. Григорію Політицѣ позичены еще 5 р. Рано были у графовъ Розумовскихъ обоихъ.

7. По службѣ Божой были у графа Румянцова, у графа Ушакова и у Петра Трубецкого, генерала фелтмаршала.

8. Рано были у віцеканцлера Воронцова, потомъ слушали обѣдню въ дворцѣ, а ея императорское величество изволила слушать службы Божіей въ церквѣ Казанскія Богородицы, а обѣдать у камеръ-юнкера Сѣверса. Въ вечеру начавшаясь въ комедіалномъ домѣ опера о Сципіонѣ продолжалась до 12 часа по полудни, на которой и государыня, и великій князь съ великою княгипею, и многіе господа, и многіе разныхъ чиновъ присутствовали.

9. Ничего не случилось.

10. Въ вечеру былъ съ Гудовичемъ у графа Мойсѣя Владиславича и Василія Івановича Венюкова.

11. Рано были у графа Розумовского и одержали отъ него обнадеживаніе какъ о главномъ дѣлѣ нашемъ, такъ и другихъ общихъ рѣчахъ.

12. За нѣкоторые дѣла дано 15 р., а прежде 5 р. изъ общихъ денегъ. И сего числа ночью противъ

13 великое было изъ моря наводненіе. За замочекъ малый дано 4½ коп.

14. Такая-жъ непогода съ дождемъ продолжалась.

15. Куплено сукна на кунтушъ 4 аршины, дано за оное 8 рублей 80 коп.

16. Пущалъ кровъ изъ руки жилную адмиралитейскій хирургъ Гартманъ, которому данъ 1 рубль.

17. Покроенъ кунтушъ и до оного на шовкъ 24 к.

18. Превеликая изъ моря была погода и паче прежныхъ болшое наводненіе.

19. Обѣдалъ я и Василь Гудовичъ у преосвященного крутицкого, Платона Маліновскаго, которому въ сей день окончилось 4 года, какъ посвященъ архіепископомъ сарскимъ и подонскимъ, да съ намижъ обѣдалъ асессоръ партикулярной верфи Максимъ Ивановичъ Карамишевъ.

20. Пожалованъ пѣвчій Кирило Ивановичъ Коченевскій именнымъ указомъ сотникомъ лохвицкимъ.

21. Рано были въ дворцѣ и тамъ по отслушаніи службы Божой допущены были къ ручкѣ ея императорского величества въ залѣ. По обѣдѣ былъ у насъ Ѳедоръ Ивановичъ Коченевскій и объявилъ объ ономъ пожалованіи брата своего.

22. Послѣ полдня изволила государиня отъехать въ Царское Село и другіе мѣста на охоту. Я обѣдалъ у дѣтей, Носкомъ обучаемыхъ, и тамъ-же видѣлся съ секретаремъ его императорского высочества Вінклеромъ.

23. Прислана мнѣ книга печатная, уставъ морской, не оправный, отъ адмиралитейской коллегіи секретаря Бориса Ивановича Никитина, чрезъ служителя господина Венюкова.

24. На литейной улицѣ построенной каменной церкви было освященіе храма преподобного Сергія чудотворца Радонежского, где и государиня при ономъ освященіи присутствовать изволила.

25. Ради праздника того-жъ святого Сергія изволила государиня до оной-же церкви на набоженство ездить церемоніално въ каретѣ пребогатой, отъ короля пруского въ подарокъ присланной, съ ассистенціею и другихъ премногихъ каретъ. Писано до жены писмо, которое въ пакетѣ до сожителници Василія Гудовича сообщено, чрезъ посилку графа Мойсѣя Владиславича. Послѣ полдня въ дворцѣ былъ куртакъ, предъ которого начатіемъ посолъ короля пол-

ского при приватной аудіенціи офферовалъ графу Алексію Григорієвичу Розумовскому кавалерію Бѣлого Орла.

26. Рано были у графа и полученіемъ оной кавалеріи поздравляли. Потомъ слушали обѣдню во дворцѣ и пожалованы къ ручкамъ обоихъ ихъ императорскихъ высочествъ. Обѣдалъ я у Ивана Журавки и отъ него пришедъ въ квартеру, захоровалъ жестоко.

27. Весь день былъ боленъ, а обозный Лизогубъ и Гудовичъ были у графа Р. рано, которымъ рекомендовалъ писать отъ насъ до Скоропадского подскарбія и Валкевича асаула генеральныхъ о дѣлѣ невершенномъ сторони сотника ічанского Стороженка. Принесены отъ отца духовника денегъ 100 рублей мѣдныхъ, дѣтямъ Скоропадскаго надлежащыхъ.

28. За четиры пари петлицъ срѣбрнихъ до нового кунтуша дано 1 р. 83 к. Послѣ полдня былъ я у секретаря его императорского высочества господина Вінклера.

29. Писалъ писмо къ сину въ Киль по почтѣ, кое имѣлъ тотъ-же секретарь Вінклеръ туда при экспедиціи отправити. За шуфлядку, на дипліомъ здѣланную, дано столяру 30 к.

30. Оное писмо отослано къ Вінклеру. За 16 куптушовъ малыхъ и 3 болшыхъ папыровыхъ дано 1 р. 56 к.

Октоврій.

1. Были у насъ по службѣ маіоръ драгунскихъ полковъ Львовъ съ другимъ офицеромъ и обѣдали, да предъ обѣдомъ жена Жоравкина, а послѣ капитанъ поруччикъ Марковичъ и господинъ Венюковъ съ женою. За оправу двохъ книгъ морского устава и полской псалтири дано 65 к.

2. Писано писмо въ отвѣтъ къ сотнику вибелскому Николаю Тризнѣ.

3. За роботу кунтуша суконного Стефану кравцю дано 50 к. За побѣлене и направу чайника мѣдного болшого 8 к. По силѣ именного указу арестовано деякіе пожитки и писма въ квартерѣ Василія Ивановича Венюкова.

4. Возвращены Ивану Янушкевичу данные имъ 50 к. Государиня изволила прибыть въ Санктъ-Питербурхъ.

5. Рано были въ дворцѣ и послѣ службы у ручки государини, потомъ у графа Розумовского съ архіереями. Въ вечеру былъ у насъ Новоторжцовъ съ женою.

6. Григорій Дмитріевъ прибылъ отъ сина изъ Киля. Вечеромъ былъ у насъ Венюковъ. Грицку даны 4 р. на заплату шкиперу, который его привезъ изъ Киля.

7. Въ второмъ часу по полудни изволила государиня со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ и великіе князь и княгиня переехать въ зимній дворецъ изъ лѣтняго при пушечной палбѣ изъ яхтъ, противъ лѣтняго дворца на Невѣ стоячихъ, изъ крѣпости и изъ адмиралтейства.

8. За поправу двохъ старыхъ книжокъ еще перепліотчику дано 8 коп.

9. Были мы въ дворцѣ зимнемъ первой разъ, и побувавъ въ квартерѣ Жоравковой, который ездилъ въ сенатъ для отправленій, надлежащихъ по его челобитнимъ въ силѣ именного указу, извѣстились, что нарочный куріеръ отправленъ въ Глуховъ для висилки оттоль сюда къ отвѣту Валкевича и для описѣ купленныхъ добръ и прочихъ, маткою Журавковою владѣемыхъ. Вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ, а мы въ день у господина генерала интенданта Головина.

10. Даны въ перепліотъ двѣ книги латинскіе, изъ Киля отъ сина мнѣ присланные, за которіе отъ роботы надлежитъ дать 80 к., и даны уже 15 к.

11. Писалъ до сина Василя въ Киль писмо противъ его писма, чрезъ Грицка полученного, и вручилъ купцу здешнему Івану Юрьевичу Стефенсону для пересилки въ Киль. На виручку вещей Грицковыхъ отъ таможни дано ему 41 к. Въ складку харчевую за его-жъ 40 к. За шесть бритовъ съ пожичками и бритовникомъ дано 60 к.

12. Писалъ писмо къ брегадиру Вітковичу съ включеніемъ писма къ нему-жъ отъ Скоропадского, и отослано къ графу Мойсѣю Владиславичу для пересилки, куда надлежитъ. Обѣдали у новоопредѣленного сотника лохвицкого Кирила Івановича Кочневского, купно съ братомъ его Ѳедоромъ Івановичемъ.

13. У его сіательства, графа Михаила Ларіоновича Воронцова, государственного вице-канцлера, кушали обѣдъ, званніи отъ него нарочно.

14. За оправу двохъ книжокъ, отъ Василя сина изъ Киля присланныхъ, доплачено 65 к.

15. Писалъ писма къ Василю сину въ Киль, такожъ къ тайному совѣтнику и кавалеру Вестфалену по латинѣ, да до іеромонаха тамошнего, при церквѣ въ Килѣ обрѣтаючегося, отца Іова, и оные для отсилки въ Киль вручилъ секретарю г. Винклеру. Въ вечеру былъ у купца Івана Юревича и вручилъ ему 20 червоныхъ, чтобъ онъ тѣ денги перевелъ къ сину моему Василю въ Киль чрезъ своего въ Любеку корреспондента.

16. За оклейку пергамѣномъ ящика на дипломъ далъ переплётчику 30 к.

17. Писалъ писмо въ Глуховъ къ Скоропадскому, до Іосифа и въ домъ до жены, где и отъ Гудовича до его жены включено писмо, такожъ отъ дѣтей Скоропадского къ нему и отъ Янушкевича пакеты также сообщены.

18. За оковане ящика на дипломъ дано 40 к.

19. Рано были у оберъ-маршала Шепелева сторони гайдука Романа, потомъ у графа Воронцова вице-канцлера, таже въ дворцѣ и допущены были къ ручки государини.

20. Дано Грицку на его нужды 1 р., за горщикъ поливаный 3 к.

21. Отослалъ книжки латинскіе къ Григорію Политикѣ, а 5 изъ тихъ-же книгъ у себе оставилъ, за которые надлежитъ заплатить 4 р. 85 к., и заплачены.

22. Никуди изъ квартери не бывали. Писма вручилъ Роману гайдуку, въ Глуховъ подъ числомъ 17 писанные.

22. Ради именинъ обозного генералного Якова Лизогуба были званы гости на кушанье изъ дворцовыхъ пѣвчихъ, а въ вечеру былъ и господинъ Головинъ съ сожителницею, послѣ всѣхъ-же отехалъ секретарь Новоторжцовъ.

24. Весь день пролежалъ. Капитанъ гвардіи семеновского полку Полозовъ отправленъ въ Глуховъ.

25. Писалъ писмо до сина въ Киль съ посилкою assignаціи, данной отъ купца иноземца Стефенсона до купца Реппенкгагена въ Любекъ, чтобъ онъ заплатилъ сину моему 20 червоныхъ, которые здѣсь вручены отъ мене 15 числа сего теченія Стефенсону, и то мое писмо съ assignаціею отдано секретарю Вінклеру для

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ. а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя. отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1885 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Трехсвятительская улица*, *№ 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго, Панчешникова въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

Въ конторѣ редакціи журнала «Кіев. Старина» принимается подписка на издающуюся во Львовѣ газету:

„ЗОРЯ.“ Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 9.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1886 г.

I. ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА. **Н. С—на.** 1

II. КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ. 26

III. БОРЬБА СЪ КАТОЛИЧЕСТВОМЪ И УМСТВЕННОЕ ПРОБУЖДЕНІЕ ЮЖНОЙ РУСИ КЪ КОНЦУ XVI В. 44

IV. ВѢДЬМА (полѣсскій разсказъ). *(Продолженіе)* 79

V. ЧТО СЛЫШАЛОСЬ И ЧТО ВИДѢЛОСЬ. **Б. Познанскаго** . . 108

VI. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.) *(Продолженіе)* 130

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Червенскіе города. Историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червенной Руси. Соч. А. В. Лонгинова. Варшава. 1885 г.—*И. Голубовскаго.*—б) Кн. Е. Горчакова. Кіевъ, съ приложеніемъ плана г. Кіева. Москва. 1885 г. *W.*—в) Dumy ukraińskie. Rzecz o eposie kozackim rusinów, przez C. Neymana. Odbitka z Ateneum z 1865 г.—*А. С—ка.*—г) Извѣстія Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—1884 годы, съ приложеніями. Спб. 1885 г.—*И. Камянина.* 146

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи кіевскихъ Золотыхъ Воротъ.—*Д. Сапожникова.*—б) По поводу замѣтокъ по исторической географіи южно-русскихъ степей.—*Петра Голубовскаго.*—в) Затерявшаяся пѣсня о событіяхъ 1696 г.—*П. Е.*—г) Околдованіе начальства.—*П. Е.*—д) Изъ записной книжки.—*Н. В.*—е) Семейная драма въ уманскомъ военномъ поселеніи.—*В. Лелета.*—з) Константинъ Францовичъ Ухачъ-Охоровичъ.—*М. Комарова.*—ж) Константинъ Даниловичъ Думитрашко.—*Ѳ. Лободы* 163

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Продолженіе).* . . . . . 289—304

Открыта подписка на „Кіевскую Старину" 1886 года. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины", Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1885 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.